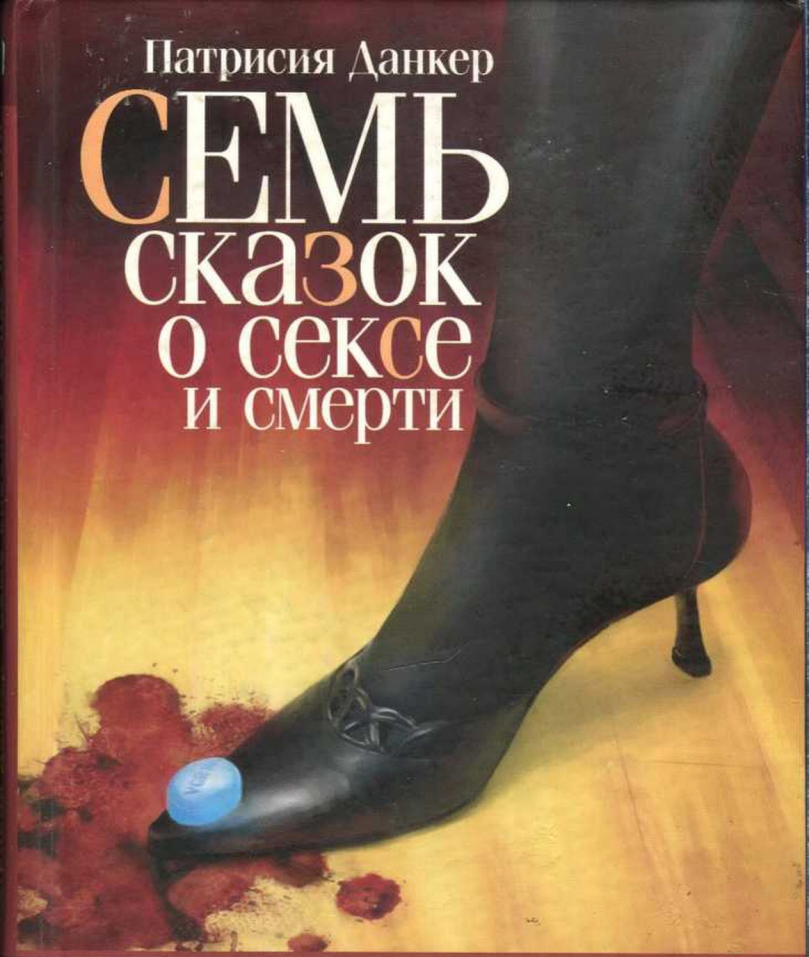
Патрисия Данкер

СЕМЬ сказок о сексе и смерти



ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Семь сказок о сексе и смерти
Патрисия Данкер

Аннотация
Патрисия Данкер. Семь сказок о сексе и смерти
От автора
Благодарности
1. Преследователь
2. София Уолтерс Шоу
3. Стрелковое оружие
4. Переезд
5. Забастовка
6. Париж
7. Моя трактовка
Послесловие переводчиков

Аннотация

Вот я и решила написать серию переплетенных между собой историй, рассказанных от первого лица разными голосами. Вот неизменные сюжеты: изнасилование, терроризм, растление, извращения, все потустороннее и зловещее, полтергейст, вампиры и пришельцы, маньяки, загадочные преследователи (которые обычно тоже оказываются маньяками), домашнее насилие, порнография и массовые убийства. Жертвы всех этих преступлений — как правило, женщины…

Последняя книга Патрисии Данкер “Семь сказок о сексе и смерти” написана, чтобы тревожить и провоцировать.

Впервые на русском языке.

Патрисия Данкер
Семь сказок о сексе и смерти

Посвящается С. Дж. Д.

От автора

Впервые “Семь сказок” были задуманы как литературный отклик на фильмы категории “Б”, которые я так люблю смотреть поздней ночью по французскому телевидению. Иногда мне трудно уснуть, и я с изумлением обнаружила, что если посмотреть фильм ужасов в 0.20, весь ужас остается в ящике, а не у меня в голове. После этого я крепко засыпаю. Вот я и решила написать серию переплетенных между собой историй, рассказанных от первого лица разными голосами. В них оживают те штампы, которые столь неутомимо насаждаются американской кинокультурой, хотя и не только ею. Вот неизменные сюжеты ночного французского телевидения: изнасилование, терроризм, растление, извращения, все потустороннее и зловещее, полтергейст, вампиры и пришельцы, маньяки, загадочные преследователи (которые обычно тоже оказываются маньяками), домашнее насилие, порнография и массовые убийства. Жертвы всех этих преступлений — как правило, женщины.

Я называю свои истории сказками, потому что

именно в этом жанре писатели традиционно разрабатывают темы, запретные в обычном дневном мире. Эти сказки — порождение ночи. В них я отбрасываю путы политической корректности, буржуазной морали и хорошего вкуса. Я делаю это намеренно. Меня интересовали аморальные, мстительные и злопамятные персонажи, которые, однако, могут логично и убедительно отстаивать свою точку зрения. Не все они чудовища. Два моих персонажа — немолодые, грузные и предприимчивые — прошли сквозь нелегкие испытания с таким юмором и присутствием духа, что мне бы хотелось брать с них пример.

Переклички в моих историях неслучайны. И “Переезд”, и “Забастовка” повествуют о конце света. “Моя трактовка” — комическая вариация той темы, что затронута в “Стрелковом оружии”. Всех нас иногда посещает желание перестрелять соседей, но только теперь, сочинив “Мою трактовку”, я понимаю, насколько гомерически смешными могут быть семейные распри. “Семь сказок” были написаны, чтобы тревожить и провоцировать. Я хочу, чтобы мои читатели переосмыслили расхожие представления о сексуальности и насилии, посмотрели на эти клише свежим взглядом — и задумались.

Благодарности

Я благодарна следующим людям за их помощь, поддержку и одобрение: мсье и мадам Алексис, Питу Эйртону, Элисон Болл, Рене и Николь Котте-Эмар, Джоан Кроуфорд, Уиллу Дэтсону, Ричарду Данкеру, Миранде и Матильде Данкер, Дейву Эвансу, Виктории Хоббс, Энн Джейкобс, Питеру Лэмберту, Жаклин Мартель, Дженни Ньюман, Менне Филлипс, Александре Прингл, мадам Ми-ми Рубио, Мириам Рубио, Дэвиду Шаттлтону и Николь Тувено. Клод Шателяр помогла мне своими знаниями о Франции. Конечно, все ошибки на моей совести. Как всегда, больше всего я обязана С. Дж. Д.

Ранние версии четырех вошедших в сборник историй были опубликованы в перечисленных ниже изданиях. Я признательна редакторам и издателям этих книг и газет за любезное разрешение перепечатать мои произведения.

“София Уолтерс Шоу” — в сборнике “Метаморфозы Овидия” под редакцией Филипа Терри (изд. *Chatto & Windus,* 2000), стр. 78—109.

“Переезд” — “*Express on Sunday Magazine*”, 13

июня 1999.

“Париж” — в сборнике “Сборник рассказов о Париже журнала ‘Time Out’” под редакцией Николаса Ройла (изд. *Penguin Books*, 1999), стр. 1—12.

“Преследователь” — в сборнике *“New Writing 8”* под редакцией Тибора Фишера и Лоренса Норфолка (изд. *Vintage*, 1999), стр. 1—39.

Я закончила работу над этой рукописью в замке Готорнден в Шотландии. Я благодарна директору, администратору и персоналу Готорндена за возможность работать в идеальных условиях.

1
Преследователь

Я знаю, что за мной наблюдают. Я думаю, женщина всегда чувствует, когда мужчина за ней следит. Даже если она не знает, кто он. Я ощущаю его взгляд, оценивающий мою фигуру, следующий за колыханием моей юбки. Его глаза огнем жгут высокий подъем моей ступни, нежный изгиб, заметный под кожаными ремешками сандалий. Я снимаю сандалии, чтобы позагорать, на ногах остается отпечаток из белых полосок. Ему нравятся мои ноги. Я рассматриваю их, обхватив колени. Пальцы без педикюра, загорелые, прямые, красивые. На первых фалангах больших пальцев тонкая дорожка волосков. Все волосы на моем теле мягкие и очень светлые. Я всегда ношу простую, удобную одежду, которая, тем не менее, хорошо обрисовывает тело. Мне почти сорок, но талия у меня такая же тонкая, как была в восемнадцать. И я хочу, чтобы все это видели. Я никогда не была беременна. И никогда не хотела детей. Мое тело все еще принадлежит мне.

Иногда мне хочется, чтобы он как-то выдал себя.

Сегодня, возвращаясь от гостиничного бассейна к себе в комнату по неровной голубой мозаике, я чувствовала на себе его взгляд. Его желание согревало мне затылок. От его яростного взгляда волоски на коже встали дыбом. Моя спина, бедра были еще мокрыми от воды. Я обернулась, инстинктивно прикрыв грудь полотенцем, но никого не увидела. Женщина всегда знает, когда ее преследуют. Я знаю, что он был там.

За обедом я всматривалась в мужские лица. Кто? Ты? Или, может, ты?

Я не всегда путешествую с мужем. Иногда он целое лето в разъездах, и я почти его не вижу. Но сейчас он в творческом отпуске, а его последние раскопки финансируются государством. Поэтому начало года он проводит здесь, на этом острове, с группой молодых археологов, которые получают гроши, но все как один жаждут поработать со знаменитым профессором. Они истово скоблят крошащуюся стену или откапывают необработанный край едва видного желоба. Натягивают прямые линии веревок. Осторожно проносят по раскопкам ведра с землей и просеивают ее в поисках древних безделушек, осколков ваз или костей. Над центральной ямой они установили рифленый металлический навес, который обра-

зует большую квадратную тень. Там, в этой тени, и сидит великий профессор, знаменитый специалист, который знает, как читать слои песка и гальки, — толстые стекла очков сверкают среди веснушек, когда он вглядывается в твердый пласт крошащейся земли.

Эта площадка на склоне представляет особый интерес. Люди жили здесь несколько тысячелетий. Мой муж знает, как прочесть слои времени, запечатленные в почве. Этот фундамент уже выравнивали когда-то другие руки, пять тысяч лет назад.

— Кто здесь жил? — спрашиваю я, поглаживая гладкий изгиб найденного ими каменного блюда.

Муж пускается в лекцию о докерамических культурах. Этот участок явно относится к неолиту. Об этом говорят стены, построенные странными сцепленными кругами. Я стою на утрамбованной, раскопанной земле и обозреваю изрытую площадку. Афинский коллега мужа проверил несколько находок методом радиоуглеродного анализа, и получил разброс некалиброванных дат от 5800 до 5500 года до н. э. — докерамический неолит. Я не могу представить, как они жили. Кто была женщина, трогавшая это блюдо? При-

надлежало ли оно ей? Или ее матери? Может, она сделала его сама? Как она месила глину смуглыми руками? Я представляю ее смуглой, как Линдси, с блестящими черными волосами, с широкими жестами, — когда она играла в школьном спектакле, все взгляды были прикованы к ней. Мой муж тогда не знал Линдси, только видел ее на фотографии — на официальном школьном снимке.

— На что они надеялись? Чего хотели? О чем мечтали?

Я знаю, что говорю вздор. Я смотрю на белые скалы, обрывающиеся в море. Вид с раскопок великолепен, его печатают в каждой туристической брошюре: отвесные белые скалы и море без приливов и отливов, синяя толща воды у берега становится прозрачной, аквамариновой, чистой — яркие, сочные краски детской палитры. Даже в это раннее время года земля испещрена крошечными белыми цветами и, поскольку по утрам еще прохладно, — заметным слоем росы.

Мой муж считает, что моя непосредственность очаровательна. Он улыбается. Он всегда улыбается, когда я бываю бездумной, инфантильной, когда из моих уст вылетает стайка затертых клише. Я подтверждаю его право быть снисходительным к слабому полу.

— Я думаю, они были очень похожи на нас. Хотя, конечно, им приходилось больше работать, чтобы есть. Кажется, что эта деревня расположена довольно далеко от моря. Но море тогда было ближе. Посмотри на эту долину. Видишь тополя? Там есть поселок у реки. Гораздо меньше этого — то место было трудней защитить. Люди здесь почти наверняка промышляли рыболовством. И, может быть, торговлей.

Как все преподаватели, мой муж склонен пускаться в избыточные объяснения. Он начинает рассказывать мне о раскопках 1977 года, которые финансировались французским Центром научных исследований. Они не ожидали, что объем работ окажется таким обширным. Мой муж разослал срочные факсы всем влиятельным ученым, которые занимаются этой темой. Французы должны вот-вот приехать. Мой муж не специалист по неолиту. Он случайно наткнулся на эти древности. Он занимается ранними греками, ищет никем до сих пор не найденный храм Зевса.

Храм Зевса. Сохранились письменные источники с упоминаниями о нем. Вот, например, экстатический вопль поэта при виде гряды белых скал на горизонте:

Вот остаются враги позади, и из волн

виноцветных —

Как веселятся сердца! — храм Зевса возвысился

гордый.

Ярко сияют на солнце столбы из скифского камня

В скалах родных берегов…

Муж говорит, что поэты часто бывают очень точны в географических описаниях. И героические деяния, которые преподносят как мифы, часто оказываются историческими фактами — преувеличенными, приукрашенными, но фактами. Битвы были на самом деле, и кровь героев текла рекой, и семь волов, убранных гирляндами, были приготовлены в жертву, дабы воздать хвалу и благодарность Зевсу. В конце концов, добавляет муж, и христианство основано не на мифах, а на исторических фактах. Доказательство тому — Плиний и Тацит. Но у моего мужа нет времени на религию. В этой части истории, по его мнению, желаемое выдается за действительное. Лично я не вижу никакой разницы между воскресением Христа и превращениями Зевса. Но я ничего не говорю.

Ведь муж приезжает сюда год за годом, копает

эту сухую землю, белую и оранжевую, обнажая площади, купальни, амбары, гимнастические залы с этими чудными гладкими плитами, обвалившиеся колонны храма Аполлона, следы забытых жертвоприношений в большой яме внутри священных стен. Должно быть, совсем рядом, неподалеку от храмового комплекса — здесь и стоял храм Зевса. И Макмиллан начинает новые раскопки, в другом секторе холма, над скалами; там, к несчастью, обнаруживает амфитеатр, и становится знаменитым. Теперь его имя навсегда связано с этими раскопками и этим островом. Он публикует статью “Амфитеатр в Иерокитии, предварительный отчет” в “Записках международного археологического общества” (1986), а четыре года спустя — большую книгу: “Иерокития: раннее греческое поселение в Восточном Средиземноморье”, издательство Йельского университета, 1990, со 142 черно-белыми иллюстрациями, шестью картами и обширными приложениями. В результате его находку заносят в список памятников мирового наследия ЮНЕСКО, и остров превращается в туристический центр. Но мечта моего мужа остается неосуществленной. Его всепоглощающая, вечная мечта: дотронуться до скифского мрамора благо-

родных колонн, постоять там, где стояли жрецы в облачении, со сверкающими, очищенными перед жертвоприношением ножами, перед алтарем в храме Зевса.

Я вытягиваюсь под простынями, раздвигаю ноги. Его нет в этой комнате. Нет его и снаружи, он не подглядывает в щели ставней, как банальный вуайерист. Но мне хотелось бы, чтобы он был там. Я не хочу ясно видеть его, но жажду ощутить его тяжесть на своем животе, его лицо, уткнувшееся мне в шею. Даже с плотно закрытыми глазами, или если он придет в полной темноте — а я хочу, чтобы он пришел, — я почувствую, как его жадный взгляд иссушает пот между моими грудями, влажный жар между бедрами. Я беспокойно ерзаю на постели. Я впадаю в дрему. Мне снятся сны.

Мне не свойственно желать прикосновения мужчины с такой интенсивностью. В школе я была влюблена в Линдси, самую красивую девочку в классе. Я обожала ее длинные руки, ее плечи пловчихи, покрывавшиеся капельками воды, когда она плыла 200 метров баттерфляем, а я болела за нее с трибуны у школьного бассейна. На фотографии класса, которая стоит на комоде у меня дома, не видно, что мы держимся за руки.

На этом снимке мы весело улыбаемся, стоя на стульях в заднем ряду, прямо за классной руководительницей, в синих форменных платьях с широкими черными поясами, — и держимся за руки. В шестом классе Линдси была старостой. Она выигрывала все конкурсы, все призы: лучшее сочинение, лучшее сочинение на латыни, заплыв вольным стилем на 400 метров, медаль за выразительное чтение стихов (в этом конкурсе она победила представителей трех других школ северного округа Оксфорда), награда дискуссионного клуба за лучшее публичное выступление. Она никогда не встречалась с мальчиками и в восемнадцать оставалась девственницей.

Мой роман с Линдси продолжался много лет. Бесконечная подготовка к экзаменам в конце года, когда мы, совсем еще дети, лежали на влажном лугу за школой, среди оранжевой ястребинки и дикой гвоздики и проверяли друг у друга цитаты из “Юлия Цезаря”. И были так безоглядно влюблены. И эти часы в музыкальном классе, где мы, как предполагалось, готовили спектакль на окончание четвертого класса, а на самом деле украдкой целовали друг другу пальцы, уши, губы. Однажды она оставила на мне след укуса — на выступе лопатки, под платьем, там, где никто не увидит.

Моя любовь к Линдси окутана запахом жареной картошки в газетном кульке, купленной по пути домой, шелестом огромных каштанов и берез на школьном дворе, раскинувшихся над нами, словно шатры; переплетена маргаритками там, где мы гуляли рука об руку. Все знали, что мы закадычные подруги. Мальчики не назначали нам свиданий — знали, что мы никуда не ходим друг без друга. Родители считали нашу страсть переходным этапом, который со временем пройдет. А мы оставались неразлучны. Мы ненавидели каникулы в кругу семьи — тоску на пляже, постоянные походы на почту в романтическом ожидании ежедневного письма. Из нас двоих я была красавица: короткие светлые волосы подстрижены так, что едва закрывают уши, темные брови того и гляди сойдутся у переносицы — Линдси не разрешала мне их выщипывать. Я выщипываю их теперь.

А Линдси была умница — чемпионка, лауреатка, первая ученица. Прирожденная победительница — широкоплечая, длинноногая, темноволосая. Высокого роста. Родители-профессора и трое братьев. Все было ей дано. Когда она говорила, все слушали. А я была девочкой, которую она выбрала. Ее лучшей подругой.

Но сами знаете, как это бывает. Нас послали учиться в разные университеты, несмотря на все наши махинации со школьными анкетами и вычурную ложь, сплетенную для родителей. Я училась в Кембридже, изучала археологию и антропологию, встретила Макмиллана, младшего научного сотрудника, за которого впоследствии вышла замуж. Линдси уехала в Суссекс, обосновалась в стильном жилище с коваными балкончиками. Она встретила другую женщину, с которой, как она мне сказала, “пошла до конца”. Как можно “пойти до конца” с другой женщиной? Это было страшное предательство. Если бы она встретила другого мужчину, задело бы меня так сильно? Я никогда этого не узнаю. У Линдси не было мужчин. Тогда я дулась целый семестр, не отвечала на открытки, письма, звонки, цветы.

Помирил нас Макмиллан. Он сказал, что помолвка — не повод забывать старых друзей. В конце концов, брак — только часть жизни. Может быть, самая главная, но не единственная. И мы встретились в модном ресторанчике в Сохо, который всем нам был не по карману. Я познакомила Линдси с Макмилланом, а другая женщина не пришла. Так что теперь Линдси могла чувствовать себя обиженной.

Но как она была прекрасна — все такая же стройная и высокая, но с чуть округлившимся лицом, в обтягивающем черном топе. Когда она сняла жакет, соски отчетливо обрисовались под тонким спортивным лифчиком. Мои бедра сладко сжимались во влажной надежде, пока я поглощала суп из моркови с кориандром, щедро сдобренный сливками. Макмиллан прочитал свою первую лекцию о раннем поселении греков в Восточном Средиземноморье, элегантный доклад о современных исследованиях и последних находках. Линдси была рассеяна и вежлива. Я заметила, что она почти не накрашена, и ногти ее подстрижены коротко. Я сжала ее пальцы, когда мы прощались, уговариваясь о скорой встрече, но не назначая точной даты. Она не ответила на мое тайное пожатие. И тогда я поняла, что наш роман окончен.

Я переворачиваюсь на живот. Легкий морской ветерок колышет белые занавески — тонкое кружево, машинная вышивка: сатир и нимфа, мужчина преследует женщину, завитки его кудрей, его козлиные ноги, гротескные в своем изяществе, она оглядывается, подстрекает его взглядом. Я крепко, до боли, зажмуриваю глаза. Как это было, Линдси? Все взгляды скрещивались

на тебе, вечер за вечером. Тебе нравилось быть у всех на глазах? Кто наблюдал за тобой? Кто планировал с таким умом, с такой мстительной изобретательностью твою скандально публичную смерть?

Линдси де ла Тур. Она взяла девичью фамилию матери в порыве феминистского отторжения патриархальности, а потом это имя стало официальным *nom de guerre*[1] элегантной лесбиянки, ведущей программы “Вся Европа”, в десять тридцать вечера по будням. Патентованная роковая женщина, героиня воскресных выпусков “Гардиана”, обладательница всех престижных призов. В самом ее лесбийстве был шик — с этой убийственно яркой помадой, туго обтягивающими топами. Ею бредил каждый мужчина, этой недоступной сердцеедкой, коротко стриженной амазонкой с длинными пальцами и бедрами спортсмена. Эта утонченная леди вила веревки из политиков, беседовала по-французски с еврочиновниками, флиртовала с дамой-мэром Страсбурга, попутно задавая массу щекотливых вопросов о бюджете и коррупции. В качестве телеведущей она побила

[1] Примечания: 1
Псевдонимом (*фр.*) — *Здесь и далее прим. переводчиков.*

рейтинги Паксмана[2], и никому не удавалось сорваться с ее крючка.

— Ты ведь ее знаешь, дорогая? Вы вместе учились? Ведь мы с ней тогда встречались в том ресторанчике в Сохо?

Да, я знала ее. Я была ее лучшей подругой. А теперь она принадлежит всем. Любой сейчас может восхищаться этими широкими плечами пловчихи, умением в споре загнать оппонента в угол, этой ошеломляющей прямотой. Ей все равно, что о ней говорят. Да, она — лесбийская икона, носовая фигура каждого корабля, пускающегося в опасное плаванье по политическому океану, ее лицо всегда на обложке “Дивы”. Она — воплощение успеха. В ней есть все необходимые качества. Она стройна, красива, самоуверенна, ее желают все мужчины и все женщины, но руки прочь. Она недосягаема. Достаточно послушать, как она говорит.

Так кто же наблюдал за ней, следил, обманывал бдительность охранников, швейцаров? Проникал сквозь запертые двери?

К чему этот вопрос? Каждый вечер за ней следили миллионы глаз. Так зачем спрашивать,

---

[2] Примечания: 2

Джереми Паксман (р. 1950) — один из самых известных тележурналистов “Би-би-си”.

кто? Кто-нибудь из четырех миллионов, а то и больше.

Но от того, как это случилось, замерла вся нация. Все репортажи об этом деле я вырезаю и снимаю с них копии, потому что газетная бумага от времени желтеет и рассыпается. Я тщательно отметила тот телефонный номер, по которому нужно звонить, если мы что-то видели, что-то знаем, можем дать какую-то зацепку. Я завела небольшую коричневую папку, анонимный накопитель информации. Я стала детективом, собирающим воедино элементы головоломки. Но даже я не знаю, кто он был, тот мужчина, что следил за ней.

Она жила одна, в двухэтажной квартире в западной части Лондона. Пресса проявила скрытность, адрес не разглашался. У нее был шофер, в доме постоянно находился охранник, велось непрерывное видеонаблюдение. Она никогда не пользовалась общественным транспортом. По магазинам ходила в темных очках и шарфе, как кинозвезда пятидесятых. Но с ее ростом, с ее грацией — люди часто догадывались. Вы случайно не?.. И она всегда улыбалась.

Первой ласточкой стала маленькая заметка в “Санди Таймс” — об аресте человека, который

преследовал принцессу Диану. Он обычно ждал ее у спортзала, где она занималась. Никогда не угрожал, не вступал с ней в контакт. Просто наблюдал. Казалось, ему наплевать на угрозы полиции. Он стоял и смотрел — на улице, в толпе, в аэропорту, за резиновыми фикусами и гигантскими папоротниками. Обычный парень, чья комнатушка была вся обклеена цветными портретами обожаемой принцессы. Она разрыдалась под его немигающим взглядом и потребовала, чтобы ее оградили от преследования. Однако вот оно, мелким шрифтом: среди других знаменитых женщин, за которыми кто-то следит, упомянута и она, — эффектный цветной снимок прилагается:

Линдси де да Тур, блистательная лесбиянка, ведущая вечерней политической программы “Вся Европа”, заявила о постоянно преследующем ее на улицах мужчине. Полиция не смогла установить личность виновного и задержать его.

Я вырезала эту крошечную заметку. Это была моя первая зацепка.

Но весть о ее смерти годом позже, обрушившаяся со всех таблоидов, со всех первых полос, вторая новость во всех вечерних программах, застала меня врасплох.

Ее тело отсутствовало. Никаких фотографий. Только нечеткие снимки парадной двери за гирляндами желтой полицейской ленты, лучшие архивные кадры “Всей Европы”, потрясенные коллеги, источающие зависть к ее успеху и затаенное торжество по случаю ее гибели, наперебой рвущиеся к камере, чтобы рассказать, когда они ее видели в последний раз и какой счастливой она выглядела. И мимолетнейшее явление женщины, которую мне больше всего хотелось увидеть, — ее любовницы, исполнительного директора крупной компании Елены Свонн, чьи накладные плечи обвисли под тяжестью горя. Я жадно заглатывала прессу. Полиция описывала происшедшее как “жестокое убийство на сексуальной почве”. Но подробностей не сообщали, чтобы избежать имитаций. То же самое было с “йоркширским потрошителем”[3]. Прошел слушок об отвертке, но что он с ней делал, оставалось загадкой до самого суда. Мы узнали, чего нам следовало бояться, только когда все было кончено. Я неделями записывала новости на видео, пока все не улеглось, и смотрела на ее исчезнувшее

[3] Примечания: 3

“Йоркширский потрошитель” — Дэвид Сатклифф, маньяк, осужденный в 1981 г. на пожизненное заключение за зверские убийства тринадцати женщин.

лицо, навеки застывшее в расплывчатых кадрах хроники.

Полиция искала крупного, сильного мужчину, агрессивного, одержимого психопата-извращенца, каких в наши дни не так уж мало. Он не оставил ни следов крови, ни отпечатков пальцев на ее теле или на иных предметах в доме. Линдси де ла Тур была широко известной лесбиянкой. Это почти наверняка сыграло свою роль. Искали мужчину, который при помощи какого-то невероятного приспособления смог сломать дверь. Усиленная стальная конструкция, укреплявшая дверную коробку, не выдержала и подалась под его натиском. И еще одна странная деталь — деталь, которая заглушила мои сомнения, разбудила во мне обычную решимость и подтолкнула к действию. *Полиция уверена, что жертва была знакома с убийцей.*

Всех друзей и коллег подробно допросили. Полиция рекомендовала прессе проявить уважение к желанию семьи устроить закрытые похороны. Однако заупокойная служба в церкви Святого Мартина-в-Полях, напыщенная и ханжеская — Линдси пришла бы в ярость — состоялась при большом стечении народа, скорбящие наводнили всю Трафальгарскую площадь. Все обсуждали

ее убийцу, но подробностей никто не знал. Как беззащитны они, эти яркие звезды маленьких экранов, всегда на публике, герои чужих фантазий, объекты чужих желаний. Ее осиротевшее крыльцо было завалено букетами роз. Ее оплакивали безудержно и сладострастно.

Тем летом я была одна в доме. Макмиллан читал лекции в Калифорнии. После потрясающей находки — амфитеатра в Иерокитии — его пригласили в Оксфорд возглавить факультет классической археологии. Он стал известен не менее Барри Канлиффа, красавца-мужчины, откопавшего виллу в Фишберне. Макмиллану теперь приходилось постоянно колесить с лекциями, вооружившись слайдами и диаграммами. Ему предлагали гранты, пожертвования, субсидии и университетские должности. Он приходил домой только к ужину, его неустанно превозносили. Когда он был в отъезде, я кормила кошек, поливала цветы и жила в интенсивном режиме чтения и садоводства. Чрезвычайно приятное существование.

У меня нет детей, которые бы занимали все мое время, я никогда их не хотела. Дети неопрятны и шумны, а я всегда ценила порядок и покой. Я ненавидела грошовые подработки и частное пре-

подавание, всю эту суету, которая поддерживает жизнь в оксфордских женах. Я не нуждаюсь в деньгах, и мне не бывает скучно. С какой стати я должна работать? Поэтому, когда Линдси убили, у меня было достаточно времени на размышления и сбор информации. Впрочем, узнать все, что мне хотелось, не представляло никакого труда. Я ведь была ее лучшей подругой. Я выждала пять дней после похорон. И объявилась, вся в слезах, на пороге ее матери.

Они жили под Оксфордом, в Чиппин-Нортон, к замшелым белым воротам вела тенистая аллея, крокетная площадка была покрыта стоячими лужами. В этом доме я играла с Линдси, когда мы были детьми. Здесь стояло дерево с самодельными качелями — огромная автомобильная шина, свисающая с ветки, теперь обтрепалась и облезла. А вот и косогор с лужайкой: по просьбе матери Линдси мы подстригали ее красивыми ровными полосами, оседлав огромную зеленую дизельную колесницу, которая отбрасывала сноп восхитительных влажных хлопьев травы во вздымавшийся за нами мешок, как у пылесоса. Сейчас здесь цвело новое поколение незатоптанных ноготков и душистого горошка. И мать Линдси тоже была здесь, съежившаяся, старая.

Я стояла перед ней и всхлипывала. Это произвело нужное впечатление.

Ее мать втянула меня внутрь, в темноту и прохладу, и стиснула мои руки.

— Она была такая красивая, — прошептала она печально.

Она все еще была красива, когда их, как ближайших родственников, вызвали опознавать тело. Они видели ее лицо — оно еще было прежним. Полицейские не стали показывать им фотографии. Но на дознании, конечно, будут обсуждать детали преступления. Их адвокат будет настаивать на том, чтобы часть информации не разглашали. Не стоит подогревать фантазию маньяков и убийц в Западном Лондоне. И стыд, боже, какой стыд. Конечно, они надеялись, что Линдси со временем встретит мужчину, одумается; в школе это все было естественно, но потом — так упорствовать! Вот ты же, дорогая, вышла замуж за этого симпатичного профессора… А она, она… Так рисковать. Но поздно, сейчас уже слишком поздно…

Я не посмела остаться дольше, чем диктуют приличия.

Следующий шаг был очевиден. Я воспользовалась отсутствием мужа. И пошла прямиком

в полицию. Они установили мою личность. Позвонили родителям Линдси, которые были трогательно благодарны. Все, что она знает. Пусть скажет все. Скажи им. Любая мелочь может помочь. Моя речь была тщательно подготовлена.

“Вы не должны разглашать мое имя. Я — замужняя женщина, и мой муж ничего об этом не знает. Он не знает, что я пришла сюда. И не должен узнать. Обещайте мне полную конфиденциальность. Я была одной из любовниц Линдси. Я была ее ближайшей подругой. Я расскажу вам все, что смогу, чтобы помочь найти того, кто ее убил.

Вы говорите, вы уверены, что она знала убийцу. Может быть, я смогу сказать вам, что их связывало. Но сначала опишите мне в точности, как она была убита. Я не боюсь услышать правду. Какой бы ужасной она ни была.

Ее убийство могло быть обставлено странно, причудливо, театрально. Это было бы логично. Видите ли, когда мы были моложе, мы играли в игры. Сексуальные игры. Но мы так мало знали о сексе. Мы фантазировали, сочиняли истории, разыгрывали их в лицах. Это всегда была только игра. Но иногда наш маленький сексуальный театр приоткрывал неожиданные вещи. Мы сами себя не узнавали. Линдси выдумывала страшные

истории. В своем воображении она приручала монстров, омерзительных чудовищ, которые хотели обладать ею. Она всегда была Персеем, я — Андромедой. Я была беспомощной жертвой, привязанной к старой автомобильной шине или к согнутой березе в саду. Линдси играла все активные роли. Мне оставалось только жалобно покрикивать. Она была и чудовищем, и героем, спасителем и агрессором. Она становилась безжалостным тираном, а после — галантным храбрецом. Она терзала и мучила, чтобы потом спасти и утешить. Все это была игра. Мы сами делали маски, костюмы, щиты и шпаги с настоящими металлическими клинками. Но она никогда не играла жертву. Это была не ее роль.

Если мужчина, который следил за ней, в конце концов явился к ней незваным, он уже преступил букву ее сценария.

Сценарий был всегда. Линдси всегда писала сценарий.

Ни один мужчина не дотрагивался до нее. Она говорила, что первый будет единственным, последним — ее насильник, ее убийца, партнер, не вписанный в пьесу. Тот, кто следил за ней".

Г-жа де ла Тур скончалась в результате обширного внутреннего кровотечения. Имело место

грубое проникновение в вагину и задний проход неизвестным тупым предметом большого размера, разорвавшим матку и стенку прямой кишки. Гениталии и анус зверски разодраны. Нижняя часть тела покрыта спермой, полученной, очевидно, в результате как минимум шести эякуляций. Мы все еще ожидаем окончательных результатов лабораторного анализа, однако уже предварительные данные выявили ряд аномалий. Так, необъяснимый остается факт, что верхняя часть туловища убитой увита гирляндами цветов, которые были уже на ней, когда произошло нападение. Цветы не были надеты на тело жертвы впоследствии, в качестве извращенного похоронного ритуала, как мы изначально предполагали.

Значит, она умерла в точности так, как представляла себе.

Кто этот мужчина?

Она ждала его. Он за ней следил.

Полицейский наклоняется вперед, крутится пленка.

Ее преследователь?

“Женщина всегда знает, когда мужчина за ней наблюдает. Даже если она не знает, кто он. Линдси знала, что он здесь. Может, ей нравилось

чувствовать мужской взгляд на своих ягодицах, бедрах. Она любила сцену, актерство. Миллионы мужчин смотрели на нее каждый вечер. Отчего это так возбуждает — когда знаешь, что за тобой наблюдают?"

Я дала полиции пищу для размышлений, но никакой конкретной информации. Убийство Линдси приоткрыло мне черту собственного характера, о которой я не подозревала прежде: я поразительно злопамятна. Я думаю, это одно из главных моих качеств. И я осуществила свою месть.

Я приносила цветы к могиле Линдси. Навещала ее родителей. Начала собирать информацию о ее последней любовнице. Исполнительный директор, красавица в отутюженных льняных костюмах, с приличествующим случаю заплаканным лицом и заметным обручальным кольцом на пальце.

Потом муж вернулся из Калифорнии, и я заморозила свой проект, отложила его в дальний ящик и заперла на ключ. Мой муж обладает всеми добродетелями среднего класса. Он никогда не сует нос в мои дела. Я упомянула о смерти Линдси. И он ответил какой-то общей фразой: да-да, ужасно. Как ужасно, когда такое случается

с кем-то знакомым. И больше ничего не говорил об этом. Насколько мне известно, дело так и не раскрыли.

Здесь, на острове, нежась, словно кошка, на теплых каменных плитах, я думаю об убийстве Линдси семь лет тому назад и наслаждаюсь чудесным ощущением симметрии. В конце дня возвращается муж, потный и очень довольный. Приехали французские археологи, мы с ними ужинаем. Приоденься, солнышко. Я хочу, чтобы ты произвела на них впечатление. Хорошенькая, очаровательная жена определенного возраста, начитанная, умная, с тонкой талией — безусловное достояние ученого. Я ношу простые классические костюмы неярких тонов, никаких украшений, кроме единственной золотой цепочки на щиколотке. Цепочка тонкая, едва заметная. Этого достаточно. Я спускаюсь по лестнице. Сажусь. Улыбаюсь французам, которые устраиваются вокруг меня, как ящерицы в период любовных игр. Мы заказываем аперитивы. Я — единственная женщина за столом.

И вдруг — он здесь. Я чувствую его яростный взгляд обнаженными лопатками, беззащитным затылком. Я не смею оглянуться. Его взгляд спускается по спине к плавному изгибу моих ягодиц,

угнездившихся в ивовых прутьях кресла. Я сижу голая, раздетая этим поглощающим взглядом. Я чуть выпрямляюсь, слегка поворачиваюсь к почтенному французскому профессору, что сидит справа. Глаза преследователя греют мне затылок. Руки моего собеседника покрыты черной шерстью, как у оборотня. Я бормочу что-то, киваю в ответ на его слова, я страшно возбуждена.

Все мужчины вокруг чувствуют мое возбуждение. Они принимают его на свой счет. Наблюдают, как я реагирую на то, что они говорят. Они развлекают меня, веселят меня, тянутся к эротическому заряду моей полуулыбки, полуопущенных век, чувственного тела.

Мой муж в восторге. Обед протекает прекрасно, открывая новую эру англо-французского археологического сотрудничества.

И тут, так же внезапно, я понимаю, что он ушел. Я затихаю, как изможденная бабочка в конце лета, трепещущие крылышки поникли. Электрический заряд уходит из меня. Теперь я похожа на светляка на рассвете.

— Вы извините меня, господа? Я немного устала. И вам наверняка нужно обсудить важные дела.

Все встают, когда я делаю осторожный шаг в сторону, прохожу через мраморный бар с фонта-

ном, покрытым ракушками, и статуей Венеры, вхожу в старое барочное здание отеля. Я останавливаюсь у стойки портье, чтобы взять ключ, вглядываюсь в зеленое мерцание компьютера. Он здесь? Или там? Одежда кажется влажной и мятой, спина болит. Но мой преследователь должен быть доволен представлением. Он наверняка оценил ту внутреннюю силу, что исходит от меня, и поворот шеи, и свод ступни, и изгиб тонкой талии, — готовность принять и исполнить его взыскательные желания.

Есть что-то зловещее в здешних чайках. Огромные, с неестественно большим размахом крыльев, с крючковатыми желтыми клювами и колоссальными перепончатыми лапами. Они не приручены, но приближаются к людям уверенно и агрессивно. По утрам я люблю часок позагорать у бассейна. Они подходят вразвалку к лежаку, дергая головами в мою сторону, потом отступают, потом опять приближаются. Они обыскивают урны с мусором, шумно бьют крыльями, рассекая теплый воздух. Я вижу, как повар, в безнадежной попытке отогнать их, выскакивает из кухни. Он вооружен шваброй и визгливым потоком греческой брани. Чайки похожи на мародеров, слетевшихся поживиться падалью. На

гангстеров, что работают в одиночку, криками предостерегая друг друга об опасности. Однако они действуют организованно, как эскадрон бомбардировщиков, тяжелые крылья начинают бить по моему балкону, как только уходит муж, а затем они исчезают в серо-голубой дымке рассвета. Я побаиваюсь этих птиц.

Мне понадобился год, чтобы разыскать ее последнюю любовницу — женщину, с которой Линдси встречалась перед тем, как ее убили, — чтобы все о ней разузнать и найти к ней подход. Я располагала лишь нечетким газетным снимком заплаканного, искаженного лица. Еще одна амазонка, облеченная властью и успехом. Но скорбь была настоящей. И я не сомневалась: если я сумею ее найти, она будет говорить со мной.

У меня нет близких подруг. Я предпочитаю компанию мужчин. С женщинами мне скучно, мне претят их секреты и переживания, эта эгоистичная уверенность, что я должна сочувствовать их бесконечным печалям и мелким бедам. У всех моих знакомых оксфордских жен было всего три темы для разговора: их седеющие мужья, ужасные дети и неизбежные разочарования, прошлые и нынешние. Чашка кофе с тех пор неизменно ассоциируется у меня с монотонным женским

нытьем. Они поступили во второразрядный колледж, рекомендованный школьной директрисой. Директриса сама там училась — правда, задолго до войны. В колледже их третировала завуч-грымза — каждую из них, лично. Разумеется, старая карга завидовала их молодости, красоте и уму. Каждой пришлось оставить самостоятельные исследования, которые принесли бы им мировую славу, чтобы стать недооцененной помощницей мужа. Всегда было почему-либо слишком поздно подавать на грант (стипендию, конкурс). Они бы непременно выиграли, все как одна, несмотря на большое количество претендентов, — стоило лишь заполнить бланк заявления. И теперь их разъедает обида. Их труд опубликовали под чужим именем, они ходили на интервью, но их не взяли из-за возраста. Ноющий голос всегда один и тот же, и всегда кто-то другой виноват в их среднем возрасте, среднем достатке, средних способностях. Их мир — желтый, исполненный бессилия и злобы. Они сидят в своих уютных кухнях, обставленных сосновой мебелью, на викторианских диванчиках с цветочным узором, и цедят густую, вязкую горечь. Считается, что цвет зависти — зеленый, но я всегда представляю их желтыми, над извечной чашкой кофе: боязнь

рака разрастается в отвисших грудях, а они все пестуют свое желтое, жиреющее разочарование.

Но я-то всегда добиваюсь своего.

Я нашла в Интернете ее электронный адрес: helena.swann@leaderproducts.net.uk — и отправила весьма загадочное послание.

От: macmillan@ox.ac.uk
Дата:
Кому: helena.swann@leaderproducts.net.uk
Тема: Линдси де да Тур
дорогая елена я одна из любовниц линдси и должна поговорить с вами ради нее ответьте на этот адрес как можно скорее сем

Несколько дней ответа не было. Потом срочное сообщение заглавными буквами:

СЕМ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ, КТО ВЫ ЕСЛИ ВАМ ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ, ПОЗВОНИТЕ 020.7485.6823 X2718
ЕЛЕНА

Сообщение победоносно мерцало на бледно-голубом экране мужниного компьютера, и я набрала номер. Страх ее заметно поубавился при звуках моего интеллигентного голоса.

— Да, в школе. Мы были лучшими подругами.

— Я замужем. Мой муж знает.

— Я тоже замужем. Ему все равно.

Линия фонит от облегчения, звучащего в ее голосе.

— Дознание. Это было ужасно.

— Прошло больше года.

— Я знаю. Не отпускает.

— Вы очень ее любили?

Резкий, глубокий вдох.

— А вы разве?..

Время лгать.

— Я до сих пор люблю ее.

Она выдыхает.

— Я тоже.

Мы молчим, в полном согласии.

— Нам нужно встретиться.

— На следующей неделе?

— Вы бываете в Лондоне?

— Я приеду.

— Можно вас кое о чем спросить?

— Спрашивайте.

— Вы не боитесь?

— Чего?

— Что он все еще здесь.

— Он все еще здесь.

— Но вы не думаете…

— Что?

— Что это личное. Что мы следующие.

— Да. Иногда. — Пауза. — Вы живете с мужем? Он знает, что вы боитесь?

— Нет. Я не могу об этом говорить.

Пауза.

— Мы встретимся. Мы должны встретиться.

— Тогда приходите.

— Приду.

— Сем?

— Да.

— За мной следят.

Она разражается истерическими всхлипами.

Но когда мы встречаемся в ее звуконепроницаемом офисе на двенадцатом этаже с видом на здание Парламента, она прекрасно владеет собой, свежая и ухоженная, как модель на обложке журнала. Но когда я смотрю ей в лицо, я вижу огромную воронку страха на дне ее глаз. Она — исполнительный директор компании “Лидер Продактс”, дни ее состоят из встреч, на которых обсуждаются фантастические суммы, из переговоров, презентаций, дорогих ресторанов. Она целыми днями принимает важные решения.

Она познакомилась с Линдси в спортзале. Представьте себе, каково это. Когда уровень стресса

превышает допустимые нормы, нельзя замедляться. Нужно же куда-то девать этот адреналин. И я хожу в зал. Штанга. Велосипед. Я ясно вижу, как с намокшей повязкой на лбу она бешено крутит педали, энергично едет в никуда. Внезапно ее прохладная манера дает трещину. Она говорит мне правду. Мы встретились в бассейне. У нее были изумительные спортивные плечи. Она была сильная, как мужчина. Я влюбилась в нее с первого взгляда. А потом она сняла плавательные очки, и я ее узнала.

Звонит телефон. Елена берет трубку, бормочет что-то вопросительное. Я пролистываю рекламную брошюру на стеклянном столе. Там представлен новый дизайн и новые слоганы.

* ЛИДЕР — мягкий, как лебяжий пух
* Широкий ассортимент продукции
* Предметы женской гигиены и товары для дома
* Попробуйте наши новые прокладки с дополнительными крылышками для ежедневного комфорта
* “Он и Она” — новая серия памперсов — еще лучше держат влагу, специальный крой для девочек и для мальчиков
* Новая жизнь туалетной бумаги — мягкая,

белая, свежая, экологически чистая, перерабатывается для повторного использования…

Почему-то идея повторного использования туалетной бумаги кажется мне особенно отвратительной. Ничто другое они вторично не используют. Может, за вторичное использование памперсов и прокладок освобождают от налогов? Елена Свонн заканчивает разговор чередой распоряжений и возвращается в свое директорское кресло. Я мило улыбаюсь, глядя на застывшую маску с незаметным макияжем.

— Такое впечатление, что вы занимаетесь исключительно экскрементами.

И она через силу улыбается, и вдруг тревожно задается вопросом, зачем я искала ее, почему я здесь, невозмутимо сижу на ее бледно-зеленом диване среди стеклянных столиков, утопая ногами в коврах из Курдистана.

— Откуда вы знаете, что за вами следят?

Она съеживается.

— Может, нервы. Но иногда я уверена, что это так. Я его не видела. Просто чувствую его тень, где-то вне поля зрения. Я знаю, что это крупный мужчина. Огромный. Но я не вижу его отчетливо. Это случается время от времени. Иногда в ресторане или в метро я чувствую: кто-то на

меня смотрит. Не просто мельком, а не отрывает глаз. Я оглядываюсь — никого. То есть я не вижу никого, но странно — даже когда я оборачиваюсь и не вижу его, я и тогда чувствую, что он за мной наблюдает. Не могу же я сказать полиции, что за мной следит неизвестно кто, и я его никогда не видела?

— Может, кто-то знакомый?

— О нет. В этом я уверена. Я работаю в основном с мужчинами. Кому-то из них я нравлюсь, некоторые пробуют за мной ухаживать. К этому привыкаешь. Муж мне доверяет. У меня никогда никого не было, кроме Линдси. И потом, я занимаю такой пост… Они бы не посмели. И я просто не знаю никого такого огромного.

— Но откуда вы знаете, что он огромный?

Она беспомощно машет рукой:

— Просто знаю. Когда он уходит, освобождается столько места.

Елена бледнеет и замолкает. В этот момент я понимаю, что на самом деле она не блондинка. Красится.

— Я знаю.

— Вы знаете, как она умерла?

— Я была на дознании. Там сказали, что она ждала его.

— Откуда они знают?

— Ну, она нарядилась, как будто ждала кого-то. И стол был накрыт на двоих. Она приготовила праздничный ужин. Она его ждала.

— Или кого-то другого? Не своего преследователя? Не убийцу? Елена, ее дверь показывали по телевизору. Стальная рама была погнута, замки взломаны и выдраны.

— Вы не все знаете. Дверь была взломана *изнутри.* Она сама его впустила.

Мы обе смотрим на рекламную картинку с прокладками, мягкими, как лебяжий пух, такую неуместную на гладком стеклянном столе.

Елена — кто она? Меня притягивает эта женщина с ее двойственностью, контрастом власти и хрупкости, испуга и высокомерия. С ее уверенностью, что за ней следят. С этим роковым именем. В зеркале я вижу нас обеих — вдов, скорбящих в молчании. Я отмечаю различия. Она выше меня, прекрасно, безупречно сложена. Она создана для витрины, напоказ, незаменима там, где приходится иметь дело с жалобами и неприятностями. Я восхищаюсь ее отутюженной гладкостью, ее бархатистыми разрезами. Я меряю взглядом длинный изгиб ее шеи, нежную линию подбородка. Да, она моложе меня. Когда

она встает, чтобы принести мне стакан холодного апельсинового сока, я вижу ту единственную деталь ее тела, которая выдает женственность, нежность, доступность прикосновению, живую плоть. Идеально округлые полушария ягодиц, нежно подрагивающие в гладком футляре от Сен-Лорана.

Она подает мне стакан, я смыкаю пальцы на ее руке и смотрю ей в глаза.

— Не бойтесь, — говорю я.

Мускулы вокруг ее рта недоверчиво твердеют. Взволнованный портье выскакивает из-за стойки и мчится на террасу, окликая меня по имени. Ваш муж звонит! Подойдите скорее! Подойдите! Я не тороплюсь. Одергиваю шелковый саронг, аккуратно заправляя его в бикини, а потом босиком иду по мраморным плитам. Макмиллан звонит с мобильника. Он заплатил бешеные деньги за то, чтобы телефон работал на острове, и теперь может звонить мне в любое время дня и ночи. В трубке — гул и шорохи.

— Солнышко, мы тут кое-что нашли. По-моему, наконец что-то стоящее. Приедешь посмотреть? Приезжай прямо сейчас.

Как ребенок. Нажимает кнопки на своей новой игрушке, звонит мамочке и рассказывает, что

он еще откопал в дальнем конце сада. Я никогда не хотела заводить детей — в том числе из-за Макмиллана.

Но у меня тоже есть странное ощущение, что поиски окончены. Я вдумчиво одеваюсь, намазываю нос кремом от загара с максимальной степенью защиты, как австралийский спортсмен, и надеваю шляпку. Мой нос краснеет и покрывается волдырями при первых же лучах солнца. А если не проявить бдительность, он раздуется и вспухнет, как у Человека-Слона[4]. Я всегда осторожничаю, даже ранней весной, когда солнце еще не начало оттачивать зубки на туристах.

Я сажусь в “лендровер” и еду по длинной грунтовке к раскопкам на холмах. Палатка археологов пуста. Они все собрались на том плоском квадрате пастбища, где обычно беспорядочно толпятся козы с бубенчиками и сумасшедший пастух-сквернослов. Мне нравится этот старик, уродливый, как Терсит[5]: у него беззубый рот, он говорит на непонятном диалекте, его лохмотья

---

[4] Примечания: 4

Персонаж одноименного фильма американского режиссера Дэвида Линча (1980), человек, изуродованный редкой кожной болезнью. Фильм основан на реальных событиях викторианской эпохи.

[5] Примечания: 5

Уродливый и трусливый воин, персонаж “Илиады”.

страшно воняют. Он подходит ко мне, требует кока-колы. Я даю ему денег, и он, посмеиваясь, ретируется. Вон он — оперся на свой посох, козы разбрелись по склонам и с ненавистью поглядывают на зеленые проволочные заграждения, растущие вдоль границы археологической империи, что протягивает гибкие щупальца вокруг камней и деревьев при финансовой поддержке Министерства культуры и исторических памятников. Вот пара кипарисов, один — одутловато-приземистый, другой — фаллически-прямой, оба затаились, их неглубокие корни нащупывают спящие внизу сокровища.

Макмиллан чувствует себя в своей стихии. Он возвышается над двумя раскопщиками, которые балансируют на досках, а еще ниже из небытия медленно возникает хрупкий мозаичный пол. Тонкие кисточки убирают белую пыль. Кубики мозаики грязны и бледны, узоры неразличимы. Каждый крошечный квадратик тянется своими подслеповатыми красками к солнцу — впервые за много тысяч лет.

Все очень возбуждены. Все следят за каждым движением рабочих, затаив дыхание.

Один из французов, с которыми мы вчера ужинали, крепко хватает меня за руку, вежливо

поддерживает, чтобы я не оступилась на груде выкопанной земли, и сообщает, что мозаика будет *magnifique*[6]. Конечно, она римская, но все равно *magnifique.*

Я гляжу вниз на не раскопанную массу белой земли. Значит, мы останемся тут еще на несколько месяцев — измерять, строить догадки, размышлять о загадочном склоне на утесах, рыть экспериментальный раскоп здесь, там, снова здесь, без конца фотографировать. Мы будем тут, когда из чрева чартерных самолетов хлынет первая волна летних туристов — писклявые младенцы, угловатые подростки от шестнадцати до тридцати пяти, с крашеными черными волосами и зловещебледными лицами, с косметикой, напоминающей фингалы, с драными юбками, сквозь которые просвечивает задница. Мы будем тут, когда начнутся вечерние танцы в гостиничном ресторане под ретро-музыку, вызывающую изжогу. Мы увидим и народные пляски, на которые невозможно смотреть без чувства жгучего стыда, и зрители будут недоуменно аплодировать. Пожилые, расфуфыренные люди станут призывать инфаркты на свое сердце, танцуя так,

---

[6] Примечания: 6
Потрясающей (*фр.*).

словно им по двадцать пять и вся жизнь впереди. В гостинице заведутся чудища: двойники Элвиса Пресли, фокусники, греки-эквилибристы в белых рубашках с бокалами вина на лбу, целующие немолодых толстых женщин, которые сидят, усмехаются, повизгивают от удовольствия. Я в гостинице не останусь.

Макмиллан стоит передо мной и весь сияет. Наконец-то годы исследований и мечтаний превращаются в мозаику и колонны под его пятой.

— Это оно, Сем. Я уверен. Это оно.

Мне уже скучно, но я поддерживаю его энтузиазм.

— Надо забронировать один из домиков на пляже, милый. Пока не начался сезон. Гостиничный бассейн скоро станет невыносим.

Макмиллан все понимает по-своему. Ему кажется, что все тут же съедутся смотреть на его раскопки.

— Да, да. Нужно придумать, чем занять туристов.

Не все любители быстрого секса, жестких наркотиков и сильных ощущений видят в археологии решение своих жизненных проблем. Тем не менее на протяжении следующих недель посмотреть на обнажающийся пол приходит

довольно много восхищенных зрителей. Раскопки теперь обнесены забором по периметру. С каждым днем на полосе отходов нарастают огромные груды белого грунта. Туда-сюда снуют армии тачек. Регулярно появляются и исчезают телевизионные камеры. Мудрое лицо и цветистый греческий Макмиллана снова становятся широко известны местным телезрителям. Время от времени он обращается ко всему миру, и нам приходится установить компьютерную связь с американскими коллегами, чтобы они были в курсе открытий.

Каждый день проводятся три экскурсии. Студенты моего мужа, излучая довольство победителей, объясняют структуру и значение раскопок. Их объяснения меняются по мере продвижения работ.

Добро пожаловать в Иерокитию и Дом Зевса. Нам удалось точно датировать эту постройку. Она была возведена в конце второго века нашей эры. Вот эта мозаика — первое наше большое открытие в комплексе зданий, который простирается к востоку, до самого края утесов. Мы почти уверены, что те здания, которые мы в настоящий момент раскапываем, были возведены на месте гораздо более ранних построек. Мы уже обнару-

жили некоторые данные, подтверждающие эту гипотезу. Сейчас, обследовав подложку мозаик, мы можем сказать: здесь использовались самые распространенные в древности методы. Для начала землю выравнивают и утрамбовывают. На эту поверхность строители кладут так называемый "*статумен*" — опору. Это смесь необработанного камня и грубой штукатурки. Поверх нее кладется другой слой — *"рудус"*, который состоит из толченого камня или щебня и фрагментов керамики, смешанных с известью. Ниже уровня пола мы нашли множество грубых фрагментов разбитых керамических изделий. Некоторые из них окрашены. Последняя поверхность — это ядро, очень тонкая штукатурка, которая кладется поверх предыдущих двух слоев. Пока все это еще влажное, на штукатурку выкладываются кубики мозаики, затем все выравнивается. Немного похоже на фресковую живопись: художник должен работать очень быстро, по влажной поверхности. Очень немногие из этих фигурных мозаик — плоды самостоятельного творчества. Заказчики обычно выбирали то, что хотели видеть у себя на полу. Мастерские по мозаике копировали мотивы из стандартных сборников с узорами. Иногда подрядчик ошибался, и на выбранной

мифологической сцене оказывались совершенно неуместные фигуры. Нет, я не знаю, получал ли заказчик деньги назад. Иной раз он мог и не заметить.

Так вот, в этом случае мы видим, что наша мозаика была, видимо, скопирована с более ранней мозаики в другом здании. Композиция не вполне укладывается в заданное пространство. Посмотрите — фигуры женщины и птицы в самом центре, но дерево с совой обрезано и сливается с шестиугольным узором возле каемки. А вот пруд с ивой — похоже на иву, да? — конечно, с уверенностью сказать нельзя — он сдвинут влево и создает слегка несбалансированную композицию между левым локтем женщины и краем фонтана. Эти фонтаны не были декоративными — их устанавливали в храмовых комплексах для очистительных обрядов. Чтобы приблизиться к богу, надо было как следует вымыться.

Посмотрите внимательно на кубики мозаики. Все они из местных камней, кроме самых ярких кусочков, например, темно-синих, которые сделаны из стекла. В ту эпоху существовали крупные мастерские, которые занимались мозаичными полами. Поэтому заполнение фона и даже геометрический узор по краям, скорее всего, готовили

и устанавливали подмастерья и обычные строители. Мастер-ремесленник выкладывал только центральные фигуры — в данном случае это женщина и бог в образе лебедя.

Мы знаем, что все такие дома строились по одинаковой схеме. В центре здания находился *“атриум”.* Остатки прекрасного портика с колоннами можно видеть здесь и здесь. Цельные фигурные блоки на левом участке раскопок — это и есть периметр колоннады. Да, они очень хорошо сохранились. Мы еще не нашли ни одной целой колонны, но на острове в четвертом веке произошло сильное землетрясение, и в доме, возможно, после этого уже не жили. Колоннада шла по всем четырем сторонам атриума — примерно как галерея. Все крыши были скошены внутрь к центру здания, чтобы вода могла собираться в *“имплювий”* — это небольшой пруд в середине. Потом эту воду перекачивали по свинцовым трубам в подпол и хранили в больших цистернах.

Основные комнаты дома группировались вокруг атриума. Кто знает, что нам еще посчастливится найти, когда мы начнем рыть к северу и востоку отсюда. В этом и состоит увлекательность археологии. Неизвестно, какое сокровище вдруг появится из земли. В основном да, старые шины.

Нет, раньше я никогда не была на раскопках, где находили что-то настолько неожиданное и прекрасное. Однажды в Уилтшире мы выкопали средневековый скелет, и пришлось ждать, пока полицейские приедут и проверят, не свежий ли это покойник.

Следуйте за мной. Осторожнее на больших валунах и старайтесь не заходить за пределы обозначенной дорожки. Мы сделали здесь две недели назад экспериментальный раскоп, и там были кое-какие потрясающие находки.

Какие находки? Ну, разные артефакты. Амфора, такая большая ваза, с кладом серебряных монет. Тетрадрахмы эпохи Птолемеев. Некоторые — аж 204 года до нашей эры. Более того, мы обнаружили, что эта мозаика сооружена на фундаменте гораздо более раннего римского дома эпохи Флавиев. Мы смогли очень точно датировать то, что осталось. Это обычная практика — строить на фундаменте более старых построек. Мы до сих пор так делаем, да? И часто кое-что сохраняется. Римляне нередко использовали тесаный камень по второму разу. Я как-то была на раскопках, еще в Англии, и мы нашли цельную римскую стену, использованную при постройке средневекового амбара. У нас там работали заключенные из мест-

ной тюрьмы, копали, и один из них это заметил. Нет, я не думаю, что он был убийца. По-моему, он сидел за мошенничество.

А вот та яма, которая видна за кустами, — это источник самых потрясающих сведений о Иерокитии, которые только удалось пока обнаружить. Все сходится, как кусочки головоломки. Конечно, до публикации работ профессора Макмиллана нельзя составить полного представления, но я могу сказать вот что: та часть дома была, скорее всего, старой кухней. Там не было настоящего пола, просто утрамбованная земля, как и сейчас в некоторых простых домах на острове. Мы стали копать вглубь и дошли до остатков совсем ранних структур — бесспорно, там были более старые дома. Но вон та часть раскопок, с видом на море — это нечто особенное. Мы обнаружили святилище, высеченное прямо в скальной породе острова. Когда-то оно было очень величественным — огромное помещение, вырубленное внутри скалы. Главная находка, обнаруженная лично профессором Макмилланом, — рельефное изображение из слоновой кости: мальчик, выходящий из разреза, как бы из раны, словно рождающийся. Похоже, что это была декоративная ручка ножа. Думаю, мы смогли бы установить,

что́ это, даже если бы надпись снизу не была такой отчетливой.

ΔIONYCOC

Выглядит вот так. Всем видно? Бледный треугольник — это “Д”, а “С” — это, собственно, заглавные сигмы, “С”. Да, рельеф изображает рождение Диониса. Он родился из бедра Зевса. Его мать была одной из храмовых девственниц. Эта история описана у Овидия. Дева захотела увидеть своего царственного возлюбленного не ночью и не под чужой личиной, а как есть. Зевс явился ей в виде молнии, и она сгорела дотла, но дитя от их союза удалось извлечь из ее матки, и бог донашивал ребенка в своем теле. Дионис — дитя любви; это бог вина и экстаза. Вполне возможно, создатели мозаики знали, что когда-то на этом месте было древнее святилище, и поэтому именно здесь изобразили любовь богов. С учетом текстологических свидетельств у Гомера, нам кажется, что мы, вполне вероятно, нашли то место, где когда-то стоял легендарный храм Зевса.

Нет, боюсь, в яму спускаться нельзя. Стены не очень надежны. К тому же там трудно что-либо увидеть, если не знать, что ищешь.

Таким образом, под этим домом и этой пре-

красной мозаикой может оказаться обширный храмовый комплекс больших размеров и огромного культурного значения, который преобразит наши представления о ранних греческих поселениях в этой части Восточного Средиземноморья.

Вопросы есть?

Я переезжаю в домик на пляже. Он стоит в некотором отдалении от города, крайний в ряду нескольких коттеджей, рядом с еще одной гостиницей, к которой через банановую рощу идет неприметная дорожка. Все деревья стоят коричневые и скукоженные; золотые гроздья бананов укутаны в ярко-голубые пластиковые пакеты. Даже здесь зимой бывают морозы. Горничную зовут Афина. Она сообщает мне, что в этом году было три морозных дня, вскоре после Рождества. Мы смотрим на бананы, которые кажутся здесь, так далеко к северу от тропиков, неким оптимистическим безумством. Афина открывает ставни на террасу. Ступеньки выдолблены в камне, украшены галькой, они спускаются прямо к морю. Внизу — грубый каменный пляж, крошечный полукруг без песка, и куча белых камней с оранжевыми прожилками, постепенно уходящих в таинственную, прозрачную массу голубой морской воды. Есть что-то зловещее в море без

прибоя, которое остается чистым. Я предпочитаю гостиничный бассейн. Я бросаю взгляд вниз и понимаю, что мне не нравится эта чистая, живая вода — незагрязненная, источающая запах недавнего жертвоприношения.

Теперь в пляжном домике у нас есть телефон и факс. Компьютер постоянно включен, по экрану змеится огромная цветная надпись: ПОЖАЛУЙСТА НЕ ВЫКЛЮЧАЙТЕ МЕНЯ, по-английски и по-гречески, с коринфскими колоннами и одинаковыми чернофигурными вазами между словами. На стене гостиной — огромная карта раскопок. По вечерам сюда приходят студенты, готовят крепкий, сладкий кофе и оставляют тонкий слой белой пыли на стульях. Макмиллан сидит посередине, умотанный, удовлетворенный и счастливый. По ночам он мирно покоится рядом со мной и довольно храпит под легким летним одеялом. С каждым днем его первоначальная гипотеза, видимо, подтверждается: дом богача, построенный на утесах, стоит на месте бывшего храма Зевса. Постепенно становится очевидной и форма святилища. Да, когда-то здесь был масштабный комплекс зданий, памятник, слава о котором разносилась во все концы света, достопримечательность недоступной трехтыся-

челетней давности. Макмиллан спит, довольный, и воркование голубей мирно ласкает его слух.

Я одна на террасе, читаю в лучах утреннего солнца. Звонок.

— Алло?

Тишина.

— Да?

Тишина.

— Кто это?

Тишина.

Тишина и опять тишина.

Я бросаю трубку, мои пальцы гудят. Он бросил меня на несколько недель, а теперь вернулся. Мой преследователь рядом, смотрит, ждет. Так это всегда и начинается. Пять лет назад он стал звонить одной женщине и молчать в трубку. Она знала, кто это. Она в панике позвонила в полицию.

— Но кто этот мужчина, который следит за вами?

— Он есть. Он здесь. Здесь.

— Но послушайте, мадам, вы же сами говорите, что никогда его не видели.

Только я одна верила ей.

Елена Свонн жила в большом доме в Ислингтоне, в раду зданий начала девятнадцатого века с

плоскими фасадами, среди юристов и политиков. В конце улицы стоял запертый шлагбаум с большим знаком: ВЪЕЗДА НЕТ. ЧАСТНАЯ ДОРОГА.

Сильные мира сего вылезали из своих прохладных “БМВ”, открывали шлагбаум и проезжали внутрь, но оставляли включенной сигнализацию в машинах, и одинокие красные глазки подмигивали им в полумраке.

У Елены Свонн был большой городской сад с декоративным прудом и цветником для диких цветов. Там она выращивала свои ирисы и болотные гладиолусы среди ромашек, волосатых зверобоев и водяных лилий. Она гуляла по любимому садику, где под бдительным надзором между розовых, желтых и белых цветов возникали аккуратные всполохи язвенника и чемерицы. Ранним летом, возвращаясь домой, Елена Свонн всегда переодевалась в старую одежду — джинсы и клетчатую рубашку, которая когда-то принадлежала ее мужу, и выходила в сад — невооруженная, без инвентаря — чтобы наблюдать, ласкать, полоть голыми руками, передвигаться с места на место как бы в случайном порядке, наклоняясь, чтобы приглядеться и повозиться во влажных усиках прохладной зелени.

Елена Свонн уделяла особое внимание своему

пруду. В нем не было золотых рыбок — они пожирают всё, — но он тем не менее кишел жизнью: там кружились жуки-плавунцы, водомерки беспорядочно гарцевали от лилии к лилии, гребляки деловито гребли, лежа на спине, потом вдруг исчезали из вида, словно повинуясь неслышной команде нырять. А вот — стайка головастиков-мутантов в тисках неизбежного метаморфоза. Елена Свонн встала на колени у влажного бордюра, чтобы собрать коконы личинок стрекозы-стрелки, спрятанные в зелени. Само это создание отвратительно — коричневый монстр, водяная тварь с грязными усиками и загребущими ногами. Но стрекоза, тонкое светящееся существо, воскресает в ореоле красоты, отказывается от своих уродливых корней и улетает на свободу. Елена Свонн собирает все брошенные щитки и укладывает их в блюдечко у себя на кухне — получается причудливая коллекция покинутых трупиков.

Елена Свонн гуляет по своему саду прохладным днем. Ее ничто не тревожит. Она не видела, кто на нее напал.

Полицейским не удалось в точности реконструировать происшедшее. Она не кричала. Несколько часов спустя ее, полуголую, без сознания, нашел муж — она лежала, не двигаясь, среди

своих аккуратных наперстянок. Ее сильно ударили по затылку, после чего зверски изнасиловали — несколько раз, во влагалище и задний проход. Никто ничего не слышал и не видел. Один странный факт привел следователей в особое недоумение. Нижняя часть ее тела была покрыта тиной и ряской, длинный шлейф склизкого зеленого венерина волоса оплел ее голую левую ступню, и та одежда, что еще на ней оставалась, промокла до нитки. Странный след тины вел к бордюру. *Кем бы ни был нападавший, он, по всей видимости, выполз из пруда.*

Полицейские обратились ко мне. Я уже была записана в их досье. Они подозревали, что нападавший — тот же мужчина, который полтора года назад убил Линдси де ла Тур. Они знали, что я ездила к родителям Линдси и встречалась с Еленой Свонн в ее плавучем офисе высоко над Темзой. Позвольте мне рассказать вам все, что я знаю. Я обещала, что сделаю все, чтобы помочь. Но теперь я не говорю им ничего, ничего.

Елена Свонн умерла не сразу. Во всяком случае, она успела позвонить мне из больницы. Ее голос был совершенно собранным, зловеще-ясным, а тон — настойчивым.

— Сем? Послушайте. Я вам кое-что не сказала.

Не могла. Мне было стыдно. Про тот вечер, когда убили Линдси. Полиции я тоже не сказала. А надо было. Она ждала не его. Но она кое-кого ждала. Мы решили расстаться. У нее появилась другая любовница. Ее зовут Дайана. Как фамилия — не знаю. Но она работает в Сити, в банке “Чейз Манхэттен”. Линдси сказала, что она — гениальный брокер, коммерсант, что-то такое. Продает ценные бумаги. Она помогла мне вложить кое-какие акции. До того, как я узнала про ее связь с Линдси. Они сначала встречались тайно — не хотели причинять мне боль.

Пауза на линии.

— Да, я слушаю.

— Она ждала Дайану. Не меня. И не мужчину, который ее убил.

Но мое воображение уже где-то далеко. Я задаю себе очевидный вопрос. Если она ждала не этого мужчину, почему она его впустила? Она не могла перепутать гигантскую фигуру преследователя со своей любовницей. Разве что отворила дверь, не посмотрев, и он вошел. Но в доме же был охранник. И датчики, которые включали камеры слежения по всему дому. Охранник в тот вечер никого не видел. По крайней мере, так он сказал. На камерах слежения не отразилось ничего — ки-

лометры пустой пленки. Датчики не сработали. Как получилось, что такой гигантский мужчина прошел, а его никто не заметил? Разве что он какой-нибудь оборотень.

Я ничего не говорю Елене Свонн.

— Сем. Телефонные звонки прекратились. Когда телефонные звонки прекратились, я поняла, что он подбирается все ближе.

— Елена. Ложитесь и отдыхайте. Успокойтесь. Постарайтесь отдохнуть.

— Сем. Позвоните в полицию. Скажите им.

— Что они могут сделать?

Зловещее молчание. Потом прорезается ее голос, слабый, угасающий.

— Тогда предупредите Дайану. Найдите ее. Предупредите.

Между половиной первого и тремя часами ночи Елена Свонн была убита в своей одноместной палате в Хэмпстедской Королевской больнице. Ее шею сломали каким-то тупым инструментом изогнутой формы. Видимо, борьба была отчаянной — одеяло было разорвано пополам, в палате остались облака перьев. Никто ничего не видел и не слышал. По крайней мере, никто ничего не сказал.

Я сама себе удивляюсь. Вы не знаете меня. Я

знала Линдси. Мы были лучшими подругами в школе. Я думаю, что вам грозит опасность. Я не могу вам сказать, как он выглядит или кто он, но я думаю, что вы на очереди.

Большинство женщин живут с постоянным чувством страха. Но обычно их страх вызывают не те люди, не те места, не то развитие событий. Большинство женщин никогда не встретят в темноте сексуальное чудовище, как бы старательно они ни шагали по пустынным переулкам сквозь слой вчерашних газет. Большинство женщин хорошо знакомы с теми, кто на них нападет. Это их сосед, их дядя, их кузен, священник, которому они доверяли, их отец, их брат, их муж. Большинство женщин поддаются сексуальным буйствам, которые трудно назвать изнасилованием, но при этом справедливо чувствуют себя униженными. Изнасилование — это проникновение пениса во влагалище без согласия женщины в том случае, если мужчина знает о несогласии женщины или не интересуется тем, согласна она или нет (см. Закон о сексуальных преступлениях, 1956, часть I). Но вас когда-нибудь заставляли приподнять юбку перед шайкой хихикающих мальчишек? Вам когда-нибудь разрезали трусики перочинным ножом, чтобы “посмотреть получше”? Вам

когда-нибудь засовывали в задницу бутылку кока-колы, пока мужчина, упираясь коленями вам в спину, орал про вашу вонючую дырку? Да какое же это изнасилование, Ваша честь. Мы просто немного развлекались.

Но меня беспокоит другой вопрос. Я — не жертва преследователя и никогда ею не буду. Почему? Почему? Почему Елена Свонн знала это так же верно, как я?

Есть что-то безличное и очень интимное в насилии, которое творит этот мужчина. Его жертвы — избранницы. Женщины, которые на виду. Женщины, которые зарабатывают мужские деньги, женщины, которые принимают решения, женщины, которые идут на риск. Но преследователь не просто преподает урок зарвавшимся. Сначала он устанавливает связь с каждой из женщин. Он ждет, пока его заметят. А потом, невидимый, переступает порог.

Я сижу и смотрю ночную телевизионную программу, пока Макмиллан разговаривает по телефону с Америкой. Интересно, что серийный убийца стал в своем роде героем Голливуда. Я смотрю на пестрый экран. Она заперла все окна, все двери. Она на восьмом этаже. Но вот и он — проник сквозь шахту лифта или поднял-

ся по гладкому металлу при помощи чудесных магнитных устройств. Технология благоволит серийному убийце и раскрывает перед ним все свои секреты. Кричи, мое солнышко. Кричи сколько хочешь. Никто не услышит твой крик.

Я решаю позвонить этой незнакомой женщине. Только я следила за делом и поняла все улики. Я предусмотрительно звоню из лондонской телефонной будки.

Как ни странно, пробиться к ней оказывается труднее, чем к Елене Свонн. Череда защитных механизмов блокирует мои запросы:

Представьтесь, пожалуйста.

Пожалуйста, сообщите, по какому вы делу.

Я могу поинтересоваться, зачем вы звоните?

Я боюсь, ее сейчас нет на месте. Я могу вам помочь?

Пожалуйста, не кладите трубку, я соединяю вас с отделом кадров.

Извините, вы член ее семьи?

Без объяснений не обойтись. Поэтому я представляюсь клиентом, которому надо что-то продать. Тогда двери раскрываются, телефон звонит, и она представляется — так напористо, что я слегка теряюсь.

— Дайана Харрисон. Отдел ценных бумаг. Я вас

слушаю.

Американка. Я удивлена. Я не ожидала, что она американка. Я слышу за ее спиной приглушенную фонограмму телефонных звонков, шум быстрых и неразборчивых голосов, как в фильме.

— Алло? Алло? — Нетерпение в голосе.

— Я знала Линдси. — Я просто констатирую факт. Мой голос четок и тверд.

— Кто это?

— Скажите, кто-нибудь вам звонит и молчит в трубку?

— Слушайте, милочка. Я не знаю, кто вы такая, но если это шутка — ваш звонок отследят, а вас будут судить за домогательства.

— Это не шутка. Я была лучшей подругой Линдси. Я — последний человек, который разговаривал с Еленой Свонн. Пожалуйста, выслушайте меня.

— Так. Секунду.

Где-то захлопывается дверь. Шум внезапно стихает наполовину. Я слышу мужской голос:

— Так, чтобы в день принятия бюджета все были на своих рабочих местах к половине четвертого утра. Я не шучу. — Потом вдруг его тон меняется на разговорный: — Ну, если Минфин полностью отменит сбор на корпоративные ди-

виденды, цены на британские акции должны упасть на десять процентов.

— Вам кто-нибудь звонил и молчал в трубку?

— Знаете, если вам больше нечего сказать, положите трубку. Я занята.

— Послушайте. Умоляю вас. Если вам кто-нибудь позвонит и будет молчать, наберите 1471, чтобы узнать его номер. Если номер не устанавливается, позвоните мне. Меня зовут Сем. 01865 722865. Записали?

Она машинально повторяет мой номер, но теперь в ее агрессивности появилась трещина сомнения.

— Да. Ладно.

За ее спиной мужской голос продолжает вещать:

— Да, я его знаю. Это градостроитель, он разработал “стальное кольцо” вокруг Лондона. Оно должно защищать от ирландских республиканцев, которые задумали нас всех укокошить. Ну вот, он предложил мне молодых тритончиков из своего пруда. Очень приятный мужик.

Она бросает трубку. Я додумываю все остальное.

1-4-7-1
ВАМ-ПОЗВОНИЛИ-СЕГОДНЯ-В-ДЕСЯТЬ-ЧАСОВ-

СОРОК-МИНУТ. УСТАНОВИТЬ-НОМЕР-АБОНЕНТА-НЕВОЗМОЖНО. ПОЖАЛУЙСТА-ПОЛОЖИТЕ-ТРУБКУ.

— Джефф! Проследи этот звонок. Мне наплевать, сколько времени это займет. Выясни, кто мне звонил.

Но мне она не звонит. Мне звонят из полиции. Ее нашли мертвой в двенадцать часов на следующий день, когда в квартиру пришла уборщица. Она лежала возле телефона, нагая, прямая и белая, с открытыми невидящими глазами, как заброшенная классическая статуя. Она умерла от удушья. Убийца проявил невыразимую изощренность. Следы семени нашли у нее во влагалище и во рту. А вагина и глотка были забиты бесценными золотыми монетами. Теперь извлеченное золото изучали, датировали, оценивали. Сотрудники нумизматического отдела Британского музея прикасались к этому феноменальному кладу пальцами в белых латексных перчатках, недоумевая и изумляясь. Этой женщине заплатили золотом сполна.

В ее блокноте был нацарапан один телефонный номер. Мой.

Полицейские приехали ко мне в Оксфорд.

— У нас выстраивается совершенно ясная

последовательность событий и обстоятельств, связывающая эти три инцидента, миссис Макмиллан. И все они так или иначе связаны с вами. Вы это можете как-то объяснить?

Да я понятия не имею, откуда она знала мой телефон. Я никогда не слышала об этой женщине. Я ничего, ничего не знаю. Как вы можете требовать от меня объяснений? Я все еще в ужасе от гибели Линдси де ла Тур и Елены Свонн. Откуда вы знаете, что теперь не моя очередь? О боже, боже, теперь моя очередь. Я заливаюсь слезами.

Макмиллан по-рыцарски меня защищает и выпроваживает полицейских. Я забираюсь обратно в постель и лежу, размышляя.

Наша сексуальность не так уж загадочна; душевная жизнь женщины — вот где темный материк. Вы можете глазеть на наши раздвинутые ноги сколько угодно. Наши тела кажутся обманчиво простыми. Но наши желания, часто — невысказанные, — текучи, переменчивы, непостоянны. Нас нельзя измерить; нас нельзя оценить. Наша внутренняя жизнь скрыта от глаз. Иногда внутри есть только мрачная закрученная в спираль пустота, черный карнавал невыраженных форм и значений. Но иногда там есть четкая дорога к цели, сияющая как железнодорожное

полотно, невидимое пение, устремленное в бесконечность. Никто не знает, что формирует нашу внутреннюю жизнь. Это наше личное дело.

Посмотрите на женщину, которая вас родила. Посмотрите на женщину, с которой живете. Что она делает? Сидит, сосет прозак, грызет шоколадку, уставилась в телевизор? Уходит ли она из дома без четверти семь к вершинам славы, запустив стиральную машину на полную мощность, переложив что-нибудь из морозилки в холодильник, чтобы приготовить вечером? Провожает ли она вас воздушным поцелуем, теплая, только что из постели, торопливо закутавшись в халат? Вы знаете, что она потом будет делать весь день? Она вам сказала? И вы ей поверили? Или она еще спала, когда вы ушли? Любит ли она своих детей больше, чем вас? Вы — один из ее детей? Сносила ли она семь пар железных башмаков, прежде чем нашла вас? Она еще сидит на корточках на заднем дворе и читает? Она осталась в лавке? Ушла ли она однажды в пятницу вечером, ничего не сказав и не объяснив? Не оставив записки? Забрала ли все деньги с общего счета? И все, что были в ящике кухонного шкафа, и все бабушкино столовое серебро? Она послала вам заявление о разводе по электронной почте? Вы ее все еще

любите? Вы понимаете, почему?

Женщины никогда не говорят правду. Они слишком хитры, слишком нацелены на выживание. Вы слышите, как она говорит: “О да, я люблю своего мужа”? У меня очень счастливый брак. О да, я люблю свою работу. Я бы работала больше, если бы могла. Дети — моя самая большая радость. О да, мне очень повезло. Я люблю своего мужа и детей. Да, да, да. Или она удивляет вас длинным списком упущенных шансов и ненавистью к себе? Я не люблю свой пол. Но позвольте мне отдать должное женской изощренности. Она — мастерица соглашательства и измены. Она произносит свою реплику и отступает на заранее подготовленные позиции. И пусть враг трепещет перед несокрушимыми бастионами лжи.

Я спокойно и взвешенно обдумываю адюльтер. Я никогда не изменяла мужу, потому что мужчины меня не очень интересуют. Ни один мужчина еще никогда не был ко мне по-настоящему внимателен. Они размышляли о том, какое впечатление произвели на меня, пока я сидела, сияющая и лучистая, и слушала их разговоры. Они занимали отведенные им места, весьма довольные собой.

Но теперь кто-то обратил на меня все свое

внимание. Внимание — это род страсти. За мной наблюдают.

Я знаю, что за мной наблюдают. Я думаю, женщина всегда чувствует, когда мужчина следит за ней. Даже если она не знает, кто он. Его восхищают мои ступни и запястья. Его желание согревает мой затылок. От его яростного взгляда волоски на коже встают дыбом. Я прихожу на раскопки ближе к вечеру, когда камни под моими ногами еще излучают тепло. Площадка очень низкая, издалека вообще ничего не видно. Бесценные развалины затерянного города разбросаны вокруг маленькими кучками. Только две колонны возвышаются у дальнего конца рыночной площади. Здесь мы изучаем бесконечные тайны фундаментов. Я мягко скольжу по белой пыли. Два автомобиля последних туристов с грязью на розовых номерных знаках уезжают с парковки. Солнце уже не стоит в зените над потными археологами, которые сидят на корточках, как гномы, вдоль пересекающихся линий своих траншей или возятся, полуголые, под зеленым брезентом; у них розовые, неприличные рты, прополосканные пресной водой.

Я стою на краю святилища. Из белого камня возникает грубый, неровный квадрат. Это дом

бога. Я крадусь мимо огромных кустов, мимо гигантских колючих кактусовых лопастей. Из их случайных порезов капает белый сок. Он был здесь. И здесь. И здесь.

Там не на что смотреть. Там только белая земля, с которой содрали слой кожи.

Я ускользаю прочь, стараясь не попасться на глаза мужу.

Вечер сгущается, но не приносит прохлады. Я глотаю влажную жару и чувствую воду во рту и соль в ручейке пота между грудями. Далеко над морем, на юго-западе, небо чернеет. Я залезаю в душ, где меня настигает волна тошноты. Я отчаянно блюю в раковину. Вокруг слива возникает желтая спираль блевотины. Я ретируюсь в спальню и ложусь в постель. Первые порывы ветра шевелят белые занавески.

Почему ко мне другой подход? Почему ты ждал, чтобы я дала тебе знак? Ты не боишься его. Ты вернулась. Ты его выбрала. Ты его искала. Выслеживала. Ты сделала так, чтобы он тебя заметил. Ты посмотрела на него.

Теперь я чувствую его присутствие, рядом, до боли близко, жаром меж бедер. Я пожелала, чтобы он пришел ко мне. Я лежу, раздвинув ноги, поглаживая лобок. Я оттягиваю покровы с розо-

вого холмика и вставляю пальцы глубоко внутрь себя. Я хочу, чтобы он пришел. Я совсем не боюсь. Я встаю, приглушаю свет, отпираю двери.

Потом я слышу, что кто-то зовет меня с террасы.

Я выбегаю полуодетая и вижу странного, высокого мальчика у подножия ступеней. Он грек, ему не больше шестнадцати. За его спиной, опершись на стройную серебристую подножку, стоит гигантский мотоцикл. На красивом, пустом лице юноши мое появление почти никак не отражается. Волосы у него странного светло-рыжего цвета. Он стоит, высокомерный и безучастный, в свинцовом светящемся воздухе. На нем черная кожаная куртка, нелепая в такую погоду. Его английский трудно понять.

— Шеф просил передать. Он говорит, что хочет вас видеть. Будьте готовы. Я вернусь.

Когда он отворачивается, я вижу, что между его лопатками сверкает золотой силуэт чаши. Он садится на мотоцикл, который оживает и исчезает.

Макмиллан проводит вечер в паническом припадке деятельности: гроза все ближе. Его команда раскладывает брезент над развороченной землей, торопливо вбивает колышки палаток в неподатливую каменистую почву, прижимает

полиэтиленовую пленку камнями, пакует рисунки и инструмент, выставляет шеренгу ведер, чтобы собрать дождевую воду. Вот поднимается ветер. И мы слышим первый ропот грома, далеко-далеко, в холмах.

Но вдруг — оно над нами, вокруг нас, и первая зловещая вспышка электрического огня высвечивает удивительную мозаику с полуобнаженной женщиной и Лебедем, клюющим ее одежды. Кустарные убежища трепещут под порывами, их крыши прогибаются под титаническими вздохами жаркого ветра.

Потом начинается дождь.

Синие пластиковые пакеты вокруг бананов набухают и отвисают под тяжестью серого ливня. Ночь заливает окрестности.

Я стою на ступенях в белом шелковом платье, которое выставляет напоказ мою грудь и вздувается вокруг бедер. Море дышит подо мной, пугая своей страшной лаской. Я смотрю вдаль. И оттуда, пробиваясь сквозь банановую рощу, из клокочущей тьмы, мне навстречу стремительно несется серебряный диск огня на черном мотоцикле.

2
София Уолтерс Шоу

Меня зовут София. Но на самом деле нас трое. Нас всегда было трое; остальные два и сейчас со мной. Мы всюду ходим вместе. У того из двоих, что выше, — волосы песочного цвета и веснушки. Он кажется сутулым и нестрашным, но при этом на удивление ловок и очень силен. Его зовут Уолтерс. Третий — самый опасный. Спокойный, темный, с бритой головой — это он. Мелкая колючая поросль покрывает его череп, но когда мы планируем свою очередную операцию, он бреет голову. Это его подготовительный ритуал. Как будто ему нужно необратимо изменить свою внешность, прежде чем начать игру. Он становится немного другим человеком. Его зовут Шоу. Другого имени у него нет. Я думаю, мы все немного меняемся, когда работаем, но для него небезразлично еще и выглядеть иначе. Мы с Уолтерсом не меняем обличье. Мы кажемся такими же, как обычно. Он — тихий, но властный. Я — женщина, которая всегда хорошо одета. Я начала следить за этим много лет назад. Я никогда не

рискую.

В моем ощущении мы не три разных человека, а один. Мы связаны друг с другом глубинными узами. В моей личности словно проставлены дефисы, как у современной женщины, которая, выходя замуж, идет на половинную меру: оставляет свою фамилию, но прибавляет фамилии мужей: София Уолтерс Шоу. Я не могу представить, что меня можно отделить от остальных. Как будто нас всегда было трое. Но это не так.

Мы познакомились через агентство. Я тогда была девочкой-оторвой. Мне исполнился двадцать один год. Я бросила университет, чего женщины никогда не делают — по крайней мере, те, которые собираются замуж, — и обросла кучей долгов. Я нагло торчала в приемных, ожидая интервью с банками, социальными службами и потенциальными работодателями; я сидела, раздвинув ноги, в черной мини-юбке и черных колготках, испещренных дырами и стрелками. Я хотела, чтобы меня заметили. Я ждала, мечтала, добивалась этого любой ценой.

Уолтерс первый предложил мне работу. Он был начальником конторы, якобы принадлежавшей агентству. Сидя за баррикадой из нескольких телефонов и монитора, по которому плавали

разноцветные рыбы — бесформенная переливающаяся красно-зеленая флотилия, — он выглядел довольно безобидным. Сидел он очень спокойно, положив руки на стол. Ни одним карандашом из маленького коричневого стаканчика на столе никто никогда не писал. Я это заметила. Помню свою мысль: у него нет секретарши. Если бы контора была настоящая, тут бы сидела секретарша и набивала бланки заказов, докладные записки и перечни с пожеланиями клиентов. Но здесь ничего похожего не наблюдалось. Контора подставная. Этот мужик тут не работает. Он никогда ничего не записывал в этот блокнот, никогда даже не смотрел на этот календарь. Он делает все в компьютере. Он — подставное лицо своей организации.

Ну вот я там сидела, жевала жвачку и нарочно старалась выглядеть нагло. Мы изучали друг друга около минуты. Я ничего не говорила. Он тоже. Это твое дело, братец, — задавать вопросы. Я уже видела, что он классифицировал меня как наглую стерву — из тех, что они выпихивают из конторы каждый день. Но я видела и то, что он не испытывает ко мне неприязни. Он по-прежнему держал руки на столе, сложив их в замок. Потом сказал:

— Встань.

Я встала.

— Подними юбку.

Юбка прикрывала мое влагалище едва ли на четыре дюйма, но я все-таки задрала ее до самой талии, чтобы он мог в упор рассмотреть мои изодранные колготки, простенькие черные трусы без всякого кружева и торчащие лобковые волосы в паху. Я не бреюсь, в отличие от большинства женщин — по крайней мере, женщин, которые все еще учатся на будущих жен. Зачем? Какого хрена? Уолтерс внимательно меня рассмотрел.

— Достаточно.

Я опустила юбку.

— Повернись.

Я повернулась к нему спиной.

— Сними футболку и лифчик, — приказал он совершенно ровным, безразличным голосом, как будто просил поискать в шкафу нужную папку.

Я сделала, как он сказал.

— Теперь возьми стул, на котором сидела, и подними над головой.

Это меня слегка удивило. Стул был сделан из железных трубок и пластиковой пены, обитой грубой зеленой тканью. Тяжелый и неуклюжий. Но я дважды в неделю хожу в бассейн и посещаю

городской спортзал. Я в хорошей форме. В общем, это было не так уж трудно. Я рванула стул вверх, раздвинув ноги для равновесия. Мини-юбка собралась складками вокруг моей задницы.

— Так и держи.

Я думала, он выйдет из-за стола и изучит форму и упругость моей груди. В конце концов, он собирается мне платить. Я буду одной из его девочек. Агентство имеет право проинспектировать свой товар. Но он не шевельнулся. Я взглянула через плечо, и он перехватил мой взгляд. Его руки по-прежнему неподвижно лежали на столе. Мои мышцы начали дрожать от напряжения.

— Две минуты, — спокойно сказал он.

Но получилось дольше. Я держала этот тяжеленный железный стул не меньше четырех минут, прежде чем решила, что с меня хватит. Я развернулась и хрястнула его об стол, сбросив с одного телефона трубку и спихнув со стола компьютерную мышку. Меланхоличные рыбы пропали с экрана, передо мной появилось мое собственное лицо, мрачное и неприветливое, и все мои паспортные данные:

СОФИЯ
Дата рождения:
Дочь…

Нынешнее занятие: безработная

Бывшая студентка Харрингтонского университета для жен

Братьев и сестер нет, один из родителей жив

Водительский стаж без нарушений

— Хватит! — рявкнула я.

Он смотрел мне в глаза, а не на грудь.

— Вот именно, — сказал он, разворачивая монитор к себе. Я оделась, не пытаясь от него отвернуться. Я разозлилась. Я не дам ему так легко меня унизить. Мне наплевать на его паршивое агентство. Найду работу где-нибудь еще. И за хорошие деньги. Может быть, даже в каком-нибудь международном аэропорту, или в секс-полиции, где достаточно раздеться или раздвинуть ноги, но не надо выполнять идиотские цирковые номера. Я подняла с пола куртку и собиралась выкатиться, но тут он сказал:

— Не ерепенься. Сядь.

Я бросила на него злобный взгляд.

— Вам сначала придется снять стул со стола.

Он не пошевелился. Не играй со мной в эти дурацкие штучки, братец. Но я решила попробовать. Я взяла стул и шмякнула его на пластиковый пол. Неторопливо села. Он ждал. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Ладно. — Он улыбнулся. — Давай займемся делом.

Мы сидели, уставившись друг на друга.

— Я хочу предложить тебе место хостессы. Поначалу, вероятно, ты останешься здесь, но если все пойдет хорошо, я надеюсь, тебя пошлют на стажировку за границу — либо в Германию, либо на Дальний Восток. Я могу ошибаться, но мне кажется, что у тебя есть потенциал для весьма успешной работы в нашем бизнесе.

Я не сказала ничего, вообще ничего. На его лесть мне было наплевать. Я все еще злилась.

— Меня зовут Уолтерс, — сказал он. — Ты будешь в подчинении лично у меня.

Первый клуб, в котором я работала, назывался “Подземелье”. Меня назвали Кианея. Уолтерс объяснил, что это имя мне дали в честь одного сицилийского фонтана. Такая вычурность мне понравилась. У нас всех были кодовые имена, некоторые очень странные: Аризона-Сити, Дикий Запад, Лиловая Горилла, Киска Додж, Будикка, Красная Рита, Мальчик Клео, Бентон, Гвидо, Зловещий Зажим. Имена с самого начала прилагались к идентификационным дискам. У нас не было выбора. Интересно, думала я, Уолтерс их сам все выдумал? Нашу основную клиентуру со-

ставляли японские бизнесмены. Попасть внутрь имели право только члены клуба, но записаться можно было прямо на входе при наличии действующего компьютерного удостоверения личности, в котором все детали, включая коды, совпадали с базой данных гражданина. В обязанности хостессы входила проверка дисков, чтобы удостовериться, не поддельные ли они, не заявились ли к нам на огонек гости из полиции. Полицейским я никогда не отказывала, только нажимала специальную гостевую кнопку, чтобы Уолтерс знал — за клубом наблюдают, и сегодняшнее шоу должно быть безопасным и чистым. Это было несложно. Мы просто предупреждали своих мальчиков и девочек, чтобы номера не выходили за установленные рамки. А кровавые эпизоды в этих случаях заменяли имитацией.

На моей памяти случился только один рейд, и после него нас прикрыли — это было печально знаменитое шоу “Джунгли”. Нас даже допрашивала расовая полиция. Раньше такого не случалось. “Джунгли” были сработаны по старомодному сценарию и пользовались бешеной популярностью среди немолодых клиентов обоего пола — я никогда не могла разобраться в их сексуальных предпочтениях. Главным исполнителем был

высокий неф с внушительными гениталиями. Огромный, черный, немыслимо волосатый. Весь его номер проходил в клетке с цветущими экзотическими растениями под звуки тамтамов и звериных воплей тропического леса. Его партнершей была молоденькая немка, миниатюрная блондинка с большой грудью. Волосы на лобке у нее были очень темные. Уолтерс не хотел, чтобы она их сбривала, но заставил перекраситься. Она говорила мне, что на это ушла куча времени и пол душа покрылся желтыми потеками, как будто она постоянно мочилась в сливное отверстие. А потом, осматривая девушку перед репетициями, Уолтерс внезапно передумал и велел мне ее побрить. У нее была очень нежная и мягкая кожа. Она почти не говорила по-английски, но я думаю, что “Vorsicht! Vorsicht!” должно означать “Осторожно”. И она все время повторяла, что очень зла на Уолтерса. По ее словам, он никогда не знал, чего хочет. Во всяком случае, на первых, старинных видеозаписях этого номера было видно, что у женщины лобковые волосы не сбриты.

Я не ходила на репетиции, хотя орали там больше обычного. Когда работаешь в этой индустрии, быстро теряешь интерес к мягким номерам. Они все совершенно одинаковые, и их качество це-

ликом зависит от исполнителей. Но “Джунгли”, хоть и считались мягким номером, вызывали напряженный интерес из-за флера нелегальности и старины — впервые их показывали еще в 1960-е годы, задолго до нашего рождения. Уолтерс пришел на генеральную репетицию и решил, что клетку надо подвесить посредине зала, прямо над зрителями — в результате им открывались некоторые весьма захватывающие виды. Если клиенты могли наблюдать за действием вблизи, Уолтерс мог брать с них больше. Он — шоумен до кончиков ногтей. Он знает, что принесет деньги и как их вытрясти. А мы не могли рекламировать ничего заранее, поскольку все и так было нелегальным. Но я знала, как это делается. Не первый раз. Важно вовремя запустить слух. В сущности, это и была моя работа. Я разработала систему иносказаний: совершенно особенное шоу, вот уже больше семидесяти лет в городе не было ничего подобного, старые видеокассеты, их так трудно достать, шанс увидеть старину и крутизну, отпадная вечеринка Клиенты быстро обучаются тайному языку. Все это означало — грядет нечто в стиле ретро, нелегальное и кровавое.

Одна из девочек спросила меня, почему шоу под запретом, а я толком не знала. Я спросила

Уолтерса. К этому моменту у нас сложились прекрасные деловые отношения, хотя он на все отвечал односложно.

— Оно способствует разжиганию ненависти к чернокожим, — бесстрастно сказал Уолтерс, как будто ему совершенно все равно.

Я изумилась. По крайней мере половина наших клиентов — негры. Мы в тот момент подгружали в систему новые диски с компьютерной информацией, и список пестрел негритянскими фамилиями — Нгато, Звело, Афрекете, Кабилье.

— "Джунгли"? Почему? — Я недоуменно смотрела в мерцающий зеленый экран.

— Посмотри генеральную репетицию, — так же равнодушно отрезал Уолтерс.

Я посмотрела и поняла, о чем он говорил. Шоу оказалось по-старинному жестоким. Наш черный герой изображал гориллу в леопардовой шкуре — существо звероподобное, похотливое и полностью лишенное воображения. Номер подчеркивал скорее насилие и страх, а не садомазохистский уговор, который нынче в моде. Я предпочитаю ясный, расчетливый садизм. Он выглядит чище и справедливее. Немецкая девушка полностью вошла в роль. Она представлялась жертвой во всем, вплоть до выбритого лобка.

Она хоронилась по углам, пыталась прикрыться листвой и была совершенно убедительна в роли беспомощной несчастной пленницы, из груди которой в конце вырывается последний натужный измученный стон. Но представление было посвящено бешеной, звериной, неподконтрольной похоти. Наш черный солист изображал существо, которое едва ли можно назвать человеком — из него било животное вожделение и фаллическая жестокость. По-моему, все мы были поражены.

Мне казалось странным, что такие номера когда-то пользовались популярностью. Я никогда не изучала сексуальные представления середины двадцатого века, а после “Джунглей” у меня пропало всякое желание в них углубляться. Но в день премьеры у нас был аншлаг. Все клиенты были по крайней мере лет на тридцать старше нас. О такой целевой аудитории я никогда и не мечтала. Но они пришли, орали, толкались и понукали актеров, как будто собрались вокруг ямы с медведями. Публика была точно такая же неотесанная и грубая, как исполнители. Я выглядывала из-за своей стойки, когда осмеливалась, чтобы разглядеть и зрителей, и шоу. Мне “Джунгли” казались жестокими, напыщенными и нетонкими.

Лично я люблю кожу. Поэтому мне нравятся

современные кожаные с/м-шоу, оргии в многопользовательском подземелье, где женщинам достаются доминирующие роли. Конечно, я сама никогда не участвовала в шоу. Уолтерс всегда поручал мне либо встречать гостей, либо вести наблюдение на площадке. Я была его глазами и ушами в толпе посетителей. Но в кожаные вечера он все-таки разрешал мне одеться соответственно. Никаких тебе эротичных, женственных платьев с глубоким вырезом. Нет, я выглядела как до́лжно: обтягивающий костюм из черной кожи, цепи, шипы. Единственная уступка женственности — черная кожаная роза за левым ухом. В такие вечера мне всегда делали предложения. За неплохие деньги. Весьма приличные суммы. Но частная работа была строго запрещена. О заработке мы договаривались с агентством. Некоторые артисты, причем не только мужчины, получали очень высокие гонорары. Я не жаловалась. За такую ночь я получала не меньше, чем негритянский жеребец за “Джунгли”. Уолтерс часто говорил, что я того стою — учитывая мой брутальный вид и компьютерную грамотность.

В ночь “Джунглей”, когда нас уже вконец измотало ожидание развязки, Уолтерс спустился вниз. Он велел мне послать сборы за вход и все данные

о посетителях в его кабинет, как только дверь запрут и шоу начнется. Я была в кожаном платье, с неизменной черной розой за ухом. Он посчитал, сколько придет народу, вынул черную розу из моих волос и поцеловал меня в шею — очень, очень нежно.

— Отлично, — только и сказал он, — ты собрала очень неплохой улов в свои сексуальные сети. Ты — моя любимая Госпожа, услада для всей семьи.

Я не узнавала почти никого из тех, кто тогда пришел в клуб, лишь бесстрастно проверяла их удостоверения. И брала с них ту безумную цену, которую Уолтерс назначил за вход на шоу “Джунгли”. Посетители выглядели, как маринованные мумии. У некоторых следы подтяжек и несколько слоев косметики покрывали все лицо. Мужчины были отвратительны — с ввалившимися щеками и безумными глазами. Я запомнила только одного — того, что не отдал мне свой идентификационный чип. Я протянула руку за карточкой, и он положил сверху свою лапу. Я почувствовала холод его тяжелых золотых колец и подняла взгляд. Он был огромен, с густыми усами и взглядом убийцы. Лет шестидесяти. В волосах, некогда темных, проглядывали седые пряди. Одет он был в старомодный вечерний пиджак с

галстуком-бабочкой.

— Просто скажи своему боссу, что его гости прибыли.

Он кивнул моим вышибалам: вы больше не понадобитесь. Его огромная рука обхватывала локоть спутницы. Стоя в узком проходе “Подземелья”, я посмотрела ей в лицо. Ей было страшно. Невыносимо страшно.

Передо мной стояла хрупкая блондинка, женщина, которая живет в элегантных интерьерах, окруженная изысканными, дорогими вещами. На ней не было никакой косметики. Огромные глаза на ее бледном лице расширились от тревожного ожидания. В это темное пространство вседозволенности она пришла не по своей воле. В отличие от меня, она собой не распоряжалась. Ей было лет восемнадцать, не больше. Ее заставили. Я посмотрела на мягкую лужайку, которая скрывала ее грудь. Платье было вышито по шелку тысячами крошечных зеленых цветочков. В этом мире пульсирующей, насильственной тьмы она была драгоценностью, которую тянут все ниже, и ниже, и ниже.

Я нажала на кнопку внутренней связи.

— Уолтерс? Твои гости пришли.

— Спасибо.

Он был совершенно спокоен, нисколько не удивлен. Я хотела знать, кто она такая. У меня хватило ума не спрашивать.

Полиция нагрянула после двух, когда шоу почти закончилось. Немка истекала кровью от бичевания и укусов на заднице и бедрах. Ее истошные вопли были совершенно неподдельны. Она умоляла зрителей помочь ей выбраться из клетки. Наш черный актер разошелся не на шутку. Я размышляла, не нанюхался ли он кокаина. Он уже был совершенно голый, его тело расцвечивали полосы красной и черной краски, мерцающие в свете юпитеров. Женщина была привязана к тотемному столбу, на ногах у нее были колодки — имелось в виду, что раньше в такое заковывали рабов. Он кричал о сексуальной мести белым тиранам. Публика была в экстазе. Женщина нагнулась вперед и жалобно блеяла. Я думала о том, сколько ей платят и объяснил ли ей Уолтерс, что в ретро-номерах мы идем до победного конца. Веризм. До мельчайших деталей. Мы очень редко убиваем исполнителей — главным образом потому, что стоимость такого шоу, с точки зрения безопасности, совершенно не по карману нашим обычным клиентам. Для этого существуют особые клубы — маленькие,

эксклюзивные, и правительство выдает им специальные разрешения.

Когда я опять посмотрела в основной зал, негр-солист трахал женщину в анус резкими, яростными рывками, а публика стояла на стульях и вопила. На площадке было полно разбитого стекла и дыма. Я вернулась к двери и села рядом со своими бессменными гориллами, проверяя зоны безопасности на компьютере. Этих я увидела лишь за секунду-другую до того, как они с ревом взломали дверь.

Полиция. Все в масках, до зубов вооруженные. Один из них ткнул дулом мне в живот и закричал:

— Отойди от монитора, жирная сука!

Я изобразила падение на спину, что дало мне шанс нажать на гостевую кнопку. На самом деле она зеленая, а не красная, и на ней написано “Открыть двери туалета” — такой юмор для своих. Я также ухитрилась отрубить компьютер от сети, и он выключился с тихим стоном. Один из моих вышибал врезал офицеру, который держал на прицеле мой живот. Обычно мы не нападаем на полицейских, но беднягу захватили врасплох. Никто не выстрелил, но три мужика навалились на него, колотя его грудь и голову кулаками и сталь-

ными стволами своих автоматов. Из глубины зала долетали вопли, смешанные с диско-музыкой двадцатого века — шоу было прервано задолго до кульминации. Я приподнялась с пола в своем коротком кожаном платье, в черных туфлях на высоком каблуке, одернула блузку, как бы пытаясь выглядеть прилично. Одновременно я засунула информационный диск из компьютера себе в трусы.

Диски эти крошечные, размером примерно с мелкие монеты, которые когда-то были официальным платежным средством в этой стране. Я намеревалась запихнуть диск себе во влагалище и избавиться от него до того, как меня разденут и обыщут. Полицейские процедуры довольно однообразны. Обычно тебя обыскивают, прежде чем отпустить, чтобы никто не вынес чего-нибудь опасного и ценного за пределы полицейского кордона. Информация на наших дисках конфиденциальна, и обычно от клубов не требуют ее выдавать. Но у нас почти наверняка собирались отозвать лицензию. Подлинный диск был надежно спрятан в моих самых интимных складках. Теперь полиция могла найти в крайнем случае список подтверждения почтовых заказов — имена людей, которые никогда в жизни не

переступали порог “Подземелья” и скорее всего вообще не делали ничего более рискованного, чем заказ кожаного костюма, ароматизированных презервативов и вибратора с серебряным покрытием. Более того, этот список кишит судьями Верховного Суда, министрами и высшими церковными чинами всех вероисповеданий.

Нас затолкали в фургоны без окон и увезли в облаке воя сирен. Уолтерса бросили на мою скамью в зоне ожидания полицейского участка, и он тяжело приземлился рядом. Он был удивительно спокоен. Как только дежурный офицер записал наши данные и отошел, Уолтерс склонился ко мне и прошипел на ухо:

— У тебя на левой щеке расцветает дивный синяк, девочка моя. Я полагаю, твое тело таит еще кое-какие секреты.

— Надежно таит.

Он кивнул и отвернулся. Вид у него был довольный, даже слегка веселый. Возможно, он улыбался.

— Вставай, толстая засранка! — рявкнул один из офицеров. — Ты уж как минимум у нас переночуешь.

Меня утащили, и я не видела Уолтерса всю ночь, и весь следующий день, и следующую ночь

тоже. Меня заперли одну в крошечную камеру, исписанную граффити, где не было ничего, кроме пары досок, покрытых грубым серым одеялом. Мне не дали ни еды, ни питья. В углу стояла параша, но подтереться было нечем. Пол вонял мочой. Видимо, предыдущему заключенному не досталось даже параши. Я бывала в тюрьме и раньше. Я знала, чего ждать.

По крайней мере, было что почитать. Некоторые надписи относились к древним временам, к эпохе шоу “Джунгли”. Среди них попадались странные исторические лозунги вроде “ОДНА ЯДЕРНАЯ БОМБА МОЖЕТ ИСПОРТИТЬ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ” и “ДУХ НЕ УБЬЕШЬ” и самое загадочное: “ПОРНОГРАФИЯ — ТЕОРИЯ, ИЗНАСИЛОВАНИЕ — ПРАКТИКА”. Для нас порнография стала тем, чем когда-то была религия, — образом жизни, образом мышления, способом заработка. А изнасилования не бывает, если все женщины всегда и везде говорят да, да, да. Это понимает каждый.

Уолтерс сам пришел выпустить меня под залог. Когда это произошло — поздним утром второго дня, — я уже чувствовала себя униженной, немытой и обозленной. Ссать в одно и то же ведро, которое никогда не выносят, и не чувствовать отвращения к себе можно не очень долго — всего

несколько часов. К тому же я смертельно боялась потерять диск.

Уолтерса впустил в мою камеру тот же самый офицер, что обозвал меня толстой засранкой. Мой метко нацеленный плевок попал ему в щеку, пока он возился с ключами. Он бы ударил меня, если бы Уолтерс — на этот раз в элегантном бежевом пиджаке и с длинным серым плащом на плечах — не остановил его руку.

— Я приношу вам свои извинения от ее имени, офицер. Она исстрадалась без душа и смены белья.

— Сними, блядь, одежду! — проревел мужик и захлопнул за собой дверь камеры. Мы с Уолтерсом на мгновение остались одни в крошечном помещении.

— Они тебя сначала обыщут, а потом отпустят, — прошептал он. — Разденься и отдай одежду мне. Отдай мне все. — Он внимательно посмотрел мне в глаза.

— А они разве не всех повязали прямо там? — Я начала срывать с себя одежду.

— На диске отмечены все, кто к нам приходил.

Уолтерс раздраженно и нетерпеливо протянул руку. Внезапно я поняла, что лишь двух посетителей не притащили в участок: девушку в зеленом

шелковом платье с крошечными цветами и мужчину с тяжелыми перстнями холодного золота.

Совершенно незнакомые люди столько раз видели меня голой, что раздеться перед Уолтерсом ничего не стоило. Он — член семьи. У него хватило галантности с интересом понюхать крошечный диск, прежде чем сунуть его в карман. Потом он собрал всю мою одежду, но держал ее на вытянутой руке, едва касаясь кончиками пальцев, а я потрусила в душ, прикрывая груди.

Женщина-офицер осмотрела мое влагалище и задний проход при помощи тонкого фонарика с линзой на конце.

— Что вы ищете? — нагло спросила я, пока она таращилась мне в промежность.

— Наркотики, — рявкнула она.

“Подземелье” закрыли. Все окна и двери заколотили плексигласовыми панелями с желтыми наклейками — “Не приближаться”. Я отправилась туда наутро и почувствовала, что мне чего-то не хватает, пока стояла перед неприметельным кирпичным домом, где проработала почти три года — пять ночей через три плюс шестинедельный оплачиваемый отпуск, когда не знаешь, куда себя девать. Клуб стал моим домом. Я знала всех танцовщиц, всех тружеников сек-

са, всех шоуменов, всех их обычных зверюшек, всех вышибал и охранников, всех нелегальных транссексуалов, которых мы нанимали вчерную, и Уолтерса, босса. Нашего босса. Он стоял за моей спиной и смотрел на разломанную дверь, над которой неброскими синими неоновыми буквами было написано “Подземелье” — прямо над аркой и ведущей вниз лестницей. Буквы не светились, потому что Э уже отключили.

Предательство и обман. Я повернулась к Уолтерсу.

— Почему меня не допрашивали? Почему не предъявили обвинение? Почему мы с тобой на свободе, а все остальные до сих пор в тюрьме? Ты знал, что они придут, ты же знал!

Его волосы блестят на солнце. Они крашеные. Ни один мужчина не может похвастаться таким цветом — цветом расплавленного красного золота. Цвет ненатуральный. Он сам ненатуральный. Он даже не порядочный.

— Милая моя София. — Он берет меня за руку, я отдергиваюсь. Он пожимает плечами. — Мы стали существенно богаче, чем три дня назад, а полиция получила богатый улов, который только наше первобытное шоу “Джунгли” и могли выманить на свет. Конечно, все это было подстроено.

Не надо подозревать меня в дурновкусии. Ты что же, думала, такое ретро-шоу — это мое личное коммерческое озарение?

— А остальные наши? — заорала я. — Ты, может, и стал существенно богаче. А остальные потеряли работу.

Уолтерс недовольно уставился в пространство.

— Все, кто оказался на высоте, без дела не останутся. Но я не упущу случая немного растрясти балласт. Однако тебя — если только в тебе вдруг не зародилось чувство гражданской ответственности — я всячески приглашаю проследовать со мной в мою новую контору.

Я стояла под промытым светом весеннего солнца и обдумывала предложение Уолтерса. Мы оба знали, что выбирать мне особенно не приходилось. В прежние времена женщины поступали в университет и получали образование, совсем как мужчины. Женщины имели право выбирать многие профессии, а социальных ограничений на поведение было меньше. Были жены и шлюхи, как и сейчас. Но этим выбор не ограничивался. Мать моей матери держала фирму частного извоза — женщины-таксисты, только женщины. Сейчас это трудно себе представить. Она была замужем, но сама тоже зарабатывала деньги. Ну

что ж, теперь это невозможно. Приходится выбирать. Можно выйти замуж и никогда не работать или работать до упаду и жить на грани. Я видела, как отец обращался с матерью и в какой нищете она осталась, когда он помер, — и решила, что лучше рискнуть. Я сделала свой выбор, когда пошла в “Подземелье”. Тогда-то мамаша меня и выставила. Ее дочь не будет работать шлюхой. А если ты решила учиться на шлюху, дорогая дочка, скатертью дорога. Но я все подсчитала. Это единственное ремесло, в котором можно сколотить капитал раньше старости — если не хлопать ушами и держать нос подальше от кокаина. Я сказала об этом матери. Но она все-таки считала, что порядочные женщины не держат в доме шлюх. В Интернете есть такой назойливый баннер. Она не шутила. Я тоже.

В “Подземелье” было полно девушек-беглянок. Некоторые не выдерживали и приползали назад в свои семьи. Другие записывались в Брачные Списки и в конце концов доставались мужчинам, которые не любят задавать вопросы.

Я иногда размышляю о том, каково это — быть замужем. И когда я осознаю, насколько удобнее и проще была бы жизнь, меня слегка мутит от неясного сожаления. В двадцать лет казалось, что

это просто — выбрать жизнь шлюхи. Но со временем становится труднее. Возможно, быть женой тоже труднее с возрастом. В Дворцах Труда полно лишних или сбежавших жен. Шлюхам всегда есть что продать. Даже в старости. Мы реже голодаем. Это факт. Такая жизнь — не сахар, но если зарабатывать достаточно, можно выкупиться и дело с концом. Найти себе место под солнцем, где-нибудь подальше, в одной из пустынных стран вроде Испании. Нельзя оставаться жить на Севере. Во всяком случае, после истечения срока документов. Старые шлюхи никогда не умирают. Правда, они частенько исчезают. Никогда не была в Испании. Говорят, там здорово. Собственная вилла с террасой и бассейном, огромный апельсиновый сад и куча известных преступников по соседству.

Уолтерс все еще стоит рядом и ждет ответа.

— Сколько?

— Вдвое больше, чем ты получала в “Подземелье”.

— Договорились.

Выбора у меня не было, но это предложение слишком роскошное. Я немедленно почуяла неладное.

— Что я буду делать?

— То же самое. Иногда более конфиденциальное. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу.

— То есть мне надо будет замечать еще меньше, чем прежде?

— Не обязательно. Но рот надо будет закрывать крепче.

— А если нет — то я исчезну.

— Совершенно верно.

У шлюх нет совести. Но и у их работодателей тоже.

— Ну что же, яснее некуда.

— Могла бы привыкнуть. — Он внимательно осмотрел меня. — Но нам придется избавиться от этого кожаного наряда и купить тебе кое-какие новые шмотки.

Так я стала женщиной-ширмой, женщиной за компьютером, голосом в телефоне, безукоризненно одетой женщиной, женщиной с ухоженными ногтями. Я не была обычной женщиной. Я была первой женщиной, которую слышали в эфире или видели на экране. Таким образом, я стала первой женщиной, которая познакомилась с Шоу.

Я даже не поняла, что он появился. Он вошел без стука. Я, разумеется, сообщила охране. Мы обходились без показухи, даже без всякой гостевой

кнопки. Всего лишь прикосновение к клавиатуре, как будто вызываешь заставку для экрана. Собственно, при этом действительно загружается заставка, и она под паролем, так что работа с каталогом остается в тайне, пока ты разбираешься с экстренной ситуацией.

— Вам назначена встреча?

Он помотал головой и сел. Камера зашевелилась, регистрируя все его движения. Которых, впрочем, не было. Он сел ко мне лицом, положил руки на колени и перестал двигаться. Это очень страшно — быть рядом с человеком, который абсолютно неподвижен. Его лицо ничего не выражало. Если бы мне нужно было описать, как он выглядит, я бы наверняка ошиблась. Он похож на горностая: очень сосредоточен, очень спокоен, потом раз — и одно быстрое движение. Больше ему не нужно. В тот первый раз я уставилась на него, а он — на меня, совершенно непроницаемый.

Потом он сказал:

— Незачем было звать охрану. Я ваш новый коллега. Меня зовут Шоу.

С течением лет Шоу вызывал у меня все больше уважения. Он не такой, как Уолтерс. Они оба тихие, но Уолтерс всегда занят, деятелен,

активен. Шоу никуда не торопится. Он похож на профессионального гробовщика. Говорю всегда я. Некоторые клиенты зовут меня “Пизда с языком”, но обычно не жалуются. У нашей работы было две стороны. На первый взгляд мы были обычным сексуальным агентством, как многие, со своим профилем, для состоятельных клиентов, для людей из правительства или высокопоставленных бюрократов — но была и темная сторона, Особые Задания. Они случались нерегулярно, и у нас всегда было очень мало времени на подготовку. Иногда они подавались как обычная работа. И только в последний момент мне говорили, что это особка. Как в первый раз. Я думаю, первый раз всегда запоминается.

Это был заказ на традиционное доминирование в полном наряде. На работу я по-прежнему ходила в коже, причем — с удовольствием. Я отхлестала его до крови, изрыгая свои обычные вычурные непристойности, от которых он моментально кончил. Такие задания мне очень нравились, потому что клиенту нельзя тебя трогать. Это испортит эффект. Мы несколько часов провели наедине. Ничего необычного не происходило. Потом я услышала, что Уолтерс тихо подзывает меня из-за двери. Я приказала клиенту ждать и не

рыпаться, а то плохо будет, и в замешательстве вышла наружу. Уолтерс никогда не вмешивается. Он дает проводить сеансы как мне заблагорассудится. Он знает, что я профессионал. Но в этот раз Уолтерс вел себя очень странно. Он был напряжен до крайности, но ничего не говорил. Он вывел меня в сад. Я стояла голая, только в маске и в высоких черных сапогах. По телу медленно поползли мурашки беспокойства.

Потом вдруг я увидела, что Шоу задергивает занавески в гостиной, где я работала. Я ринулась в дом.

Клиент был мертв — ему перерезали горло от уха до уха. На полу подсыхала жалкая тусклая лужица спермы. Но перерезанным горлом дело не ограничилось. Труп выглядел отвратительно. Из рассеченного жирного живота вываливались внутренности, и член, до сих пор непостижимо твердый, утыкался в чавкающую груду кишок. На ковер текла кровь. Меня затошнило от злости. Это был мой первый раз, но я уже хотела гордиться своей работой и выполнять ее как следует — тщательно, не оставляя следов. Эта вспухшая отвратительная груда была отвратительна во всех смыслах. Как будто здесь работали любители. Очень неубедительно.

Шоу стоял у окна и спокойно чистил оружие, не снимая черных кожаных перчаток. Все свои жидкости и тряпочки он аккуратно сложил и убрал в кофр, который тут же захлопнул. Я не находила слов от шока и ярости. Попыталась содрать с себя кожаную маску. Ее как будто приколотили гвоздями.

— Ну черт тебя дери, прибери же за собой! — крикнула я.

Уолтерс уже вытащил наш карманный компьютер и ждал разрешения отступать. Раздалась серия приглушенных сигналов.

— У тебя есть полчаса, — спокойно сказал мне Уолтерс, как будто мы собирались в ресторан. — Иди наверх и помойся.

Клиент до меня даже не дотронулся, но мне казалось, что мои руки и бедра заляпаны его кровью. В комнате стоял тяжелый запах недавнего секса и насильственной смерти.

— Это все, на что мы способны? — Я почти кричала. Уолтерс внимательно на меня посмотрел, потом зажег сигарету.

— Нас попросили, чтобы это выглядело как ритуальное убийство. Для прессы, София. Твой девиз — ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не спрашиваю. Я организую особые задания.

Я веду переговоры с клиентом. Я беру на себя ответственность, я занимаюсь подготовкой. Тебе, видимо, кажется, что работа выполнена небрежно. На самом деле все сделано в полном соответствии с указаниями. Я искренне поздравляю тебя и Шоу. А теперь, будь любезна, делай как я скажу и не задавай больше вопросов. Я прощаю тебе эту случайную вспышку только потому, что это твое первое дело.

Больше он не сделает мне послабления. Это я сразу поняла. Я потащилась наверх и оказалась в спальне. На стеклянном трюмо стояла фотография хорошенькой жены с тремя детьми. Где они сейчас? Клиент был женат. Они, как правило, все женаты. В ванной я содрогнулась от собственного лица в маске, потом меня вырвало в раковину. Раньше такого не случалось. Когда я содрала маску, меня била дрожь, но не от жалости к осиротевшей семье и не от ужаса, что оказалась соучастницей жестокого убийства. Клиент был политиком. Наверняка он многих послал на смерть не задумавшись. Нет, меня трясло от мысли, что мы — не то, чем кажемся. Я считала, что мы — независимое агентство экзотического секса, а мы, как выяснилось, — наемные убийцы. Клиент был ненастоящий. Уолтерс объяснил,

что это мое первое дело. Значит, будут другие. И все так просто. Он сам нас вызвал. Я помню, как посылала ему каталог, переписывалась по электронной почте, подогревала его аппетит, повышала цену. За его убийство нам уже заплатили вдвое.

Теперь в каждом клиенте я буду подозревать возможную жертву. И истинная природа сделки откроется мне только когда Шоу вдруг вступит в игру. Теперь у меня другая профессия. Я без труда сделаю это снова.

В ту ночь, когда наш черный лимузин скользил по холмам обратно к городу и на пропускных пунктах его никто не останавливал, я чувствовала, что напряжение между нами ослабло. Уолтерс пустил Шоу за руль, чего обычно не случалось. Обычно он сам ведет, а мы с Шоу сидим сзади в полной тишине. Уолтерс ничего не сказал, но взял меня за руку и держал ее всю обратную дорогу, пока мы ехали по крутым склонам и пересекали каньоны, которые отделяют Нагорье от города. Выбора у меня не было. Он знал, что выбора у меня нет. Будущее только с ними — или вообще нигде. И все равно я с радостью принимала то, что не могла изменить. И в этом были таинственные преимущества. Мы не были обычными людьми

— мы были ангелотворцы, предлагающие людям секс и смерть как изысканное блюдо. Уолтерс и Шоу стали мне еще ближе. Нас больше не было трое. Мы становились одним существом.

Близость — странная штука. Любовники могут выражать ее взглядом, прикосновением к щеке, прерывистым шепотом. Но близость убийц изощреннее. Мы — мускулы, руки и глаза друг друга. В молчании Шоу, в напряжении плеч и спины Уолтерса, в натянувшихся сухожилиях его шеи, в таящейся театральности нашей общей силы, во всем, о чем говорит частота нашего дыхания, я чувствую свою собственную мощь, собственную занесенную руку. Любовники сходятся и расходятся. Но мы больше не подчиняемся этому ритму. Моя часть работы меня больше не унижает, потому что когда я завлекаю клиента, распахиваю ему навстречу свои руки, свои ноги — я чувствую тех двоих в моем животе, в моих бедрах; они ждут. Мне выпало первой идти на опасную территорию, в наши охотничьи угодья. Но я не бываю одна. Теперь я уже никогда не буду одна. Они — мои хранители и мои сторожа, мои холодные глаза и моя десница.

Клиент потребовал обычную, непритязательную сцену изнасилования, номер два в каталоге

— женщина одета как жена, а не как шлюха, сильно сопротивляется; немного насилия, потом он овладевает ею, и она входит во вкус. Ну а дальше она распаляется, никогда ничего подобного не испытывала и т. д. и т. п. Я играла такое много-много раз. Это заказывают только полные сексуальные ничтожества. Само по себе о чем-то говорит. Уолтерс дал мне досье молча, но я заметила странную торопливость в его движениях, неестественную поспешность, с которой он застегнул портфель, напряженность его прикосновения. Я просмотрела наши заказы. Фотографии клиента не было. Он оставался безликим.

— Он кто?

— Ни о чем не спрашивать, — рявкнул Уолтерс. Потом склонился и поцеловал меня в нос. Я никогда не видела Уолтерса таким возбужденным. Он просто искрил от предвкушения. — Покрась волосы. В светлый цвет. Клиент любит блондинок.

Уолтерс его знает. Так кто же он?

Что это за человек, стало ясно, когда я увидела, куда мы едем, где он живет. Мы поднимались все выше и выше в холмы в кожано-хромовой роскоши нашего лимузина. Уолтерс вел спокойно и уверенно. Он знал дорогу. Все богатые и влиятельные живут далеко за городом. Этот человек

жил за Нагорьем. Он жил на склоне вулкана. Вид на долину оттуда открывался сюрреалистический, мерцающий. Дорога перед нами вилась по пейзажу тьмы. Мы видели высокие ворота с гротескными фигурками, скалившими зубы в свете наших фар. Виллы прятались за деревьями. Иногда охранники наводили на нас лучи фонарей, чтобы посмотреть номера. Никто не пытался нас остановить. Пока мы проезжали контрольные пункты, Шоу сидел спокойно, держа расслабленные ладони на коленях, и ни разу не шевельнулся. Он был полностью сосредоточен. Меня начало тошнить. Кто-то нас ждал. Нам расчистили дорогу. Меня никогда еще не возили в эти холмы. Мы приближались к местам, где жили высшие чины правительства. Я поняла, почему мне не разрешили узнать, кто он такой.

Я смотрела на профиль Шоу в мерцающей тьме. Его неподвижность была абсолютной, непроницаемой.

Когда мы доехали до тяжелых ворот и будки с вооруженными охранниками, Уолтерс тихо вздохнул, и я заметила, что на руле остались влажные следы его рук. Взглянув наверх, я увидела двух огромных каменных гидр, тянувших друг к другу шеи через арку. Наши документы и про-

пуска проверили несколько раз. Мы молчали.

Наконец огромные железные ворота в темный сад открылись. Когда мотор машины умолк, мы услышали плеск воды в фонтанах. Гигантские двери были распахнуты; ночь стояла теплая. Подсвеченные флаги безвольно обвивали древки в безветренном воздухе. Шоу исчез в саду, но Уолтерс остался со мной. Он держал в руке свой черный портфель. Я в нерешительности стояла на пороге, даже не пытаясь охватить взглядом огромные пространства, паркет и ковры, шкафы, заполненные африканскими масками и тотемами, кунсткамеру разных культур, собранную под стеклом, чтобы блестеть и поражать воображение. Клиент, очевидно, человек утонченный и эрудированный. У него сотни книг. Из большого зала мы прошли в библиотеку. Я заметила круглую лесенку, по которой можно было добраться до самых верхних томов. Пахло табаком. О табаке уже почти полностью забыли, но мне запах был знаком. Только у самых влиятельных наших клиентов все еще оставалось право курить. Еще я чувствовала густой аромат специй — гвоздики, чеснока, корицы. Кто же он?

Казалось, что дворец пуст. Слуги не шмыгали по коридорам, домашние животные не разбегались

от звука шагов. Мы стояли под матовыми лампами — терпеливые профессионалы в темных плащах — и молча ждали. Мы были серьезны, как священники, пришедшие в семью умершего. Никто не произнес ни слова. Уолтерс поставил мне стул подальше от света, потом прислонился к колонне. Видимо, его не удивляло, что нас заставляют ждать. Прошел почти час. Потом стеклянная дверь из внутреннего дворика отворилась, и на пороге появилась тень. Я видела, что́ там, в дворике. Его покрывал подсвеченный снизу стеклянный купол. Прямоугольное пространство было заполнено тропическими и субтропическими растениями — гибискус, бугенвиллия, лилии, кактусы, пальмы: там в неразборчивых звуках тропической ночи и проточной воды царил свой микроклимат. Небольшое облачко влажного жара поплыло по залу из открытой двери.

— Идите сюда.

Мы прошли сквозь стену влажного воздуха во внутреннюю оранжерею. Я не видела лица клиента. Он был одет строго и курил сигару. Он пожал Уолтерсу руку, и я почувствовала, что от него холодным душем прошла волна минутного недовольства, когда он оглядел меня.

— Она одета как шлюха. Пошлите ее наверх.

Второй этаж, первая дверь налево. Пусть возьмет одежду жены. Потом приведете обратно.

У него был спокойный голос, но к нему примешивался странный отзвук, как будто он говорил не рядом с нами, а откуда-то издалека. Я снова попыталась взглянуть ему в лицо, но он все время оставался в тени. Потом я посмотрела на его руки. Он носил множество холодных золотых колец.

Шоу стоял рядом со мной. Он тихо дотронулся до моего локтя и отвел меня наверх, в темноту высоких покоев. Повсюду раздавалось журчание воды. Внутри было жарко, во всех каминах горел огонь, хотя ночь была теплой. Мы вошли в комнату с зелеными зеркалами. Это была женская комната, роскошная, как пещера Аладдина. У этой женщины были ожерелья из чистого золота, слитки чистого золота — золота, которое можно купить только в Индиях, которое добывают в джунглях. У нее были цепочки из черного жемчуга и огромные ониксовые броши в золотой оправе. Он одевал ее в черное с золотом. Но любила она зеленое. Вся ее домашняя одежда, футболки, джинсы, халат, купальник — я открывала ящик за ящиком — все зеленое, только зеленое. У нее было два совершенно разных гардероба — один роскошный и тяжелый, нижнее белье,

ночные рубашки, вечерние платья до пола, все черное, отороченное нитями чистого, настоящего золота. Ее другая одежда — я перебрала вешалки — была легкой, хлопковой или шелковой, все желтовато-зеленое, цвета бутылочного стекла, морской волны, хвои, аквамарина. А потом я нашла платье, в котором видела ее, — мягкая лужайка, скрывающая грудь, и тысячи крошечных зеленых цветочков из шелка. Я вытащила его из шкафа и повернулась к Шоу, который неподвижно стоял у окна и смотрел в освещенную тьму.

— Мне это пойдет? Как ты думаешь?

Он внимательно посмотрел на платье.

— Может, будет тесновато. Она легче тебя. Но такого же роста.

— Ты ее знаешь. Кто она? Кто?

Шоу прикрыл глаза.

— Надевай.

Я стащила свой кожаный наряд и натянула зеленый шелк. На ее формы платье лишь намекало. Мои были более откровенны, и оно их бесстыдно подчеркивало. Я села перед зеркалом и надела ее украшения, все ее зеленые камни — нефрит, жемчуга и лунный камень с зеленым проблеском.

Я взглянула в темно-зеленую глубину зеркала и снова увидела поверх своего лица, отмеченного

печатью разврата и двойственности, ту бледную хрупкую красавицу, в которой сразу распознала потустороннюю драгоценность. Она не была одной из нас, она пришла откуда-то издалека, из-за гор. Платье хранило ее запах. Ее лицо мерцало передо мной. Она была здесь, где-то в этой же комнате, и следила за тем, как я постепенно овладеваю тем, что когда-то было ею. Я быстро огляделась; продолговатые нефритовые капли нежным холодом дотронулись до моей шеи. Никого нет. Только Шоу. Он так и стоял у окна, но на руках его были черные перчатки, его тугие рабочие перчатки, его вторая холодная кожа. Голову он побрил.

Я почувствовала, как от ужаса мои бедра покрываются гусиной кожей.

— Шоу, — прошептала я, и он придвинулся ближе, спрятав руки за спиной. — Пусть он ко мне не прикасается. Умоляю тебя, пусть он ко мне не прикасается. Я не смогу. С этим клиентом — не смогу. Понимаешь?

По его лицу прошла судорога, как круги по стоячей воде. Я никогда, никогда не просила об этом. Шоу, напряженный и неподвижный, как притаившийся леопард, лишь опустил глаза.

— Иди вниз. Пора. — Больше он ничего не

сказал.

Я встала. Платье, длинное и свободное в бедрах, стекало с меня, шелестело ее присутствием и ароматом роз. Я чувствовала за своей спиной колыхание шелка. Спускаясь по лестнице, я казалась себе выше и грациознее. Мои шаги гулко отдавались в коридоре. Ее зеленые туфли были мне на размер малы, но я не обращала внимания на неудобство. Это ненадолго. Это ненадолго.

Нижние комнаты теперь словно бы потемнели; света было меньше. Уолтерса там уже не было, а Шоу, который начал было спускаться по лестнице, вдруг исчез. Я остановилась в коридоре, потом вышла в тропический сад. В нем были проложены дорожки из гравия, и все заполнял невидимый шум проточной воды. Я стала рассматривать орхидеи — паразитов, скрывающихся в подмышках тяжелых, роскошных деревьев. Все выглядело огромным и чудовищным. Влажный воздух лип к лицу.

Я услышала его шаги по дорожке, потом почувствовала его запах — табак и корица. Теперь я могла видеть его лицо.

Я ожидала увидеть волосы с проседью, глаза убийцы и тяжелые усы. Я помнила его холодные золотые кольца, помнила, как с непреклонной

властностью он сжал мою руку. Но он изменился. Глаза ввалились глубоко в постаревшие глазницы, волосы были густые, но совершенно белые, тяжелое лицо — белое, холодное, чисто выбритое. Он был похож на статую в посмертной маске. Его взгляд пробивался сквозь слои недвижности и холода. Он был такой же чудовищный, как его искусственные тропики.

Я никогда не боялась никого из наших клиентов. Обычно я видела их в самом уязвимом, недостойном, жалком состоянии. Но этот мужчина не был похож на человека. Я боялась его. Я попятилась и вскрикнула.

Его глаза покрылись белой дымкой.

Я реагировала точно так, как он хотел.

Потом он оказался сверху. Я почувствовала черное биение крыльев и услышала быстро приближающийся перестук лошадиных копыт. Кроме его мертвого белого лица я не видела ничего. Его руки сомкнулись на моем горле. Я услышала свой голос — очень далеко, окутанный эхом его рыка, обрывающийся в крик, в крик.

Внезапно его голова дернулась назад. Мир перестал кружиться. У чудовища поперек горла появилась алая черта. Покрывавшая меня тяжесть схлынула, и я оказалась в объятиях Уол-

терса. Я рыдала. Он перенес меня в зал и посадил на нижнюю ступеньку лестницы. Я вцепилась в мраморные перила. Уолтерс принес стакан чистой воды.

— На, выпей.

Я залпом выпила. Из тропического сада вышел Шоу. Он был спокоен, но все его лицо как будто стянулось к напряженному рту. Оружия у него не было. Черные перчатки он так и не снял.

— Ты с ума сошел — так рисковать, — спокойно сказал Уолтерс. — Ты выдвинулся слишком рано. Почему ты не подождал? Он мог убить нас всех.

Шоу посмотрел ему в глаза. Он стоял совершенно неподвижно, принимая упрек. Потом сказал:

— С его точки зрения, она была расходным материалом. Он собирался ее убить.

Уолтерс помолчал, потом кивнул. Он на мгновение положил руку мне на плечо. Я поняла, что это значит. Нас трое.

Уолтерс беззвучно закрыл дверь в сад. Обращался он только к Шоу.

— Где его жена?

— В машине.

Я подняла голову. Мы берем ее с собой. Уолтерс взглянул на свой наручный компьютер.

— Ждем еще четыре минуты. Потом идем. Ты

можешь идти?

Я едва держалась на ногах.

— А моя одежда?

— Все уже в машине, — сказал Уолтерс.

Я сняла зеленые туфли и оставила их у подножия лестницы. Уолтерс наклонился и вытер мое мокрое лицо носовым платком. Он обнял меня за талию, как инвалида, и вывел на ступени в прохладную ночь. Шоу закрывал за нами все двери.

На заднем сиденье, скорчившись, лежала женщина в ярко-зеленой одежде. Ее светлые волосы сияли в темноте.

— Накрой ее своей курткой. Волосы закрой, — приказал Уолтерс.

Я так и сделала. Ее явно чем-то накачали. Машина поехала по длинной аллее, мимо пропускного пункта. Солдаты не выказали никакого интереса. Мы беспрепятственно повернули на север и направились в дикую местность. Мы ехали не обратно, а в прежнем направлении, все дальше. Я сидела, одетая в жизнь другой женщины, в ее зеленые шелка и нефритовые сережки, а она без чувств лежала рядом со мной, закутанная в черную кожу. Мимо проносился ночной мир широких полей, аккуратные лесные опушки, тихие фермы и пасущиеся в темноте коровы; белые пят-

на на их шкурах выглядели в свете фар как куски несобранной головоломки. Шоу ехал быстро. Я отключила компьютерные замки и опустила окно. От дуновения теплого воздуха мне стало спокойнее. Я убрала куртку с лица женщины — светлого, нежного, невозможно красивого. Я зачарованно смотрела на ее безмятежные черты. Уолтерс повернулся на сиденье и взглянул на меня. Потом негромко распорядился:

— Минут через десять мы доедем до аэропорта. Наш самолет ждет. Мы с Шоу выйдем. Последнюю часть операции может выполнить только женщина. Мужчин в священные земли не допускают. Поэтому за все отвечаешь ты. Твой маршрут — в бортовом компьютере автомобиля. Следуй ему неукоснительно. Ты доставишь груз в указанное место и передашь матери. Место покажется тебе несколько странным, потому что там ничего нет, только поле, виноградники и кипарисовая роща. Если к этому моменту она будет в сознании, просто выпусти ее наружу. С ней ничего не случится. Мать ее найдет. Если она еще будет спать, оставь ее на земле в роще и уходи. Тебе хватит сил донести ее туда самостоятельно. Обратный маршрут появится у тебя в компьютере. У тебя чуть больше двух часов. Так что поезжай быстро. В город мы

не вернемся. Наши дела там закончены. Теперь у нас новые указания. Мы служим другому хозяину. Ни при каких обстоятельствах, что бы она ни говорила, ничего ей не объясняй. Ты не должна говорить ничего. Ничего. Это понятно?

Я сидела и слушала. Потом спросила:

— Можно я оставлю себе ее платье?

Уолтерс пожал плечами.

— Как хочешь.

Он помолчал.

— София. Выполни мои указания буквально. Не давай ей никакой информации. Никакой. Что бы она ни просила, что бы ты ни чувствовала — ничего не говори.

Я кивнула.

Он снова повернулся к дороге.

Я еду одна в бесшумной тьме, и тут ее рука хватает меня за шею, она приподнимается. Теплая, золотая.

— Ой… где я? Кто вы? Кто вы?

Мы встречаемся взглядом в зеркале. Я слежу за красными огоньками компьютера, которые мерцают передо мной на приборной панели. Я не отвечаю.

— Да я же вас знаю! — Она выпрямляется, садится. — Вы — хостесса из “Подземелья”. Женщина

с глазами голубой воды. Вы — одно из созданий моего мужа. Вы на него работаете. Где мой муж?

Я не отвечаю. Не реагирую. У меня приказ. Я ничего не говорю. Она хватает меня за руку. Я стряхиваю ее.

— Кто вы? Кто вы? Зачем вы это сделали? Почему на вас мое платье? Где вы его нашли? Почему меня похитили?

Я вообще ничего не говорю. Она хватается за внутреннюю ручку двери и начинает плакать. Пытается выбраться. Двери заблокированы компьютером. Машина трясется и подпрыгивает по грунтовке и выбирается на прямую белую дорогу.

Наконец я обращаюсь к ней.

— Это дом вашей матери?

Освещение меняется с черного на темно-синее. Я вижу, как заря серебрит оливковые деревья. Перед нами расстилается бесконечная мягкая зелень, покрытая свежей утренней росой. Слева — кипарисовая роща, свет все яснее подчеркивает их темные островерхие силуэты. За длинными склонами, покуда хватает глаз, растет зеленая лоза. Колокольчики коз звенят в переменчивых зеленых тенях.

— Здесь живет ваша мать?

Компьютер автомобиля сообщает, что мы приехали туда, где я должна ее оставить. И я действительно не вижу ничего, кроме лозы, олив и бледнеющего неба. Она смотрит на пейзаж и вдруг испускает вой — долгий, неземной крик скорби и тоски.

— Возьмите себя в руки. Мы в нужном месте?

Компьютер автомобиля сообщает мне, что мы в нужном месте. Вот маленькая кипарисовая роща. Я слышу плеск проточной воды и ритмичный шум водопада, срывающегося в заводь. Если истерика не прекратится, я ее ударю. Мои нервы на пределе. Я чувствую кровь ее мужа в своем дыхании, на своем лице.

— Вы же знаете, что да, — шепчет она, — но этого не может быть, не может быть, что я свободна. Я так часто мечтала, как переношусь сюда. Чудом. Но я вас не знаю. Я не знаю, как вас благодарить. Я вас еще увижу?

Я не отвечаю. Мне приказали ничего ей не говорить. У меня нет ответов на ее вопросы. Она гладит меня по руке с пугающей робостью. Ее красота захлестывает меня. Я вглядываюсь в несмелую красоту женщины, чью жизнь не могу вообразить, чье тело дрожит, хрупкое, как пружина. Я принадлежу неестественному миру бетона

и тьмы. Мы не сможем признать друг друга.

— Кто вы? — повторяет она. Кого ей благодарить за возвращенную жизнь? Я не могу представить.

Двери машины открываются с раздраженным щелчком.

— Вот, возьмите.

Я бросаю ей на колени каталог. Она будет листать его с ужасом. Она снова нас узнает. Мы там отображены — существа, вызванные из мрака, чтобы повиноваться ему. Там, среди глянцевых страниц повседневного разврата, прямо над распоряжениями мужчины, который для удовольствия снова и снова проживает сцену изнасилования собственной жены, — там рукой ее мужа нацарапано одно имя, наше настоящее имя.

СОФИЯ УОЛТЕРС ШОУ

3
Стрелковое оружие

Забавно, до чего трудно вспомнить хоть что-нибудь о большинстве мужчин, с которыми доводилось спать. Особенно если это была одна ночь. И ты прилично выпила. Или думала о чем-то другом. То есть, конечно, бывает, что они что-нибудь такое вытворят — вылижут тебя с ног до головы, или вымажут тебе соски шоколадом, или самое невероятное — будут с тобой разговаривать и внимательно слушать все, что ты скажешь. А так — не то что забываешь имена и как они выглядели, а словно их вообще не существовало. Ты сотворила их из воздуха, и они растаяли. Воображаемые любовники. Все равно большинство женщин только воображают хороший секс. Неудержимый, в самолете. Приходится. А то вообще нечего будет вспомнить. В школьные годы я мастурбировала, читая “Джен Эйр”, но мне понадобилось двадцать пять лет, чтобы понять, почему мистер Рочестер так сексуален. Ну, ясное дело, он годится ей в отцы, и если она не Красавица, то уж он, несомненно, — Чудовище.

Но дело не в том, что у него сапоги и кнут, хоть и это не лишнее. Главное — он разговаривает с ней. По-настоящему разговаривает. И слушает, что она говорит ему в ответ.

Когда-то я жила в Кельне, и у меня был парень по имени Ланге. Он был очень высокий. “Ланге” значит “высокий”. Ну вот он и соответствовал. Я очень ясно помню его машину. “Ситроен-диана”, светло-голубой, весь побитый и заплатанный, дребезжащий и звенящий пустыми бутылками. Ланге заезжал за мной в сумерках, и мы громыхали по мощеным улочкам так, что у нас зубы клацали. На самом деле я не помню, был ли он высоким. Мне кажется, что он был выше меня — из-за имени. В машине мы курили коноплю. Это я помню потому, что было очень трудно ее крошить на тонкую папиросную бумагу, когда машину постоянно подбрасывало. Ланге, видимо, говорил по-немецки, раз он был немец. Я знаю немецкий, так что я, должно быть, тоже говорила с ним по-немецки. Но этого я не помню. А ведь он мне, наверное, нравился, иначе я бы не помнила машину. Я и сейчас отчетливо вижу захватанную приборную панель и его большую руку на передаче. Светлые волоски на этой руке. Потом, если опустить взгляд, натыкаешься на массу каких-то

инструментов, кассет, салфеток, окурков, рваные дорожные карты, потрепанные книжки, билеты на метро и открытку из Мюнхена. На ней — отель “Vier Jahreszeiten”[7]: зеленые купола и своды, мягкие ковры и серебряные подносы. В таком отеле Густав фон Ашенбах[8] обедал, должно быть, со своими издателями. Но сам Ланге? Жил ли он в студенческом общежитии? Я думаю, он был студент, поскольку штудировал конспекты лекций, спал допоздна и работал в баре. Но не помню, чтобы он ходил на семинары. Кровать я тоже не помню. Не помню никакого секса. Не помню его лицо и голос. Он был блондин, светлее меня — я однажды расчесывалась его щеткой, которая застряла в бардачке среди разного мусора, и на ней остались его волосы. Длиннее и светлее моих.

Я как-то спросила маму об этих странных черных дырах в памяти, где пропадают тела и лица, и она сказала: не волнуйся, это было двадцать пять лет назад, и ты наверняка была под кайфом. Я ответила, что могу поспорить: она-то помнит мужчин, с которыми спала, на что мама сказа-

---

[7] Примечания: 7
Времена года (*нем.*).

[8] Примечания: 8
Персонаж романа Томаса Манна “Смерть в Венеции” (1912) и одноименного фильма Лукино Висконти (1971), композитор-авангардист.

ла: да, но это нетрудно, поскольку был только твой отец. Ну хорошо. Предположим, мне просто есть что забывать. Но это не объясняет фокус с исчезновением. Куда девается все эротическое? Ну, может быть, не все. Это было двадцать пять лет назад.

Я изучала кое-какие бумаги восемнадцатого века, хранившиеся в архивах Бамберга, в Западной Германии. Я была тогда совсем молодой, война во Вьетнаме еще не закончилась. Мне было очень интересно разбирать готический шрифт старинных документов. Мне нравилась моя работа. Но денег у меня было немного, так что жила я в молодежном общежитии. Там не было ни бара, ни комнаты отдыха, — только столовая, кухня и спальни с койками и колючими одеялами. Обычно к вечеру я так уставала, что мне оставалось только послушать немецкие марши по транзистору и отключиться. Но в последний вечер в Бамберге я решила куда-нибудь сходить. Так что я приняла душ и прошла полмили до такого бара, который выглядел относительно безопасным.

В Бамберге располагалась огромная американская воздушная база, у черты города, обнесенная забором из колючей проволоки. Там было полно солдат, имелась взлетно-посадочная полоса

для ядерных бомбардировщиков. Плакат на английском языке гласил: “Быстрое реагирование”. Однажды утром, поджидая автобус, я исправила букву “о” на “пацифик”. По-моему, граффити — хорошая вещь. Разновидность свободы слова. Берлинская Стена в те дни была еще на месте и не очень далеко. Русские считались врагами и могли напасть в любую минуту. И мы были готовы встретить их во всеоружии. Но американские солдаты, толкавшиеся в баре, совершенно не интересовались войной. Они интересовались бильярдом, английской рок-музыкой и немецким пивом. Всего этого в баре было предостаточно.

Ни одна женщина, дорожащая своей задницей, не зайдет в бар, набитый мужчинами, не оглядевшись как следует. Уровень шума превышал любые предписанные пороги децибелов, и я решила, что долго здесь не задержусь. Это решение дополнительно окрепло оттого, что я оказалась в баре единственной женщиной. Никто из мужчин не обратил на меня внимания. Я выглядела в точности, как они: в джинсах, футболке и военном жилете, только волосы у меня не были обриты и не топорщились ежиком. Я устроилась в темном углу рядом с единственным длинноволосым человеком в баре. На нем были джинсы, жилет

и круглые темные очки. Там, где у других красовалась сдвоенная нашивка с надписью “Армия США” и именем, у него было просто написано “КЕЛЛИ”. “Армия США” была содрана.

Из галдящей массы мужчин вынырнул бармен. Он был похож на Дракулу — весь в черно-белом, окруженный плотным облаком тестостерона.

— Принеси ей пива, — скомандовал Келли на киношном английском Хамфри Богарта, не глядя на меня.

— Большое спасибо, — сказала я чопорно.

Мама учила меня, что нужно вежливо поблагодарить мужчину, который заказал тебе выпивку, а потом как можно скорее уйти — понятно, не с ним.

Келли меня проигнорировал. Он уставился на одного из мужчин, игравших в пул. Или это был снукер? Снукер — это такая игра со множеством шаров в деревянном треугольнике, вроде Троицы с дополнительными божествами. Принесли пиво. Келли заплатил. Я ничего не сказала, только кивала и улыбалась, как пластмассовая собачка в автомобиле. Потом Келли выдал еще одну богартовскую реплику уголком рта.

— Видишь мужика в темных очках? Воображает себя крутым.

Человек, похожий на Питера Фонду, в маленьких темных очках, прицеливался так и эдак, чтобы попасть по шару, напоказ выгибая задницу над столом. Сигарета приклеилась к губе под выверенным углом, все движения были плавными и точными. Волосы у него на руках светились в дымном полумраке. Он был очень сексуален и сознавал это. Да, он выглядел круто.

— Вы сами в темных очках, — резко заметила я. Он крутанулся на стуле и впервые посмотрел на меня.

Большинство мужчин вообще не слушают, что говорят женщины, так что они бы не поняли моего тона. Женщина должна издавать нежный щебет, и если ты хорошо выучила свою девичью роль, то вскоре говорить будет он, и преимущественно — о себе. Келли сделал неуклюжую попытку произвести на меня впечатление за счет другого мужчины. Он заплатил за мое пиво и тут же стал мне диктовать свое мнение. Он действовал на автопилоте, я тут вообще была ни при чем. Я его не интересовала. Его интересовал красивый солдат, немного похожий на него самого. Он хотел быть этим человеком. Нужно очень сильно стремиться к претенциозности, чтобы носить темные очки в освещенном люд-

ном баре. Конечно, все так делают с тех пор, как “Беспечный ездок” промчался по экранам и Джек Николсон объяснил, что такое настоящая свобода. Но не каждому это по зубам. Келли сильно не дотягивал до того мужика, что играл в снукер. Он казался несвежим и изнуренным. Ему недоставало мускулов. Он был слишком худым. Слишком много курил. Выглядел сердитым и угрюмым. Но он старался быть крутым. Старался изо всех сил. Я дала ему понять, что его усилия не достигают цели. В те дни я не спешила уверять мужчин в том, что они неотразимы. Тем более за стакан пива. Я грубила.

Келли усек все это за один раз.

— Ты лесбиянка, что ли?

— Угу. — Я широко улыбнулась.

Келли отмерил скупую улыбку. Но это была улыбка. Один-ноль. Мяч переходит к Келли.

— Еще пива? — спросил он любезно.

— Никто из них не нюхал войны! — прокричал Келли. Мы были погружены в беседу, но кто-то увеличил громкость музыкального автомата. Никогда не понимала, как это делается.

— А ты, значит, там был? — проорала я в ответ.

— Четыре года во Вьетнаме.

— А сейчас ты не в армии?

Я постоянно участвовала в антивоенных демонстрациях, мне не раз случалось спасаться от конной полиции, водяных пушек и слезоточивого газа. И я была готова продолжать в том же духе, хотя к тому времени даже правительство США уже не верило в победу. Вьетнамизация войны означала, что пора выходить из игры. Я полагала, что те, кому не удалось уклониться от призыва, шли воевать не по своей воле: их заставляли, иногда — буквально под дулом пистолета.

— Война почти окончена, — сказала я, словно пытаясь его утешить. Келли сразу понял, что я имела в виду: он должен радоваться, что война проиграна и мальчики возвращаются домой. Его худое лицо побелело от ярости. Я смотрела на него в изумлении. Неужели кто-то мог вернуться из Вьетнама, сохранив веру в эту войну? Но оказалось, что Келли вовсе не верит в войну. Он ненавидел политиков и генералов, которые послали его на смерть. Он ненавидел свою семью, устроившую ему торжественные проводы. Он ненавидел отца, сказавшего: “я горжусь, что мой сын будет воевать с коммунистами во имя Бога и Америки”. Он ненавидел женщин, которые флиртовали с ним, любуясь военной формой. Он ненавидел сержанта, который из принципа

ненавидел всех “салаг”, называл их “дамочками”, вел себя как настоящий садист, и за это ему еще и платили. Но больше всех — больше, чем вьетнамцев — он ненавидел этих блядских уклонистов и пацифистов, которые его предали. А значит, ненавидел и меня.

Взгляд Келли пронизывал меня сквозь облако дыма и боли.

— Я был на базе Дананг. Я — авиатехник. Закладывал бомбы в самолеты. Такая была работа. Многих моих друзей убило. Некоторых прямо у меня на глазах. Узкоглазые выблядки бомбили базу каждый день. А мы сидели за проволокой, как куры в курятнике, — деваться-то некуда. Никогда не знаешь, когда они налетят. Сидишь и трясешься — днем, ночью. В джунглях ни хрена не видно — все слишком близко. А они все время рядом, следят за тобой. Один парнишка со мной работал, из Аллайанса, штат Огайо, — я видел, как его разорвало на куски. У меня все лицо было в его крови, во рту кровь… После этого меня на четыре месяца отправили домой. Но я ходил по городу, там, дома, как герой хренов, а на самом деле — как привидение. Я ничего им не говорил. Просто пил и кивал, что бы мне ни сказали. Толку-то. И прикинь — я не мог дождаться, когда меня

опять отправят на базу. Как будто только там жизнь. Я просто закладывал бомбы в самолеты и надеялся, что они сожгут побольше желторожих ублюдков. Четыре года только этим и занимался. Мне столько же лет, сколько тебе. Но пока ты в колледже учила свою хренову поэзию, я потел, чесался и трясся от страха… Еще бы я не боялся. Я мог сдохнуть в любую минуту.

Келли ненавидел все и ни во что уже не верил. Я мысленно пролистала свою хренову поэзию и нашла Келли у Шекспира, в пьесе “Мера за меру” — пьяного, в тюрьме, за гранью жизни и смерти. “Господин Бернардин! Вставайте и пожалуйте вешаться. — Не согласен я сегодня помирать, и дело с концом”[9]. Келли не годился ни для жизни, ни для смерти. Я взяла его за руку.

— Можешь взять мне еще одно пиво, — вот все, что он мне сказал.

Больше часа Келли говорил не останавливаясь. Я молчала. Я не издавала даже обычных женских ахов и охов, как это положено, когда слушаешь мужчину. Это не был хвастливый треп, когда парень живописует свои военные подвиги, чтобы увидеть в твоих глазах собственное отражение,

---

[9] Примечания: 9
Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

увеличенное вдвое. На меня несся поток абсолютного отчаяния. Иногда он терял нить, повторял целые пассажи, слово в слово, как под гипнозом. Или рассказывал одну и ту же историю, немного переиначивая ее от раза к разу. Все это было очень странно. Он был пьян, но не настолько. Он хватался за мою руку, точно утопающий. С тех пор мне лишь однажды встретилось нечто подобное — Шейн Макгоуэн с группой "Поугз": ругательства вместо знаков препинания, сплошной монотонный крик ярости и боли.

Внезапно он остановился. Все вокруг нас шумело и веселилось, солдаты пили, гремела паршивая рок-музыка. А передо мной были горящие джунгли, исчезающие в небе бомбардировщики, мертвые тела белых мужчин в пластиковых пакетах.

Я сглотнула, подавляя рвотный спазм. Этот странный, одержимый человек сидел передо мной с непроницаемым, зашоренным лицом. Он весь дрожал.

— Келли. Сними очки и посмотри на меня.

У него оказались странно светлые серые глаза, зрачки были огромные.

— Ты рассказывал это кому-нибудь еще?

Мой вопрос явно поставил его в тупик.

— Нет. Кому? Ты же англичанка, так? Ты не расскажешь этим мудакам американцам. Они все, кроме гребаных пацифистов, хотят слышать только про то, какие мы охренительные герои. Я говорил только с ребятами из нашей части, так они и сами все знают. Про все это блядство. О чем тут говорить?

— Возьми еще пива, — предложила я.

На ногах он стоял твердо, но руки у него были ледяные и дрожали. Мы сидели бок о бок, вглядываясь в белые шапки пены над стаканами.

— Тебе столько же лет, сколько мне. Ты уехал из Вьетнама год назад. Что ты делал с тех пор?

Теперь он заговорил немного иначе. Спокойнее, более связно, не захлебываясь воспоминаниями. Он поступил в колледж на Аляске, чтобы убраться подальше от своих и потому что там холод, пустота, покой. Народ там молчаливый и скупой. Леса, озера, простор. В ясные дни видно на много миль вокруг. Зимой он ходил на снегоступах. Почти ни с кем не разговаривал. Пил больше, чем следовало. Принимал наркотики, когда мог их достать. Слышал голоса людей, про которых точно знал, что они мертвы.

Он изучал математику и философию. Математика ему нравилась, а философия, кроме,

пожалуй, логики, — мура, и он ее бросит. На хера ему этот блядский Платон? А может, стоит вообще это все бросить. Он купил гигантский мотоцикл. Он там, стоит на улице. Сейчас Келли колесит по Европе, он никогда здесь не был. Но почему-то всегда оказывается вблизи американских военных баз, пьет, стреляет наркоту у солдат в барах, кривясь от их наивности и чистых, чистых рук. Ему некуда идти. Война для него никогда не закончится. Не может закончиться.

Кочки и ухабы моей жизни показались мне гладкой дорожкой по сравнению с ужасом его воспоминаний.

— Ну а ты, детка?

Какую версию своей жизни сложить для человека, чья душа изорвана в клочья?

Я описывала знакомые пейзажи, говорила о стране, где родилась, о доме среди холмов, который был моим первым домом, о школе, колледже, студенческих подработках, о моих грандиозных планах; излагала идеалистические взгляды на политику. Это была сжатая, простая повесть, хрупкая, как яичная скорлупа. Его пристальный светло-серый взгляд впитывал в себя все. Келли не отпускал моей руки. Он платил мне той же монетой: абсолютным вниманием; он так же, как

я, не судил и не сомневался. Я не сразу вошла во вкус. Поначалу то, что я рассказывала, казалось мелким, неважным: что я любила, что теряла. Только постепенно я осознала, что Келли слушает меня с ужасающей, трогательной сосредоточенностью ребенка, внимающего волшебной сказке про обычную жизнь, которую слышит впервые, в которую хочет поверить.

Он слушал, не перебивая, а когда я закончила, сказал:

— Слушай, детка, ты говоришь, тебе пытались навешать лапши про то, что женское счастье — кастрюли и пеленки. Ты не поверила. Ты не повелась на это. Отказалась кроить свою жизнь по чужой мерке. Феминистки ведь все хреновы лесбиянки, так? Ты ведь тоже, да? И меня они пичкали этим дерьмом. Про Бога, Америку и блядских коммунистов. Всей этой их отстойной херней.

Удивительно, но в тоне его звучало удовлетворение, как будто он только что сделал удивительное открытие. Он стиснул обе мои руки в искреннем порыве. Нас обоих обвели вокруг пальца, но мы-то видим их насквозь. В отблесках пива и правды мы глазели друг на друга, словно

Товия и ангел, изрекающий пророчества[10]. Мы уже не в состоянии были договаривать фразы. Перевалило за час ночи. Мы проговорили больше шести часов, не останавливаясь, не разнимая рук. Бар пустел, музыкальный ящик молчал. Солдаты расходились, слышались удаляющиеся раскаты мужского смеха. Бал закончился.

— Где ты ночуешь? — Я неловко встала, поежилась от холода.

— С тобой, — ответил Келли, доставая из-под сиденья потертую кожаную куртку и спальный мешок.

Я засмеялась.

— Я живу в общежитии неподалеку. Там девочки и мальчики раздельно, — доходчиво объяснила я.

— Я сплю с тобой, детка, — невозмутимо отозвался Келли.

Наш счет за пиво достиг фантастических высот. Бармен принял от Келли доллары.

Раз в жизни я позволила за себя заплатить.

И мы нетвердо двинулись по темной дороге, стараясь держаться обочины. По другую сторону

---

[10] Примечания: 10

Товия — персонаж апокрифической ветхозаветной “Книги Товита”; странствовал в сопровождении архангела Рафаила, которого поначалу принял за обычного человека.

тянулся проволочный забор военной базы. Окна общежития были темными, дверь оказалась запертой.

— У тебя есть ключ, детка?

— Нет. И прекрати называть меня деткой, хренов сексист.

Келли хихикал всю дорогу обратно к бару. Хозяин уже запирал двери. Келли вынул очередную пригоршню долларов. Тот отказался брать деньги, но сказал, что мы можем переночевать на полу в зале. Келли расстелил свой плащ и спальник на вонючем, липком полу с шиком, достойным сэра Уолтера Рэйли[11], мы легли рядом и добродушно переругивались, пока не заснули, словно пара набегавшихся котят, закинув друг на друга лапы.

На следующее утро хозяин разбудил нас в семь. Мои губы холодила кожа куртки Келли, от его волос пахло выдохшимся пивом.

— Фу, — сказала я, — какая гадость. Тебе срочно нужно в душ.

В утреннем свете он казался еще более худым и бледным.

---

[11] Примечания: 11

Сэр Уолтер Рэйли (1552–1618) — английский писатель, шпион и путешественник, фаворит королевы Елизаветы I. По легенде, однажды бросил в грязь свой роскошный плащ, чтобы королева могла пройти, не замочив ног.

— У тебя просто блядское похмелье, детка, — пробурчал он дружелюбно, закуривая первую утреннюю сигарету.

Я наконец увидела мотоцикл Келли, припаркованный у бара. Он был величиной с египетского сфинкса, с двумя огромными серебристыми выхлопными трубами и зеркалами заднего вида на стержнях. Выглядело это убийственно. Я всегда хотела мотоцикл, но мама не разрешала. Келли подметил мой завистливый взгляд и приобнял меня за плечи:

— Тебе нужен мотоцикл, детка, — сказал он. Все лесбиянки в гребаном Лос-Анджелесе гоняют на таких. И еще у них татуировки. Можешь одновременно завести то и другое.

Мы отправились обратно по теперь уже людной улице к моему общежитию — потрепанные, желтоглазые, дурно пахнущие. Дверь была открыта, в стеклянной будке сидела стервозная остроносая тетка, которая требовала, чтобы я приглушала музыку, даже когда я была у себя в комнате одна. Она уставилась на меня.

— *Sie müssen Ihr Zimmer sofort aufraümen, Fraulein. Aber sofort.*

— Что она сказала?

— Мне нужно забрать вещи и выметаться.

Келли высокомерно кивнул ей и двинулся за мной к лестнице. Тетка подскочила, выпрыгнула из своей стеклянной будки, будто в цирке, и обрушила на нас поток гневных немецких фраз. Она ни под каким видом не пустит Келли в здание.

— Тебя здесь не любят. Ты что, бывал здесь раньше?

— Скажи ей, я собираюсь нести твой гребаный чемодан, — огрызнулся Келли, сверкнув темными очками.

— *Er will meine Sachen tragen,* — не очень уверенно сказала я. И для пущей убедительности добавила: — *Er ist ein Gentleman.*

Келли злорадно ухмыльнулся. Тетка выпучила глаза. Мы побежали наверх и заперлись в душевой. Я мылась шампунем Келли, а он — моим мылом. Мы яростно смывали с себя похмелье, а потом мстительно вытерлись всеми общежитскими полотенцами сразу. Через час или около того мы, причесанные, вымытые, переодетые в чистое, стояли перед мотоциклом. У меня был только маленький рюкзак, который легко уместился в огромном багажном отсеке, а вот второго шлема не оказалось.

— Просто прижмись головой к моему плечу, детка, — предложил Келли. — Может, все обой-

дется. Куда хочешь поехать?

— В Нюрнберг.

Келли посмотрел на карту и запомнил дорогу с пугающей точностью.

— Нюрнберг. Это там закончилась последняя блядская война?

— Что-то вроде. Там судили военных преступников. А войны никогда не заканчиваются.

Он кивнул и опустил на лицо черное забрало. Вскарабкавшись на сиденье этого чудища, я оказалась немного выше Келли, и ветер ударил мне в лицо. Пришлось согнуться и крепко обнять его за талию, а мотоцикл с ревом уносил нас прочь.

Дороги между Бамбергом и Нюрнбергом очень красивы — леса, пшеничные поля, маленькие озера, сверкающие на солнце, опрятные деревеньки с геранью на окнах и цветастыми занавесками… Вся эта идиллия проносилась мимо, но глаза мои были зажмурены, а рот открыт в одном нескончаемом, диком вопле ужаса. Келли растерял весь отпущенный ему страх смерти во Вьетнаме, но сейчас он определенно намеревался лишить жизни нас обоих. Я кричала во весь голос, Келли ничего не слышал. Я вцепилась в него, будто маньяк-душитель. Бесполезно. Келли отклонялся на поворотах, и мы прорывались сквозь густой

солнечный свет, словно арестанты, вырвавшиеся на волю. Несколько раз он притормаживал на светофорах, но к тому времени я совсем ослабела от страха и беспрерывных молитв. Мне казалось, что я по-прежнему кричу, но на деле я лишь повторяла беззвучно: “стой, стой”. Келли потрепал мои побелевшие сжатые кулаки черной перчаткой и немного поерзал, стараясь высвободить ребра из моей хватки. Он был отгорожен от мира своим шлемом — тот был его маской, его вторым лицом.

Мы приехали в Нюрнберг к полудню. Мотоцикл, подпрыгивая на булыжниках, остановился у самой двери очередного студенческого общежития. Мои зубы тряслись и дребезжали. Келли зафиксировал мотоцикл на тонком серебристом упоре и ждал, пока я неловко сползала с чудовища. Он поднял черное забрало. Поразительно — под забралом оказались темные очки. Должно быть, весь яркий пейзаж виделся ему чередой застывших черных контуров.

— Что с тобой, детка? Ты чуть не переломала мне ребра.

— Мне было страшно, — слабо простонала я, оседая на край тротуара.

Он не на шутку встревожился:

— Страшно? Нужно было сказать, я бы ехал помедленней.

Вряд ли я могла что-нибудь ему сообщить, сидя на мотоцикле за его спиной, — разве что прокусить черное кожаное плечо, и не факт, что он бы это почувствовал. Оставалось только одно: сломать ему ребра.

— Да ладно. Остались целы, и хорошо.

Он посмотрел на меня. Я на него. Он снял темные очки, мы смотрели друг другу в глаза. Мы оба знали, что попрощаемся сейчас и никогда больше не встретимся. Как быть в такие моменты, когда сценарий подводит? Ведь у мужчин и женщин всегда есть сценарий. Ждешь нужного момента и с выражением произносишь свою реплику. А слова можно выучить и по фильмам. Есть сценарий для каждой ситуации. Даже для этой нашей минуты. Но одна важная деталь не сходилась. Если бы все пошло так, как задумал режиссер, мы бы провели незабываемую ночь любви, и расстались бы навеки, унося с собой нежные воспоминания и сожаления. Последний долгий поцелуй. Музыка. Крупный план. Конец фильма. Титры. Но мы с Келли стояли друг против друга с сухими глазами и знали, что уже сказали свои слова — без сценария, только то, что хотели

сказать, и услышали друг друга. Мы не пришли ни к пониманию, ни к согласию; неоконченный диалог все еще висел в воздухе, но наше внимание друг к другу, окрашенное скорее алкоголем, чем вожделением, несло в себе всю тревожную атмосферу встречи на одну ночь — с такой особой, ровной интенсивностью, что присуща семейным отношениям. Когда связь между вами ясна как день — проступает на стенах, на ваших лицах, на руках, сжимающих стаканы.

Мы стояли, глядя друг на друга, пытаясь вобрать в себя каждую деталь уже ускользающего лица. Он склонился и осторожно поцеловал меня в щеку. От него пахло мылом — моим мылом, — моторным маслом, бензином и старой кожей.

— Пока, детка. Попадай в цель с первого гребаного выстрела. Хорошей тебе жизни.

Тогда было принято говорить подобные вещи. Это был наш сценарий.

— До свидания, Келли. Спасибо, что подвез.

Он опустил забрало, и лицо его исчезло. Он вскочил в седло мотоцикла, который громко урчал все это время, и прогрохотал по мощеной улочке в клубах черного дыма, под неодобрительными немецкими взглядами. На углу он помедлил, чуть притормозил ногой на обочине, потом повернул

налево и влился в неторопливый поток машин.

— Возвращайся на Аляску и получи свою гребаную степень! — проорала я вслед его черному кожаному силуэту, навсегда исчезающему вдали. Я уверена, что он так меня и не услышал.

Больше я его никогда не видела. С того самого утра и по сей день. Мы ровесники. Где он теперь? Растолстел, состарился, живет в многоэтажном доме с общим двором, и у него сварливая жена и двое детишек? Или стал прорабом в большой фирме и помыкает сотрудниками? Поехал ли обратно на Аляску, чтобы поселиться в глуши снежных пустынь и лесов и больше никогда не бывать в душном, ярком климате? Или все-таки вернулся в американскую армию — свою единственную семью? Взяли бы они его обратно? Какое прибежище остается человеку, у которого украли жизнь? Я думаю о нем каждый день. Странно, правда? Он даже не спросил, как меня зовут.

Хороша ли была моя жизнь? Не скажу. Но в одном я полностью уверена. Я никогда не попадала в цель с первого гребаного выстрела. И со второго. А кто-нибудь попадает? Может быть, штука в том, чтобы знать, какого хрена тебе надо, и не выпускать из рук сюжет своей жизни. Если воспользоваться формулировками Келли.

Я работала, тратила деньги, пила больше, чем следовало, и принимала наркотики, когда могла их достать. Я все время слышала голос Келли.

Ну и что изменилось за эти двадцать пять лет? Например — массовая безработица. Прошли те времена, когда я работала на денежных должностях, пока они меня устраивали, подавала заявление, когда захочу, транжирила бóльшую часть выходного пособия в клубах за один уикэнд, спала до вечера в понедельник и находила новую работу во вторник утром. Раньше я так жила. Невероятно, да? Теперь я не поднимаю головы и не раскрываю рта. Мы ворчим в офисных туалетах, но на совещаниях никто не рискнет подставить жопу под удар. Рабочее время для нас, бедолаг, с тех пор удвоилось, а если ты потерял работу — можешь смело переключаться на преступления и наркотики, потому что ты все равно раньше помрешь, чем найдешь новую. Я стала хитрой и циничной под стать эпохе. Но я по-прежнему слышала голос Келли. А также собственный напыщенный бред, который радостно изливала на любого, кто был готов меня выслушать. И даже на тех, кто пытался меня избежать.

В те времена в нас была сильна проповедническая жилка. Мы все время пытались кого-нибудь

обратить в свою веру. Одна из моих подружек сказала, что всегда была уверена: если разговорить человека и заставить его раскрыться по-настоящему, в глубине души он непременно окажется тайным революционером-демократом, который мечтает уничтожить бедность, голод, несправедливость и эксплуатацию. Протри глаза, сестрица. Нам бы теперь только денег побольше. И я не исключение. Я даже смотрю телепередачи про альтернативные капиталовложения. У девушки должно быть кое-что припасено к моменту истечения срока годности. Кроме того, мы все стали больше сутяжничать. Эта эпидемия приползла к нам из США. Некоторые из нас собирают информацию о том, как засудить босса, если он слишком тебя загружает, не заботясь о твоем здоровье. Мы все — пламенные приверженцы викторианских ценностей, дарвиновской борьбы за выживание и товарно-денежных отношений.

Теперь даже война — область высоких технологий: найти цель на компьютерном мониторе, нажать на кнопку и разбомбить всех к чертям. Мы по-прежнему безнаказанно убиваем людей, особенно гражданское население. Вон они — пали под ударами мачете, пулеметным огнем и точечными бомбардировками. Даже варварство

стало модным — иссохшие головы на колах, извращенные ритуалы, дети подземелья, которых морят голодом интернетовские педофилы. Настоящее “Сердце тьмы” на новом *fin de siècle*[12]. Ну да, двадцать пять лет назад мир был точно таким же уродским. Но нам казалось, что мы можем с этим что-то сделать. Мы думали — мы что-нибудь изменим. Иногда, по ночам, когда весь этот чертов цирк кажется мне особенно чуждым, я представляю себе, что навстречу мне идет мужчина, и в руках у него — черный пластиковый пакет и грабли.

В конце концов, много-много лет спустя, когда любой нормальный человек давно забыл бы ту ночь с Келли, я решила, что мне нужен очень роскошный отпуск: билеты, гостиница, рестораны и все такое, — и чтобы заплатил за это кто-нибудь другой. Поэтому я села на диету, накупила элегантных шмоток, занялась своей внешностью и подцепила придурка по имени Чарльз, который любил поговорить и нуждался в женщине, благоговейно впитывающей каждое его слово.

Чарльз был неплох в постели, но невыносимо зануден, когда открывал рот. Вообще-то мно-

---

[12] Примечания: 12
Рубеже веков (*фр.*).

гие мужчины таковы. Моя тетка рассказывала про одного своего итальянского любовника, который был граф, но страшный негодяй и вообще фашист. “Как ты могла с ним связаться?” — недоуменно спросила я. “Он был потрясающий любовник, — ответила она. — Секс легко затмевает все остальное. Но боже праведный, какой же он был скучный. Ты знаешь, что фашизм — это очень скучно? Даже когда он разговаривал в постели, всякие нежности и скабрезности — это было скучно”. — “Но ведь и мужчины говорят о женщинах то же самое”. “Ну, — сказала тетка, — они просто смотрятся в зеркало и ничего не видят, кроме самих себя”.

Ну вот: пару месяцев я время от времени спала с Чарльзом и благоговейно слушала все, что он скажет. Потом он предложил поехать в очень роскошный отпуск.

У меня поначалу сложилось впечатление, что он университетский профессор, а потом, как ни странно — что он продает системы международной телефонной связи. Понимаете, меня нельзя заподозрить в том, что я не впитываю каждое слово, да и усваиваю я вполне достаточно для редких связных замечаний, но я никогда не уделяю процессу стопроцентного внимания. Разве оно

того стоит? Я поняла, что Чарльз любит говорить гадости про других мужчин и потом самоутверждаться за их счет. Но сначала эти люди казались коллегами по университету — на его кафедре и не только, а потом — мужчинами из других фирм. Пришло время задать наводящий вопрос.

— Это было в университете? — прервала я бурный поток его речи.

— Нет-нет. Гораздо позже. В бизнесе мои дела пошли лучше. Какая выгода в том, чтобы работать на факультете связи. В университете я зарабатывал 53 тысячи фунтов в год. Никто не может прожить на такие деньги.

Конечно, никто. Тайна раскрыта.

Чарльз никогда не задавал вопросов о моем прошлом. Только спросил, есть ли у меня какие-нибудь вложения, и когда я рассказала ему, какие и где, он позвонил своему брокеру и придумал для меня гораздо более выгодную схему, что было весьма любезно и совершенно в его духе. Он считал, что я довольно забавна в постели и спрашивал меня, где я этому выучилась. Я сказала ему, что в тайный мир Сюзи Вонг[13] меня ввела сама Сюзи. А потом стала углублять тему

[13] Примечания: 13

Героиня фильма “Мир Сюзи Вонг” (1960), восточная проститутка, обретающая счастье в любви и покровительстве белого человека.

лесбийских постельных ухищрений, что возбудило его до крайности. Удивительно, правда? Приходится объяснять им, чем мы занимаемся. Это свидетельствует не только о плачевном недостатке воображения, но и о фантастическом невежестве в области женской анатомии. Я пересказывала ему постельные сцены из “Фанни Хилл”[14], потому что нисколько не сомневалась: он этого никогда не прочитает. Книги очень выручают в критических ситуациях. В сущности, я убеждена, что могла бы продекламировать почти все описания гетеросексуального секса из Д.Г. Лоуренса, и Чарльз никогда бы не опознал его как гетеросексуальный — да, собственно, и как секс. В университете он изучал бизнес — что, насколько я понимаю, представляло собой мешанину из бухгалтерского учета и права, — и не читал ничего, кроме “Файнэншл Таймс” и “Уолл-Стрит Джорнал” в Интернете, старые номера — на микрофильмах. Для удовольствия он читал биографии театральных и киношных деятелей и находился под впечатлением, что каждый свободный художник — педераст.

Я знаю, что вы подумали. Как она могла так

[14] Примечания: 14

Роман английского писателя Джона Клиланда (1749). Считается первым эротическим романом в новоевропейской литературе.

бесстыдно выдавать женские секреты? И как могла спать с мужчиной, которого презирает? Да вот так, дорогие мои, легко. Почти все женщины спят с мужчинами, которых презирают. Почти все женщины признаются вам, что любят мужчин, которых презирают. Напоите любую замужнюю женщину и спросите ее. У нас не так много романтических иллюзий. Особенно если нет собственного дохода. Мистер Рочестер был совершенно прав. Когда Джен Эйр ударяется в очередной вдохновенный порыв и начинает гнать про то, что рожденная свободной не может терпеть унижение, он справедливо отмечает, что рожденная в принципе свободной вытерпит абсолютно что угодно ради заработка. Я не раз и не два занималась на работе чем-нибудь совершенно неудобоваримым, и могу подтвердить, что он был прав. Так что после всего этого распалить Чарльза перед его очередным превосходным показательным выступлением было не ужаснее, чем поучаствовать в “Синем Питере”[15] ради детишек. Да и вообще, я, в сущности, Чарльза не презирала. Он мне скорее нравился. У него был

[15] Примечания: 15

Детская телепередача на канале “Би-би-си” (с 1958 г.). Организует телемарафоны с участием знаменитостей для финансирования благотворительных акций в пользу детей.

ряд достоинств, которые я со временем перечислю. Я просто очень реалистично оценивала его способности к пониманию. А лесбийский секс — это никакой не женский секрет. Взгляните на обложку любого эротического журнала на верхней полке ближайшего книжного магазина. Там все изображено с физиологическими подробностями. Они знают, что мы делаем, знают, как мы выглядим без косметики. Но они не знают и никогда не узнают, что мы при этом думаем.

Специально для нашего отпуска Чарльз купил новый "БМВ" с навороченным музыкальным центром и новейшим телефонным оборудованием. Я позвонила матери из машины непосредственно перед тем, как заехать в тоннель через Ла-Манш. Мама это оценила.

— Мне нравятся эти телефонные штучки, — благородно сказала она, — но я очень хочу, чтобы ты уже бросила этого придурка.

А вот Чарльза мама не ценила.

— Он сидит рядом, — сказала я, — и прекрасно выглядит. Тебе большой привет.

Чарльз кивнул. Он был очень доволен собой и весь, до нижнего белья, одет в роскошную одежду от Ральфа Лорана и Калвина Кляйна. Он был похож на статиста со съемочной площадки круп-

но бюджетного порнографического фильма. Я всегда жалела, что он не гомосексуалист: другой мужчина оценил бы элегантность его гардероба гораздо полнее, чем я.

Стало быть, отпуск. Туризм — это одно из самых безответственных занятий на свете. Я выписываю франкофильский журнал под названием “Франция”. Это невероятно. Вся страна состоит из живописных местечек и гурманской кухни. Она лежит перед вами, как свежевыловленная устрица, только и ждет, что вы выцарапаете мясо и сжуете его. Не стоит думать о бедности, безработице и бездомности. Вставайте в ряды богатого среднего класса. Выберите маршрут по журналу и поезжайте по залитым солнцем дорогам в тени тополей, где порой вам попадется пейзанин, занятый старыми как мир сельскими трудами, неиспорченный субсидиями Евросоюза. На любом *auberge* — постоялом дворе — улыбчивые, краснолицые хозяева предложат вам роскошные обеды из пяти блюд или больше по выгодной цене, *vin compris*[16]. Попробуйте местный аперитив — кальвадос в Нормандии, пино в Шаранте, пасти на юге; загрузите багажник вином. Вы не

[16] Примечания: 16
Вино включено (*фр.*).

платите налог на качество — вы уже заплатили НДС. Французам велено любить туристов и приветствовать вас со зловещим дружелюбием. Проезжайте на юг через Дордонь, где в основательных каменных амбарах продают кагор, потом дорога РН20 потянется вдоль края Центрального массива — прекрасные виды слева и справа; потом — по небольшим холмам, которые заботливо перенесут вас на раскаленный добела солнечный юг. Приехали. *Enfin, en vacances*[17].

Чарльз поехал в отпуск заниматься сексом, а в перерывах — разговаривать и есть. Секс я ценила. Он был один из тех мужчин, которые расписывают начальные манипуляции так, будто диктуют инструкции секретарше. Немного подними другую ногу. Повернись на живот. Теперь аккуратно. М-м, хорошо, правда? Я знаю, что это звучит нелепо, но на самом деле действие разворачивается довольно неожиданно. Твое тело каждый раз открывают заново, и его движение к оргазму объявляют, как прибытие поезда. Вот тут у нас соски — смотрите-ка, господа, твердые — а здесь животик, приятный такой плоский животик, с маленьким колодцем посредине, тонкая, нежная

---

[17] Примечания: 17
Наконец-то отпуск (*фр.*).

полоска светлых волос спускается к — ну, более темной, жесткой рощице аккуратной формы. Ты никогда не хотела как-нибудь фигурно подстричь лобковую поросль? Может быть, изобразить там свои инициалы? А еще лучше — мои. А вот глубокое романтическое ущелье, из которого выглядывает клитор, пунцовый от удовольствия.

В музее Орсэ Чарльзу особенно понравилась картина с крупным планом волосатой промежности, которую Курбе написал для частного коллекционера, дав ей невыразимо лицемерное название *“L’Origine du Monde”*[18]. Недавно я сходила посмотреть на нее с одной своей девочкой. Она со страшной силой притягивает психов по причинам, неясным для нас обеих.

— Ему вот *это* понравилось? — изумленно спросила она.

— Ага, — ответила я с ухмылкой. — Он считал, что это гениально.

— Он получил по заслугам, — мрачно сказала она.

К нам подгреб неизбежный американский псих.

— По-моему, очень красиво. В прошлом году я

---

[18] Примечания: 18
“Происхождение мира” (*фр.*).

послал такую открытку на Рождество всем своим друзьям.

— По-моему, это порнография, — пискнули мы хором, и скрылись, пока американец не успел включить нас в свой рождественский список рассылки.

Но надо отдать Чарльзу должное: клитор его интересовал не только в живописи. Оригинал он тоже любил. Большинство мужчин на самом деле не любят женские тела — желеобразные, сочащиеся слизью. А Чарльз любил. Он был ярым приверженцем безотрывной техники и горько разочаровывался, если ему не хватало дыхания и приходилось выныривать для вдоха с мокрым от сока лицом. Я была готова наслаждаться хорошим отдыхом и отличным сексом. Женщины всегда торговали телом ради еды и жилья. Мне этот товарообмен очень нравился. Кто посмеет, пусть бросит в меня камень.

Добравшись до гостиницы, мы производили одни и те же действия в одной и той же последовательности. Душ, секс, душ, одевание, ужин. День за днем, день за днем. В тот вечер, когда все это случилось, Чарльз во второй заход в душ помылся первым и сидел на подоконнике на фоне герани в безупречной белой шелковой ру-

башке, листая путеводитель в поиске окрестных ресторанов. Я вышла из выложенной розовым мрамором ванной, мокрая, сияющая.

— Как тебе вот это? “L’Auberge de la Croisade. *Sous une terrase ombragée, au Bord du Canal du Midi, l’Equipe de l’Auberge de la Croisade vous proposera ses menus avec leurs spécialités regionales et gastronomiques”*[19].

Чарльз прекрасно говорит по-французски, гораздо лучше, чем я. В этом часть его обаяния.

— Звучит мило. Пойдем туда? У них две звезды.

Выбирай, подумала я, выбирай. Все равно сам решишь.

Вы же знаете, как можно отвлечься, когда мужчины говорят о себе? Не то чтобы твое присутствие ничего не значило. Наоборот, для их речи ты крайне важна. Ты — как бы яркая трясина, которая впитывает все их мелкие победы, излучая восхищение и одобрение. Мой опыт привел меня к выводу, что им наплевать, если ты думаешь о своем, пока они тебя трахают, но если ты не слушаешь — тут они моментально звереют.

---

[19] Примечания: 19

Ресторан “Крестовый поход”. На тенистой террасе возле канала Миди сотрудники нашего ресторана предложат вам местные фирменные блюда и деликатесы (*фр.*).

И вот, значит, сидим мы за угловым столиком в *“Auberge de la Croisade”,* доедаем закуску из даров моря, и мои мысли далеко, но я усилием воли удерживаю правильное выражение лица. Не следует есть слишком быстро. Тогда будет очевидно, что ты ничего не сказала, но умудрилась доесть все устрицы.

Было сильно позже девяти, и роскошный летний свет успел смениться с белого на бледно-желтый, а теперь начинал дышать нежным, мирным розовым оттенком. Деревья дрожали под первым за день легким дуновением. Скатерти слегка шелестели на теплом ветру. Накрахмаленные салфетки на немногочисленных свободных местах возвышались в стаканах, как митры епископов. Отовсюду доносился приглушенный шелест разговоров.

Чудовищная французская семья в противоположном от нас углу зала все менее успешно выполняла функции машины для поглощения пищи. Двое младших детей бродили между столами и стреляли друг в друга из разнообразного пластмассового оружия. Самый младший наступил на собачку, частично погребенную в сумочке ее хозяйки. Собачка тявкнула и укусила мальчика за лодыжку. Хозяйка огрызнулась на мать

бродячих пластмассовых террористов, та велела ей получше следить за своей собакой. От этой вопиющей несправедливости мне стало смешно, но Чарльз сидел спиной к ресторанному залу и продолжал бубнить, не замечая происшествия.

— Конечно, продолжать флотацию не имело никакого смысла. Поэтому мы ушли с рынка. Просто отозвали акции, выждав три дня. Я взял на себя всю ответственность за это решение.

Теперь один из будущих террористов надел маленький военный жилет с кармашками для боеприпасов и складных ножей. Жилет был велик и цеплялся за стулья. Оба ребенка затараторили “та-та-та-та-та”, путаясь под ногами у персонала. Официант, отбросив профессиональную невозмутимость, смотрел на разбушевавшихся детей с откровенной яростью.

— Одно из важнейших составляющих менеджмента — знать, когда делегировать полномочия, а когда полностью взять на себя ответственность за будущее компании. В конечном счете, все равно все в моих руках. Теперь у нас почти триста сотрудников.

Navarin d’agneau[20]. Какой соус! *Pommes de terres*

---

[20] Примечания: 20
Рагу из баранины (*фр.*).

dauphine[21]. Свежая зеленая фасоль, очень нежная, вся одинаковой длины. А вино производит наш мэр, чьи угодья видны отсюда — нет, слева, вот то большое поместье с пиниями вокруг въезда, на воротах написано *“A.O.C. St Chinian”*[22]. Еще красного, лапочка? Очень вкусное. Улыбайся. Не жадничай. Завтра будет не хуже. Почему ты всегда ешь так, будто тебя морили голодом?

Но все отчетливей становился другой голос — слабое эхо, затерявшееся в давних годах, в далеком прошлом, только теперь оно звучало громче и яснее, чем когда бы то ни было, и этот голос говорил мне, что такое — жизнь без смысла, без упорядоченности, среди мужчин, у которых нет будущего, чья жизнь в руках других мужчин.

— …у компании есть другие возможности для развития. Не следует рассматривать такой шаг как поражение.

Каково это — знать, что твоя жизнь не имеет никакой ценности? Что мужчины, которые над тобой властны, считают, что жизнь — дешевый расходный материал.

Та-та-та-та-та.

---

[21] Примечания: 21
Картофельное пюре, поджаренное во фритюре (*фр.*).

[22] Примечания: 22
Марочное вино “Сен-Шиньян” (*фр.*).

— *Tu es mon. J'ai tire*[23].

Дети опрокинули стул. Все стаканы на соседнем столе тревожно задребезжали. Мать встала и принялась орать. В ресторанных разговорах возникла одновременная зловещая пауза. Террористы были изгнаны на террасу, где сначала расстреляли испуганного рыжего котенка, а затем начали методично уничтожать ряды ярко-красной герани.

Говно, детка, блядское говно.

Келли.

— …идет война. Телефонная война. И в ней будут жертвы.

Поля были покрыты зловещим розовым сиянием, поднимавшимся из земли. Я смотрела, как темнеют воды канала. Далеко, за изгибом стоячей воды, были видны огни баржи, пришвартованной на ночную стоянку. Мимо со звоном и смехом проехали два велосипедиста в сопровождении одышливого лабрадора, исчезли за камышами, удаляясь вдоль канала в теплый ореол розового света.

Где ты, Келли? Где ты теперь?

— …и это моя задача — сделать так, чтобы мы

---

[23] Примечания: 23
Ты убит. Я выстрелил (*фр.*).

оказались в числе победителей.

Блядские бессовестные сволочи.

— Что ты сказала, лапочка? Бессовестные? Ну, это легкое преувеличение. Но бескомпромиссным и жестким быть приходится, да. Конкуренция очень серьезная. Мы не единственные на рынке, да и не первые. Наша продукция должна быть лучше того, что предлагают конкуренты. Но у нас гораздо больше возможностей в странах третьего мира…

Та-та-та-та-та.

Герань потерпела сокрушительное поражение. Террористы осваивали ножки столов, совершая между ними короткие перебежки.

Свет снова менялся — с перламутрово-розового, нежного, как внутренность ракушки, на глубокую, густеющую синеву. Я видела, как по пешеходной дорожке на другой стороне канала к нам приближается фара одинокого велосипедиста.

Французская семья заказала сыр и мороженое. Дети выложили стрелковое оружие на стол и с возбужденными криками вырывали друг у друга меню. *Moi, je…* Я, мне, мое, еще.

— Ты что хочешь, лапочка? Тирамису? Или *tarte*

aux apricots maison[24]?

Чарльз изучал меню.

Выбирай, подумала я, выбирай. Все равно сам решишь.

Я с большей радостью напивалась до синевы в бамбергском баре с человеком, которого никогда с тех пор не видела. В те времена у меня не было денег, я носила джинсы в обтяжку, белую футболку и военную куртку с оборванными нашивками. В те времена я в одиночку моталась автостопом по Европе и материла богатых блядских сволочей вроде тебя, когда они проезжали мимо, не предлагая меня подвезти. Теперь ответь мне — я похожа на насильника, убийцу и террориста? Та-та-та-та-та. Когда-то мы направляли стволы воображаемых автоматов на твои шины.

Je veux pistache, vanille[25].

Зеленое. Белое. *Je veux.*

— Может быть, все-таки абрикосовый десерт? Тирамису очень калорийное, да? А ты следишь за фигурой. Я бы предпочел, чтобы ты сейчас не поправлялась.

Я с радостной улыбкой соглашаюсь.

---

[24] Примечания: 24
Фирменный абрикосовый пирог (*фр.*).

[25] Примечания: 25
Я хочу фисташковое, ванильное (*фр.*).

Велосипедист остановился на берегу напротив ресторана. Он стоит ко мне спиной. Это молодой человек с длинными волосами, в зеленой куртке. Он достает большую корзину, которая покоилась на багажнике его велосипеда. Это рыбак, он готовится к мирному ночному бдению. Не поздновато ли? Есть ли в канале рыба? Французы что — рыбачат по ночам?

Французские дети колотят ложками по столу в пароксизме бурной, бесстыдной радости. Дама с собачкой попросила счет. Хватит с нее этого бедлама. Негодование сквозит в каждой складке ее элегантного костюма. Собака чинно выползает из ее сумочки и кладет лапы на бедро хозяйки. Хозяйка убирает в карман серебряный квадратик шоколада, который подали к кофе. На потом.

— А я возьму шоколадное пирожное, — говорит Чарльз, весьма довольный собой. Он вытирает салфеткой свои красивые губы. — В Сохо теперь даже в хороших заведениях подают бумажные салфетки, — добавляет он с сожалением. — Одна из прелестей путешествия по Франции — здесь салфетки полотняные. Даже в сельских ресторанчиках вроде этого. За такие-то деньги. — Он просматривает меню. — Хочешь еще вина, лапоч-

ка? — Он размышляет, не взять ли *petit alcool*[26].

Я улыбаюсь еще радостнее и ставлю бокал рядом с бутылкой. За соседним столом грянула революция: одному ребенку достается два шарика мороженого, другому — три. Официант начинает мирные переговоры, сопровождаемые визгом и криком. Дети заявляют протест, встав на стулья.

При этом я краем глаза вижу белое лицо молодого рыбака, который наблюдает за нами с той стороны канала. Ресторан все еще полон. В гуле окружающих меня голосов его белое лицо — неподвижная точка тишины и сосредоточенности. Потом он наклоняется и начинает собирать свои снасти, разложенные на траве.

Приносят наши десерты. Мой пирог оказывается рассыпчатым и очень вкусным. Чарльз сделал послабление моей фигуре. Мне позволена небольшая креманка с горкой взбитых сливок. Его шоколадное пирожное плавает в настоящем сливочном креме. Вот оно, прекрасное мгновенье. Мы — богатые, счастливые люди, уже съевшие больше, чем надо. Ужасные дети потребовали справедливости, и справедливость восторжествовала. По три шарика мороженого всем за

---

[26] Примечания: 26
Рюмочку водки (или коньяку) (*фр.*).

революционным столом, и мятежи прекращаются. Наступает относительное спокойствие. Все их вооружения выложены на скатерть. В гуле довольных голосов и чавканья мы слышим, как Дама с собачкой оспаривает счет.

Я вглядываюсь в смутный синий мрак. Рыбак все еще там. Он установил массивный треугольный штатив со странной металлической коробкой на конце. Прикручивает к ней длинный металлический цилиндр. Конструкция толстовата для удочки. Может, он ставит ее на ночь и возвращается поутру.

— Что ты сказал, Чарльз?

О боже. Меня застукали. Я прослушала.

Но Чарльз настроен благодушно. Он начинает описывать французских конкурентов своей фирмы и совещания, на которых они проявляют свой взрывной галльский темперамент. Как будто в доказательство его слов дети снова поднимают вой. Они доели мороженое и теперь хотят идти домой. У этой семьи удивительное свойство — они абсолютно не обращают внимания на то, что в ресторане еще кто-то есть. Пользуются своим правом мучить, мешать и уничтожать без малейшей задней мысли только потому, что по сравнению со всеми остальными группка-

ми в ресторане их много, а нас мало. Я слышу собственный голос, как будто сквозь толщу лет протекает кран, — и голос этот вещает на полной пропагандистской мощности.

— А гетеросексуальные семьи — главная шестеренка в механизме, машина по воспроизводству рабочей силы и потребителей. Именно в семье женщины и мужчины впервые разучивают свои роли — как быть крепостными и жертвами, и как быть хозяевами.

Келли ухмыляется широкой белозубой улыбкой во все свое молодое лицо, в котором слишком много знания для такой молодости.

— Знаешь, детка, иногда мне кажется, что я понимаю психов, которые просто забираются на крышу высокого дома и оттуда выпускают очередь по всем, кого видят.

В синем сумраке я слышу отдаленный решительный щелчок на той стороне канала. Рыбак удобно устроился за пулеметом.

Он открывает огонь.

Первыми погибают элегантная дама со своей собачкой. Она наконец оплатила счет и стоит у выхода с песиком под мышкой. Очередь рассекает раздвижные двери на террасу и проходит через даму. Подобострастный метрдотель, стажи-

ровавшийся в Лондоне миляга, которому так понравилось в Уондсворте[27], кружится под градом тяжелых пуль, как будто танцует. Стекла рассыпаются паутинками трещин. Осколки хрусталя падают в мой абрикосовый пирог. Поднимается крик — некоторые посетители необъяснимо бросаются к раскрытым дверям, прямо на линию огня. Дети кричат. Их оружие теперь бесполезно. Мозги белокурого мальчика превращаются в милую взору мешанину, забрызгавшую пластмассовые бластеры, которые подпрыгивают на столе, как попкорн. У рыбака нет недостатка в мишенях: весь ресторан в изумлении вскакивает на ноги, прежде чем попадать на пол.

У Чарльза на его безупречной груди — три аккуратные дырочки на равном расстоянии друг от друга. Та-та-та-та-та, и он грузно валится назад вместе со стулом. Мне кажется, что от него идет пар. Я экзальтированно бросаюсь на него, как делаю всегда после секса, если я сверху. Почему-то я знаю, что меня еще не убили. Но ожидаю, что вот-вот убьют. Все лампы погасли. Он по ним стрелял. В мужском туалете еще горит огонек, и кто-то ползет туда. Потом останавливается,

---

[27] Примечания: 27
Фешенебельный квартал Лондона.

дергается, замирает, лежит неподвижно. Шум стихает. Теперь я слышу только зловещий звон разбитой посуды. Белая рубашка Чарльза запачкана кровью. Я лежу лицом у него на груди. Боже праведный, он еще дышит. В его горле что-то страшно клокочет. Его кровь пачкает мое лицо, затекает в рот. У нее странный, отчетливый запах. Я вижу, что мои ноги и руки кровоточат от тысячи мелких осколков стекла, словно я христианская мученица, женская версия святого Себастьяна.

Про Чарльза я ничего не запомнила так отчетливо, как его смерть. Он умер мирно, благородно, в полной тишине, слегка рыгнув от глотка собственной крови. Его глаза широко открылись в изумлении, его шелковая рубашка безнадежно испорчена. Галстук, купленный в Париже, аккуратно прошила пуля. Вот и славно. Я ненавидела этот галстук — кричащий, желтый и претенциозный, с крошечными темно-синими квадратиками, его единственный прокол.

Я слышу, что в раковину стекает вода. Я слышу, как кто-то несколько раз шумно всхлипывает, а под этим — страшная, абсолютная тишина.

Потом я слышу его шаги на террасе. Как он пересек канал? Это рыбак, красивый, как бо-

рец национально-освободительного фронта, со своей снайперской винтовкой на бедре, *Fusil à Répétition*[28], Fl, французский армейский стандарт. У него много видов оружия, всё — из арсенала французской армии. Он похож на скульптурный монумент во славу новой страны — длинные волосы перехвачены резинкой, лицо — молодое, чистое, спокойное, светящееся, как у ангела.

Я вижу его шнурованные сапоги, военную обувь, влажную траву, приставшую к каблукам. Он в армейском комбинезоне? Да, цвет хаки. Я никогда его не забуду. Не открывай глаза. И не зажмуривайся. Мертвым никогда не приходится притворяться мертвыми. Не дыши. Молись, чтобы он принял кровь Чарльза за твою. О господи, наш официант шевелится. Невозможно не сжаться при тупом, угрюмом стуке пуль, которые в упор входят в почти мертвое тело. Позже мне пришлось рассказывать об этом в многочисленных интервью. Я старалась, чтобы выходило как можно более живенько.

Наверное, у него есть другое ружье. Есть. С глушителем. Призрачный, властный, этот ангел,

---

[28] Примечания: 28
Магазинная винтовка (*фр.*).

которого я случайно призвала, реет надо мной. Потом продолжает путь.

4
Переезд

Я понял, о ком идет речь, как только услышал адрес: Эллис Уильямс с женой. Еще сестра ее теперь с ними живет. Очень набожные люди, они одни молятся по-прежнему, после того, как закрылась баптистская церковь. Их старик был священником. Жена говорит, в каждой проповеди поминал геенну огненную. Если кто пошел, к примеру, на рок-концерт, — все, вечное проклятье. Эллису Уильямсу пришлось ждать четырнадцать лет, пока старик разрешил ему ухаживать за своей младшей дочерью. Видать, послушная была девочка. Любая нормальная баба послала бы папашу куда подальше и сбежала бы с женихом. Эта часовня вообще гиблое место. Гора Сион — так они ее прозвали. И вокруг ничего, кроме серых холмов, горных болот да ползучего тумана.

Моя жена была баптисткой. Она туда ходила раньше, до того, как ее семья переехала в город. Они из местных. Для них неважно, сколько ты здесь прожил. Если ты англичанин — ты чужой. Когда тесть ушел на покой, я стал заниматься се-

мейным бизнесом — перевозками, — но так и не выучился толком говорить на их языке. Сам виноват, конечно. Так, нахватался отдельных слов, но объясняюсь с трудом. У жены-то это родной язык. Она всегда извиняется передо мной, когда пускается болтать по-своему с матерью или подружками. Я отвечаю: “Да-да, конечно, милая, не беспокойся”. Ритуал у нас такой. Ее учили никогда не говорить на родном языке при англичанах, но в нашем случае это было бы глупо: я один, а их много. И потом, ей удобнее говорить по-своему — она как будто сует ноги в разношенные тапки, расслабляется.

Так вот, Эллис Уильямс позвонил и сказал, что они наконец решились спуститься с горы. Они прожили там всю жизнь. Ну а теперь вот решили переехать, все трое. Уж двенадцать лет как старик, любитель попугать геенной огненной, отправился за вечным блаженством. Его жена умерла еще раньше, а старый фермер Эванс, муж старшей сестры, порешил себя из собственного дробовика. Они пытались выдать это за несчастный случай, но в местной лавке поговаривали другое. Ну, будем считать, трагическая случайность. Чтобы пощадить семью. И Эллис Уильямс, и обе сестрицы страдают артритом, и кто-то из

них должен лечь в больницу в Бронглайс, чтобы прооперировать бедро. Они богатые. У них есть недвижимость в городе. Несколько домов. Когда в одном из тех что побольше закончился срок аренды, они решили, что надо бы подновить обои и переехать туда самим. Тут я их понимаю. На горе жуткие зимы. Ветер просто пополам режет. Деревьев нет. Только часовня, да старый дом в окружении заболоченных могил. Гора Сион.

Не то чтобы он мне все это рассказал. Моя жена в курсе местных сплетен. А Сион ее особенно интересует — все-то ей надо знать, что там да как. Я думаю, это из-за старика и его угроз насчет геенны огненной.

Люди бывают очень странные. В нашем деле слушаешь, что тебе говорят, вопросов не задаешь, свои мысли оставляешь при себе.

В тот день, когда мы отправились на гору перевозить Эллиса Уильямса и сестер, погода стояла промозглая, мрачная. Мы ехали, а время вроде как отматывалось вспять. У моря было солнечно, не слишком тепло, свежий ветер ерошил перья чаек. А ближе к горе ветровое стекло заволокло дождем пополам с мокрым снегом, по дороге потекли ручьи. Я увидел часовню издалека. Подъехав к дому, мы заметили, что окна разбиты,

черепица местами отвалилась, каменные кресты на могилах покосились. Дверь хлопала на ветру, дождь заливал порог. Овцы сбились в кучу на крыльце, шерсть на их спинах топорщилась от ветра. Еще год, и от крыши вовсе ничего не останется.

Дом — длинное, низкое каменное здание. Когда-то он был белым, теперь позеленел от времени. Во дворе мы не увидели никакой живности — ни кур, ни собак. День был пасмурный, но свет не горел ни в доме, ни в пристройках. У опустевшего загона для овец стоял большой грузовик с открытым кузовом, но нигде не было видно старого хозяйского “лендровера”. Мы выбрались из машины под дождь и направились к дому. Входная дверь распахнулась. Перед нами стояла старшая сестра, крошечная седая женщина, сгорбленная, с демоническим взглядом. С такой лучше не ссориться. Я начал подумывать, что, пожалуй, был неправ насчет самоубийства Эванса. Может, он просто рот открыл лишний раз — она и сунула туда ружье.

— Все готово, — объявила вдова Эванс. Нам ясно дали понять, что упаковано все, вплоть до чайника. Мой мальчишка, Газза, шарахнулся назад и отдавил мне ноги. Вторая сестра была

посмирней и вся дрожала, как будто у нее начиналась болезнь Паркинсона. Мы оказались перед горой коробок и голыми облезлыми стенами.

Многие клиенты предпочитают паковаться сами. Это можно понять. Дело-то личное, верно? Но как же трудно грузить то, что они сами запаковали. Они никогда не читают буклетов, которые я рассылаю вместе с бланками страховки. Огромные коробки набивают книгами, хрупкие безделушки рассовывают по хлипким пакетам… Иногда приходится все перепаковывать на месте, а на это уходит уйма времени. Вот и здесь нас ждал обычный хаос из торчащей соломы и неумело завязанных узлов.

Только три длинных ящика, сложенные в сарае, были упакованы профессионально, по высшему разряду, обложены толстым слоем соломы и закреплены в специально сделанных, новеньких деревянных каркасах. Эллис Уильямс объяснил, что там ценное оборудование, и эти ящики он повезет сам, в грузовике, но будет рад, если мы поможем ему погрузиться. Обе сестры вышли под дождь и неотрывно наблюдали за нами. Они здорово нервировали Газзу. Мы шлепали туда-сюда по грязи, промокнув и продрогнув до костей. Эллис Уильямс целый час аккуратно оборачивал

брезентом свои ящики, пока мы грузили разваливающиеся коробки в кузов моего грузовика. Дождь никак не кончался. К полудню мир погрузился в темноту.

— О господи, скорей бы это закончить, — бормотал Газза. — У меня ноги мокрые, и от старухи жуть берет.

Мы действительно видим людей не в лучшие их минуты.

Эллис Уильямс сказал, что поедет вперед на взятом напрокат грузовике со своими драгоценными ящиками. Мы могли бы погрузить их в мою машину, там вполне хватало места. Только он и слышать об этом не захотел. Когда я предложил ему везти все одной машиной, старшая сестра налетела как коршун и стала что-то лопотать. Я не понял, что — она говорила на своем языке. Да и какая разница.

— *Beth ddwedest ti wrtho fe?*

— *Dim byd. 'Dyw e' ddim o'i fusnes e'. Mae'n cael ei dalu i symud ein trysor. Does dim rhaid iddo wybod dim byd*[29].

Единственное слово, которое я понял — *trysor,*

[29] Примечания: 29

— Что ты ему сказал?

— Ничего. Это не его дело. Ему платят, чтобы он перевез наше сокровище. Он ничего не должен знать (*валлийск.*).

“сокровище”. Видимо, все, что хранилось в тайниках под полом, лежало теперь в кузове. Ну вот и все. Они заперли дверь старого дома. Ключ был старинный, девятнадцатого века. Антикварная штуковина наверное, он один такой остался.

— Когда въедут новые хозяева? — спросил я.

— Новые хозяева?

— Да.

— Никто сюда не въедет.

— А, извините. Я не понял. Я думал, вы продали дом.

— Продали? — старшая сестра прямо задохнулась. — Мы никогда не продадим наш дом! Никогда!

Эллис Уильямс поймал меня за локоть, когда я влезал в кабину.

— Не обращайте на нее внимания. Она расстроена из-за часовни. Часовня досталась какому-то архитектору из Суонси. Он ее переделает в студию или что-то в этом роде. Мы были, конечно, против, но никого из старших не осталось. Это была усыпальница…

Он замолчал. Я сказал, что все понимаю. Но они были странные люди, а я замерз, промок и хотел поскорее уехать. Как я уже говорил, мы видим людей не в лучшие их минуты. Переезд в

ряду стрессовых ситуаций стоит сразу за потерей близкого человека. Некоторые так и не приходят в себя. Эти трое прожили всю жизнь на Сионе. Это ведь такая священная гора, где Моисей говорил с Богом? Или то был Синай? Отъезжая под проливным дождем от темного дома, мы видели только туман да овец. Справа от нас в неясном зловещем свете вырисовывалась часовня. Газза смотрел на нее с испугом, словно там все еще раздавались голоса, восславляющие Господа. Но на самом деле слышно было лишь, как ветер воет в разбитых окнах и перекосившаяся дверь хлопает о полуразрушенную стену.

На долгом спуске пришлось ехать медленно — серая пелена дождя заволокла лобовое стекло. Я включил дворники на максимальную скорость и дальний свет. Но все равно мы почти ничего не видели, когда наш грузовик кренился на крутых поворотах, следуя за хлопающим брезентом Эллиса Уильямса.

Я уже думал, что худшее позади, когда произошла авария.

Я ехал примерно в пятидесяти ярдах за Эллисом Уильямсом. Перед нами оказался крутой поворот, а дорогу вконец развезло. Тормоза сработали, но я не сумел вовремя среагировать. Справа, отку-

да-то с поля, вынырнул “лендровер”. Видно, этот тип считал, что он тут главный, и даже не удосужился посмотреть, не едет ли еще кто-нибудь. Мне кажется, он даже не понял, во что врезался. Его автомобиль просто вынырнул откуда-то из грязи и врубился аккурат в кабину Уильямса. Я выехал из-за деревьев прямо за ними, ударил по тормозам и заскользил юзом прямо на тщательно запакованное сокровище в ящиках. Чей-то гудок оказался нажатым и беспрерывно гудел.

Потом мы какое-то время сидели так, вклинившись друг в друга, — с горящими фарами, работающими моторами, вопящим в тишине гудком. Я выглянул в густеющую темноту. Из-за дождя почти ничего не было видно. Казалось, прошло очень много времени. Наконец я выключил мотор и на негнущихся ногах вылез из кабины. Газза так и сидел, неподвижно глядя перед собой. Гудок замолчал. Стало слышно, как скулит собака.

— Это шок, — сказал я, ни к кому особенно не обращаясь. — Я читал про такое.

Дождь намочил мое лицо, струи потекли по стеклам очков. Я дернул задник кузова, и боковины ящиков отвалились. Все усилия насмарку. Я, помнится, еще подумал, что если бы он согла-

сился погрузить свои сокровища в мою машину, они бы и с места не сдвинулись. Были бы в сохранности. И тут я заметил, что в ближайшем ко мне ящике — другой ящик, старинный и не очень чистый. С одной стороны он раскололся. Я подумал, что у меня галлюцинация. Внутри была человеческая рука, почерневшая и зловещая, с прилипшим черным тряпьем. На минуту я замер, уставившись на нее. Потом полез по грязной обочине посмотреть, как там семейство.

Эллис Уильямс лежал на коленях у жены, лицо все в крови. Лобовое стекло разбито. Женщина сидела неподвижно и смотрела на дождь. Я рванул дверь. Ее заклинило.

— С другой стороны! — крикнул я. — Выбирайтесь с другой стороны!

Но они не могли выйти. Этот тип, который в них въехал, как раз врезался в дверь. Так что я пошел к нему.

— Можете сдать назад? — заорал я в окно.

— Я повредил ногу, — заскулил он. Это был крупный лысый мужчина с красным лицом.

— Но сдать назад вы можете?

Кто-то же должен был взять дело в свои руки. Я махал ему, пока он включал заднюю передачу и сдавал задом к обочине. Колеса буксовали в грязи.

Собака на заднем сиденье отчаянно зарычала. Когда я отходил, он орал на собаку.

Эллис Уильямс был без сознания. Жена пыталась остановить кровь, но когда человек ранен в голову, это практически невозможно. Так что мы выволокли его на мокрую обочину и укутали, как смогли. Насколько я мог судить, сестры не пострадали. Они сидели на обочине под дождем, по обе стороны от Уильямса. Я заглушил мотор грузовика. Газза тоже вылез и сел рядом с ними. В считаные секунды его волосы намокли и облепили голову.

— Вот же черт, — бормотал он. Он так и сидел, уставившись на Эллиса Уильямса. В кузов грузовика даже не заглянул.

Я по мобильному вызвал полицию и “скорую помощь”, они приехали минут через сорок, и за это время никто из нас не пошевелился. Собака замолчала. Тот тип в “лендровере” так и сидел за рулем, дрожа с головы до ног, а мы все четверо пристроились на обочине — под дождем, на холоде, с Эллисом Уильямсом посередине.

Открытый гроб — а это был именно гроб — получил благословение Господне и крещение дождевой влагой. Впервые за многие, многие годы.

Предстояло дознание. В больнице констатировали смерть Эллиса Уильямса. У Риса Эдвардса — по чьей вине произошел весь сыр-бор — оказалась трещина в голени. А в двух оставшихся ящиках тоже обнаружились трупы в разной степени разложения. Так что на месте аварии всего насчитывалось четыре покойника, хотя только один из них был свежим.

В конце концов нас вызвали в суд, дело слушалось коронером. Мы все сидели на скамье в первом ряду: миссис Эванс, вдова Элиса Уильямса, Газза в лучшем своем костюме и я — точно так же мы сидели на той обочине в темноте, под дождем. Рис Эдвардс сидел на другой скамье со своим адвокатом. Собственно, подсудимых тут не было. Они просто пытались установить факты. Меня вызвали первым. Я сказал, что не знал и даже не подозревал до аварии, что именно было в ящиках. Потом мне было не по себе. Пусть даже я сказал правду, но мне все казалось, что я пытался себя выгородить. Миссис Эванс это заметила. Она оказалась гораздо чутче, чем я думал. Когда я сел, она сжала мою руку. Я слышал, как она прошептала что-то сестре.

— *A ddylen nhw glywed y givirionedd?*

— *Cymaint o'r gwirionedd ag sydd raid — dim ond*

Duw sy*'n gwybod pob peth*[30].

Я не понял, о чем они говорят. Разобрал только одно слово: *Duw.* Бог. Потом вызвали миссис Уильямс.

Не я один обалдел от того, что произошло. Ведь вы поймите: такая маленькая, неприметная седая женщина, лет семидесяти или даже старше; и когда я видел ее впервые, она вся дрожала и едва стояла на ногах. Но теперь она ступала твердо. И голос ее был чистым, звонким, уверенным. Когда она подняла голову и обратилась к суду, ее лицо помолодело и все светилось.

Что еще им оставалось? Тут и говорить было не о чем. Нельзя разлучать семью. Часовню продали, дом был слишком отдаленным и обветшалым, и они не могли больше жить на священной горе. Но по крайней мере они уедут все вместе: они трое, и отец, и мать, и возлюбленный супруг ее сестры. Пока не обретут вечную обитель в объятьях Господа. Баптистский проповедник был суровым и бескомпромиссным человеком, безгранично преданным Воле Господней, но он также был нежным и любящим мужем и заботливым отцом. Обожал дочерей, и в ответ встречал послушание

[30] Примечания: 30

— Надо ли сказать им правду?

— Столько, сколько необходимо. Только Бог знает все (*валлийск.*).

скорее заслуженное, чем вынужденное. В жизни и смерти он оставался верным слугой Господа, и они тоже старались быть достойными своего места, как дети Господни.

— Нам не дано постичь пути Господни, но мы знаем, где искать Его. Сион не просто место, но особый способ видеть мир. И это сокровище не от мира сего принадлежало нам, и мы должны были лелеять его и охранять.

А после она говорила о том, что значил для нее Сион в юности, и позже, когда она была молодой женщиной, как красота Господа освещала их жизнь на одинокой горе. Глухое место? Может быть. Но наполненное незримым присутствием, отмеченное Его величием, горящее сиянием Его Слова. Она своими глазами видела, как ветер обращает руки Господа в колыханье теней над холмами. Она ощущала Его дыханье в тумане, Его глас в стуке града и зимних бурях. Она видела все сокровища Царствия Его в свежести ранней весны, в росе, выпадающей на зазеленевших надгробиях. Они всей плотью ощущали, что это значит — “пребывать в доме Господнем”. И да, она осталась там, потому что для нее гора Сион была самым благодатным местом на земле.

Женщина стояла перед судом, преображенная.

— Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море[31].

[31] Примечания: 31
Ис., 11:9.

5
Забастовка

У меня был билет на паром, отходящий первого июля в 2.30 дня из Портсмута в Кан. О забастовке мы узнали накануне из выпуска новостей. Рыбаки заблокировали все порты на Ла-Манше, включая Гавр, и паром дрейфовал в море, не имея возможности войти в гавань. Рыбаки требовали снижения налога на бензин, поскольку цены на топливо съедали их и без того скудную прибыль. Фермеры решили поддержать рыбаков и перекрыли тоннель под проливом. Они подожгли сено и высыпали несколько тонн картошки на подъездные трассы. В десятичасовых вечерних новостях показали огромный комбайн, перегородивший шоссе. Английские туристы, желающие попасть домой, выкрикивали оскорбления в адрес пикетчиков и полицейских: стражи порядка буквально заслоняли собой бастующих. Большинство туристов были пожилые и богатые. Они вылезали из своих “рейндж-роверов” и бурно возмущались по-французски. Это выглядело очень впечатляюще. С английской стороны канала воз-

никла двадцатимильная пробка из грузовиков. В ней тоже попадались отпускники — в основном семьи с детьми дошкольного возраста. Все они говорили, что бензин в Англии еще дороже — так в чем дело? Мы-то не бастуем, хотя причин для недовольства у нас куда больше. Моя семья придерживалась того же мнения. Я возражала: у французов уйма всяких поборов; они платят налоги, о которых мы и не слыхивали — *Allocations Familiales,* например, или *Taxe Professionnelle*[32] (этим налогом облагаются все, у кого есть хоть какая-нибудь работа — от литературного перевода до строительства дорог). Повышение цен на топливо стало последней каплей.

В конце концов рыбаки успокоились, блокаду сняли, и я поплыла во Францию.

Я всегда провожу лето на юге Франции и стараюсь за это время перевести хотя бы одну книгу. Мне нравится работать три месяца, не отвлекаясь. Мне нравится жить в языке, с которого я перевожу. И мне нравится лежать на солнце.

За рулем я обычно слушаю радио. Из новостей стало ясно: рыбаки действительно успокоились — но лишь после того, как им пообещали сни-

[32] Примечания: 32

Allocations Familiales — пособие на детей; Taxe Professionnelle — профессиональный налог (*фр.*).

зить налог на социальное обеспечение. А цены на топливо остались прежними. И это напрямую ударило по водителям грузовиков, которые прежде бормотали проклятья где-то за кулисами. Теперь они выдвинулись на авансцену и заблокировали нефтехранилища, нефтеперерабатывающие заводы и порты, куда доставлялась сырая нефть.

Я решила заправиться на последнем участке пути — на случай, если начнутся перебои с бензином. Когда я подъехала к дому, бак был полон на три четверти.

— *Vous avez bien fait*[33], — сказала соседка, отдавая мне ключи.

Я всегда снимаю жилье в крошечной деревушке, где на лето сдается еще три дома, а постоянно живут только две семьи. Каждый день сюда заезжает *boulanger*[34], но здесь нет ни магазина, ни бензоколонки. До ближайшего городка — восемь миль по горному серпантину. На следующий день я кинулась туда, чтобы скупить как можно больше продуктов в супермаркете. Я оказалась не одинока — другие поступали точно так же.

---

[33] Примечания: 33
Вы правильно сделали (*фр.*).

[34] Примечания: 34
Булочник (*фр.*).

Свежего молока в продаже уже не было.

Позвонил один из моих английских друзей.

— Хорошо, что ты проехала до блокады. Мои родственники застряли в кемпинге на Луаре — в их фургоне кончился бензин. Заправки не работают, горючего не достать ни за какие деньги.

Я купила канистру и вечером отправилась ее наполнять. Пришлось спрятать машину и целый час стоять в очереди. Заправлять машину и отдельно набирать канистру не разрешалось. Затем я вернулась домой и устроилась на задней террасе, чтобы прийти в себя. Первые несколько дней мой перевод свободно изливался из принтера со скоростью около трех тысяч слов в день. Это был захватывающий психологический триллер об актрисе, которая уверена, что ее кто-то преследует, но не может толком объяснить, кто именно. Чтобы отметить трудовые успехи, в семь вечера я налила себе глоток джина, выключила компьютер и включила телевизор. Новости, однако, не радовали: переговоры между правительством и тремя основными профсоюзами, представляющими интересы водителей грузовиков, после двух дней зашли в тупик. Премьер-министр делал отчаянные заявления в том смысле, что не уступит ни пяди, — на мой взгляд, довольно

неразумно. На мосту мне повстречались соседи.

— Им нужна *le bras de fer*[35], — говорили они уверенно, как будто речь шла о старинном забастовочном ритуале, который всегда заканчивается компромиссом и всеобщим согласием.

Но этого не произошло. События стали развиваться с пугающей быстротой. К концу недели все заправочные станции страны пересохли. Правительство отправило армию строить баррикады вокруг топливных резервуаров близ Парижа, чтобы бастующие водители не могли парализовать столицу. В новостях по телевизору теперь говорили только об одном, как будто остальной мир вовсе перестал существовать.

Мой перевод продвигался в том же темпе. Актрису подвергли принудительному психиатрическому лечению от параноидальных состояний.

Тем временем кончились запасы топлива в аэропортах и отменили многие внутренние рейсы. Фермеры, страдавшие от налога на топливо ничуть не меньше водителей грузовиков, блокировали рельсы и вывели из строя железнодорожное сообщение. Потом дальнобойщиков поддержали таксисты: они наводнили парижскую

---

[35] Примечания: 35
Железная рука (*фр.*).

кольцевую дорогу медленно движущимися машинами; это называлось *“Operation Escargot”*[36]. Такси двигались кругами по *peripherique*[37] со скоростью пять километров в час, пока не кончился бензин; а когда он кончился, обездвиженные таксомоторы выстроились в настоящие баррикады. Заправочные станции, на которых оставалось еще хоть немного бензина, были реквизированы властями “для чрезвычайных ситуаций”. Предъявив *carte professionnelle*[38] можно было получить топливо на 150 франков. Никак иначе заправиться было нельзя.

Страна замерла.

Самое удивительное, что к забастовке присоединялись все новые силы. Школы вождения вдруг захватили центр Тулузы. Пастухи из Верхней Савойи спустились с гор со своими стадами, протестуя против падения цен на баранину и увеличения импорта мяса. Нарядившись в традиционные накидки и шляпы, они осадили Сенат, грозя полиции посохами, собаками и ружьями.

---

[36] Примечания: 36
Операция “Улитка” (*фр.*).

[37] Примечания: 37
Кольцевой дороге (*фр.*).

[38] Примечания: 38
Профессиональную карточку (*фр.*).

Еще они захватили Люксембургский сад. Овцы пожирали цветы и декоративные изгороди. Все восприняли это как должное — никому не показалось, что пастухи зашли слишком далеко. Строительные рабочие вывели свои экскаваторы и краны на посадочные полосы и принялись терроризировать аэропорты. Представители экзотических профессий, вроде специалистов по искусственному разведению устриц, вышли на баррикады возле Сета на юге, требуя компенсации за неизвестный вирус, поразивший раковины. Производители соли из Ла-Боль в Бретани сложили инструменты и навалили горы соли на ступени префектуры. *Chausseurs*[39], возмущенные общеевропейскими нормативными актами, ограничивающими их свободу подстреливать все что движется в любое время года, оккупировали основные дороги, угрожая ружьями немногим оставшимся автомобилистам. Шоссе, ведущие в Испанию и Италию через южные границы страны, были перекрыты нашими местными *chausseurs;* кое-кого из них я знала лично. Они разъезжали во всех направлениях, набившись целой толпой в одну машину, и патрулировали

[39] Примечания: 39
Охотники (*фр.*).

пустые дороги в своих красных шляпах.

Тут рыбаки решили, что настало время потребовать новых уступок, и снова заблокировали порты Ла-Манша и Тоннель. К середине июля объявили всеобщую стачку.

Кроме того, стояла жара. У меня есть теория, что всякого рода народные возмущения всегда происходят в хорошую погоду. Нужно незаурядное мужество, чтобы выйти на демонстрацию в дождь или снег. Для такого бунта нужна выносливость. Но в эти знойные дни, в эти долгие, душные ночи было возможно все что угодно. Забастовка продолжалась.

Героиня моего перевода вбила себе в голову, что ее преследуют некие темные силы, предвестники апокалипсиса. Она одна видит, что происходит, все остальные ничего не замечают. Врач приходит к выводу, что она окончательно свихнулась, и запирает ее в психушку.

Новости по телевизору становились все более зловещими. Бастующие строители атаковали полицейских, когда те попытались расчистить взлетные полосы в Руасси. На одном из охраняемых войсками хранилищ у самого Парижа произошел взрыв. Причиной почти наверняка послужила бомба; многие были тяжело ранены.

Пламя охватило склады прежде, чем успели прибыть специальные военные подразделения — *pompiers*[40], разумеется, бастовали, причем уже не первую неделю. В департаментах Вар и Воклюз бушевали лесные пожары. Жителям Маноска пришлось самостоятельно защищать свои жилища. Часть города сгорела дотла. В новостях показали мэра, рыдающего на груди у супруги. Магазины, и так работавшие только полдня, стали закрываться навсегда. Улицы опустели. У меня осталось всего полбака бензина.

Boulanger перестал спускаться по нашему серпантину. Не было смысла ездить ради трех домов, при таком-то дефиците горючего. Некоторые счастливцы, живущие близко к границе, ухитрялись заправиться в Люксембурге. По телевизору показывали, как они суетливо и торжествующе наполняют баки. Британия, Бельгия, Швейцария, Италия и Германия закрыли границы с Францией. Я оказалась в западне.

Сначала я не слишком беспокоилась. Это не может продолжаться вечно, говорила я себе. Наверное, они ведут переговоры. Закулисные переговоры — обычное дело. Однако 20 июля

---

[40] Примечания: 40
Пожарные (*фр.*).

произошло нечто, совершенно выбившее меня из колеи. Одна из моих соседок, медсестра по имени Женевьев, мать троих маленьких детей, постучала в мою дверь.

— Есть тут кто-нибудь? *Est-ce qu'il y a quelqu'un?*

Я все еще увлеченно переводила: в данный момент это был прекрасно написанный пассаж, в котором моя героиня воскрешала в памяти картины детства, покуда ее психотерапевт в задумчивости рисовал пальмы. Работа полностью отвлекла меня от политических событий, так что от внезапного стука в дверь я вздрогнула, и только потом услышала голос соседки. Я уже начала бояться стука в дверь.

Она не стала заходить в дом.

— Мы едем на север, в Виши, к родственникам, — сказала она. — В городе безопаснее. Все равно Франсуа не может ездить на работу. Вы не бойтесь — сюда никто не придет. По этой дороге никто не ездит. И Шиффры остаются. У нас на поездку в Виши уйдет последний бензин, так что мы уже не вернемся до конца забастовки.

— И когда она закончится, по-вашему?

— Ну… *Alors… ca.* — Она пожала плечами. Я поцеловала ее на прощанье.

На другой день к забастовке присоединились

энергетики, и не стало света. Компьютер стал бесполезен — пришлось продолжить перевод вручную. Не стало горячей воды, музыки, радио, телевидения. Но телефон еще работал. Я звонила в Англию, но не могла сказать родным ничего ободряющего.

— Трудновато. Еды мне хватит на несколько недель, даже месяцев. Но свежих продуктов нет — холодильник не работает. И у меня не осталось бензина, чтобы выбраться.

— Может, попробуешь доехать до Испании по горным дорогам? Из Барселоны еще летают самолеты. Из Мадрида уже нет. Ты разве не слышала? Забастовка распространяется.

На следующий день они позвонили снова.

— Мы ужасно волнуемся! Ты слышала — в Париже восьмерых человек застрелили прямо на улице!

— Здесь все спокойно.

На самом деле я уже ничего не знала о том, что происходит в стране. Очевидно, перед военными теперь стояла задача наводить порядок, а не околачиваться без толку возле баррикад, где мятежники швырялись в них камнями. Объявили военное положение, Париж стал выглядеть как при Оккупации. Но забастовка росла и крепла.

Процветало мародерство. В Бордо застрелили мужчину, убегающего ночью с телевизором в руках. В крупных городах ввели ранний комендантский час. Моя семья пребывала в панике. Они позвонили в британское посольство в Париже, но оставшемуся там персоналу было не до нас. Моя деревенька находилась в такой глуши, что не подлежала эвакуации. Появились признаки распространения забастовки в Британии и Германии.

Я ежедневно встречалась на мосту с мадам Шиффр, и она продавала мне хлеб собственной выпечки и свежие овощи. Шиффры были пожилыми крестьянами старой закалки. Они не обращали внимания на катастрофы современного мира. Пожилая чета практически вела натуральное хозяйство, они даже заготавливали солонину, словно на дворе средневековье.

— До декабря продержимся, — невозмутимо заявила мадам Шиффр.

— Надеюсь, до этого не дойдет.

Телефон замолчал в начале августа. У Шиффров его никогда и не было, так что они и бровью не повели. Мы говорили себе, что скоро наверняка приедет хлебовоз, расскажет нам про забастовку, доложит, что происходит, и даст уйму полезных

советов — как это было вначале. Но он так и не появился. И мы ничего больше не знали о внешнем мире.

Шиффры научили меня греть воду. Ведра выставлялись рядком на солнце прямо с утра, и к вечеру вода едва ли не закипала. Я принимала вполне сносный теплый душ среди побегов фасоли, баклажанов и георгинов, доставáвших мне до плеча. Использованная вода не пропадала даром: она текла по множеству мелких канавок к грядкам с овощами. Я продолжала работать над переводом по паре часов в день, используя бумагу и ручку, но бóльшую часть времени проводила на свежем воздухе, возделывая сад. К тому же текст становился все более нелепым: теперь героиня видела во всем Руку Провидения. И хотя повествование велось от ее имени, я все больше сочувствовала скептически настроенному психиатру. Роман утратил темп. Пока героиня изрекала зловещие пророчества, я сажала салат, окучивала баклажаны, уничтожала слизняков и сооружала изгородь вокруг виноградника, чтобы его не затоптали кабаны. Мы выращивали кабачки, огурцы, помидоры, артишоки, фасоль, лук, тыкву, перец. Я загорела, окрепла, и, поскольку до нас не доходили никакие вести о происходящем,

удивительным образом успокоилась и воспряла духом.

Но порой меня одолевали сомнения: благоразумно ли это — окопаться в зеленой лощине, в полной изоляции от внешнего мира?

— *Écoutez-moibien*[41], — говорил мсье Шиффр, — нас не тронули в Первую мировую, не тронули во Вторую. Если где-то война, она проходит стороной. Нужно просто ждать.

Так мы и делали. Мы жили так, как всегда жили люди в этих краях. Я стирала одежду в *lavabo*[42] — весьма успокоительное занятие. Ручей тек прямо через старую каменную прачечную. Там было углубление для намыленного белья и корыто с проточной водой для полоскания. Вода — ледяная, горькая — текла из горных глубин, пахла чабрецом и лавандой. Я купила у Шиффров немного мыла. Что бы ни происходило вокруг, экономические отношения приезжих и местных оставались неизменными: они предлагали мне товар, я платила деньги.

Я ложилась на закате и вставала с петухами, чтобы сэкономить свечи. Но дни становились

---

[41] Примечания: 41
Послушайте меня (*фр.*).

[42] Примечания: 42
Зд.: прачечная (*фр.*).

короче, и по вечерам, когда я закрывала ставни, из окон дуло прохладой. Мои часы еще работали. Был почти конец августа.

Тем временем Шиффры делали то, что положено делать перед наступлением осени. В конце августа начали готовить дрова на зиму. Так что мы все вышли на склон холма с тачками. Разумеется, о бензопиле не было речи. Мы наточили топор.

Как-то раз в сентябре, ранним утром, спустившись с бельем в тазике к мосту, я обнаружила, что мадам Шиффр там нет. Я вглядывалась в заросли бобов и баклажанов, надеясь увидеть ее красивое морщинистое лицо и черный платок. Я звала ее. Но в ответ раздавались лишь вздохи ветра в дубовой рощице. Меня охватил внезапный ужас. Я помчалась к их дому — первому в деревне. Ставни были открыты (они вставали раньше меня), входная дверь — тоже. Я постучалась, позвала, но ответа не было. Я потрогала кофейник. Огонь угас, но плитка и кофейник были еще теплые. Выходя из дома, я заметила, что хозяйские плащи, обычно висевшие прямо на крыльце, исчезли. Старенький фургон с ничтожным запасом бензина по-прежнему стоял в гараже. Их как будто сдуло ветром — прежде, чем

они успели запереть дверь. Я поплелась вверх по дороге и оттуда посмотрела на покинутую деревню. Потом я поняла, что могло случиться. Дом Шиффров стоял первым при въезде в деревню. Он возвышался над тщательно прополотыми грядками. Остальные четыре дома, включая мой, стояли запертые, с закрытыми ставнями. Могло показаться, что кроме Шиффров здесь никого больше не осталось. Поэтому их увезли. Меня они не выдали.

Я села на задней террасе своего дома и целый час проплакала. Потом взяла себя в руки и как обычно выставила ведра на улицу.

Пока месье и мадам Шиффры были рядом, мы могли без труда оправдывать наше намеренное бездействие, игру в ожидание. Мы ждали; рано или поздно кто-нибудь приедет и скажет нам, что это все кончилось. Но теперь, когда я осталась одна, молчание окружающих гор давило на меня. Я тщательно заперла дом Шиффров и спрятала ключ в гараже. Я выпускала кур на заре, как всегда делала мадам Шиффр, и загоняла их обратно с наступлением сумерек. Я следила за садом. Погода стала тяжелой и душной. Я ждала, что скоро грянет буря.

Как-то раз ближе к вечеру небо потемнело. Я

следила за приближением грозы сквозь щель в ставнях. В сарае закудахтали куры, небо разверзлось, и на горы обрушился гром. Когда ливень немного утих, я пошла посмотреть на грядки и впервые заметила, что дорога заросла травой. Машины здесь больше не ездили; охотники больше не посещали эти края по выходным. Собаки уехали в Виши вместе с соседями, о которых мы с тех пор ничего не слышали. Я осталась наедине с курами и с горами.

Набравшись смелости, я накачала шины на велосипеде. По моим подсчетам, за два часа по бугристым проселкам доехать до города можно. Рисковать и ехать по главной дороге не хотелось. Непонятно, чего именно я боялась. Толпы разъяренных забастовщиков? Колонны танков? Орды голодающих крестьян? Все это было маловероятно. Но пока не узнаю, что случилось с Шиффрами, я лучше незаметно проеду по влажной роще. Грунтовая дорога оказалась неровной и заросшей, а растения, которые я переезжала колесами, горько и остро пахли. Наперерез мне испуганно промчались два кролика. В горах уже несколько месяцев никто не появлялся. Я заметила, что птицы стали смелее: они напряженно следили за моим приближением и ждали до последнего,

прежде чем вспорхнуть из-под кустов. Ястребы деловито кружили в небе и тоже ждали. Мое присутствие казалось им странным, а не пугающим. Мы словно утратили власть над земными тварями. Никто меня больше не боялся.

Электрические провода и телефонные кабели выглядели нетронутыми. Я остановилась на пригорке над Белльразом, чтобы отдышаться и бросить взгляд на деревню. Ничего не было слышно — только ветер. Дома стояли закрытые, с запертыми ставнями; все машины исчезли. И все-таки я чувствовала скорее недоумение, чем страх.

Последний отрезок пути шел под гору. Я могла ехать быстрее. Сквозь асфальт проросла трава. Я осторожно крутила педали и часто останавливалась, чтобы прислушаться, но ничего не слышала и не видела. Церковь Нотр-Дам-де-Назарет была заперта — но она всегда была заперта, даже до забастовки, так что на окраине городка ничего не изменилось. Неестественной казалась только тишина. Было жарко и ветрено. Я со зловещей ясностью слышала, как шелестят дубы и скрипят сосны. И все — больше ничего. Часы на церкви остановились. Я четверть часа прождала, не зазвонят ли они, но не дождалась. Не проезжа-

ли машины, не лаяли собаки, не раздавались голоса. В это время года, в середине сентября, *vendange*[43]бывает в самом разгаре. Обычно здесь бы сновали десятки людей с огромными пластиковыми корзинами, прочесывали бы виноградники, медленно шли неровными шеренгами между лозами, смеялись бы и спорили. Крошечные тракторы тащили бы узкие красные прицепы вдоль череды длинных зеленых рядов. Теперь же виноград гнил целыми гроздьями, на нем копошились осы и мухи.

Я спрятала велосипед в высохшем водостоке и подкралась к чьей-то садовой ограде. Осторожно заглянула за нее, но никого не увидела. На пожелтевших лужайках валялись пластмассовые игрушки. Цветы герани съежились и засохли в горшках, одинокая ставня хлопала на ветру. Некоторые дома были открыты, будто хозяева выскочили на минутку купить хлеба. Я видела, что на какой-то кухне скособочилась яркая клеенка, покрывающая скамью. Я не стучалась в двери, не звала людей. Я сразу поняла, что дома пусты, что там никого нет.

Но несмотря на безлюдье, я не чувствовала

---

[43] Примечания: 43
Сбор винограда (*фр.*).

себя в безопасности. Я пригляделась к дороге. На размягченном асфальте и щебенке виднелись глубокие, ровные борозды — следы танков, полустертые, но все еще заметные. Колеи заполнялись травой и пылью. Если здесь проехал танк, это было давно. Держась поближе к стенам, я пошла по средневековым улочкам в сторону *route nationale*[44]. Слева стояла бензоколонка, которую месяца два назад реквизировали службы по чрезвычайным ситуациям. Логотип ELF[45] и запредельные цены на бензин выглядели нелепо и раздражающе. Вращающаяся табличка ELF/OUVERT[46] дребезжала на ветру. С этого все и началось — с забастовки транспорта, с топливной блокады. Здесь и надо искать. Я прислушалась. Ритмичный треск таблички казался неестественно громким. С дороги не было слышно ничего. Ни машин, ни танков, ни голосов.

Возле въезда валялись мусорные баки, пустые и перевернутые. У столбов трепыхалась пара пластиковых пакетов. Я выровняла один из зеле-

---

[44] Примечания: 44
Национального шоссе (*фр.*).

[45] Примечания: 45
Французская нефтяная компания.

[46] Примечания: 46
Открыто (*фр.*).

ных мусорных баков и осторожно влезла на него. Теперь была видна вся бензоколонка. Сначала я не заметила ничего необычного. Заправка давно не работала. Одно из окон разбито, и стекло уродливыми грудами осколков покрывало ступеньки. Ветер носил по площадке обрывки газет, то поднимая их в воздух, то опуская. Валялись перевернутые ведра. Шелест и постукивание не забивали глубокую тишину, гулкую пустоту.

Потом я кое-что увидела.

Под стеной — в сущности, очень близко от меня — рядом с колонкой для дизельного топлива лежал труп мужчины. На нем все еще была униформа жандарма. Его волосы слегка шевелились на горячем ветру; коричневая спекшаяся жидкость покрывала всю верхнюю часть туловища. Я смотрела на него, не в силах шевельнуться. Ужас возникал не от картины несомненной смерти — хотя раньше я с таким не сталкивалась — а оттого, что я вообще кого-то увидела. Почему этот труп не убрали? Я наклонилась вперед. Лицо было отвернуто от меня. Я услышала тихое жужжание, и вдруг поняла, что его глаза и щека покрыты черным слоем мух.

Я спрыгнула с контейнера и ринулась прочь. Про велосипед я забыла. От него в любом случае

нет проку, раз нельзя ездить по дорогам. Я двинулась обратно к своей деревне коротким путем, по тропинке через горы. В лесах я больше не осторожничала — мне просто хотелось вернуться домой, в тот уголок, который еще недавно казался таким безопасным. Я внимательно осмотрела дом — не пробирался ли кто-нибудь внутрь, пока меня не было? Но все выглядело точно так же, как утром. Я загнала в сарай протестующих кур, закрыла ставни и заперла все двери. Ставни я больше не открывала, и долгие дни после моей экспедиции в город провела в зловещей полутьме, парализованная страхом.

Но погода начала меняться. Иногда деревню на целые дни накрывал ливень; в такие дни оставалось только следить за огнем или за дорогой. Сады стали увядать. Я питалась консервами из жестянок или стеклянных банок, запечатанных парафином. Еды у меня хватило бы еще на много месяцев; свечей тоже было много. Мыться холодной водой было отвратительно, но потом я нашла новый способ согревать ее в промышленных количествах. В дымоход были вмонтированы гигантские крючья — реликт повседневной жизни девятнадцатого века. Я подвешивала над открытым огнем мрачный черный котел, украденный

из хозяйства Шиффров, и мысленно благословляла богатых парижан, которые отремонтировали дом, сохранив его первозданное устройство. Теперь я спасалась от утренней свежести под несколькими слоями одежды, запиралась на все запоры и готовилась выдержать осаду, долгое ожидание.

Перевод был заброшен. В солнечную погоду я сидела, спрятавшись в траве, и смотрела, как у реки бродят куры. Собственный голос я не слышала уже шесть недель с лишним. Больше всего на свете мне хотелось вернуться домой. Календарь на моих часах показывал 23 октября. На следующее утро я упаковала в маленький рюкзак то, что теперь казалось единственно важным — теплые вещи, сухофрукты, колбасу. Остальное решительно отбросила — книги, незаконченный перевод, бесполезный компьютер, городские туфли. Даже расческу не взяла. Мои потребности постепенно свелись к двум вещам: к еде и теплу. Прочее осталось где-то в другой жизни.

Мой план — если это можно назвать планом — заключался в том, чтобы добраться до Нарбонны и как-то украсть лодку, в которой можно доплыть до Испании. Я даже воображала, что смогу сама грести вдоль побережья. Погода снова преврати-

лась в теплое бабье лето, только по ночам стоял холодный туман. В последний раз выпустив кур, я отправилась к холмам, в *garrigue*[47]. Я снова избегала дорог. Но мне никто не встретился. В сгоревшем сарае все еще стояли сельскохозяйственные машины, как чудища юрского периода — изнуренные, почерневшие. По всему плато Минервуа виноград гнил прямо на лозе. Кабаны, которые теперь хозяйничали в округе, вытоптали часть виноградников дотла. Я легла рядом со стеной и час проспала в ее тени, а проснулась лишь когда солнце поднялось и лучи коснулись моего лба. К середине дня я добралась до шоссе.

Мне пришло в голову, что основные французские магистрали еще могут быть открыты и патрулироваться, но до моря не добраться, не пересекая шоссе. Я подобралась к глинистой насыпи, пригибаясь, не высовываясь. Легла на живот, приложила ухо к земле, замерла, но не услышала ничего, кроме ветра. Я бы почувствовала вибрацию машин, будь они рядом. Но ничего не было. Ничего. Привстав на четвереньки, я заглянула за металлическое аварийное ограждение. В трещинах шоссе рос бурьян, ветер наносил

---

[47] Примечания: 47
Пустошь (*фр.*).

на асфальт узоры из песка и играл комками сухого дрока, выдранного бурями и теперь пожелтевшего в последних лучах осеннего солнца. Я сделала глубокий вдох и встала.

Куда ни кинешь взгляд — в сторону Безье или в сторону Перпиньяна — там нет ничего, ничего, кроме света, травы, песка, ветра. Передо мной раскинулся город Нарбонна. Сады на окраинах высохли и заросли. В одном из мощеных дворов на веревке до сих пор висит белье, и его видно с дороги. *Pepinieres*[48] наглухо заперты и защищены цепями. Глядя сквозь колючую проволоку, я вижу ряд цементных статуэток Венеры, одна меньше другой. Они красуются на другой стороне пруда, покрытого грязной пеной. Фонтаны давно не клокочут. Светофоры ослепли. Выгоревший автомобиль лежит на боку посреди круговой развязки. На сохранившихся сиденьях и металлических деталях — волнистые горки песка. Он так тут и лежал нетронутый — несколько недель, а может, и месяцев.

Осмелев, я выхожу из тени городских стен и по заброшенному шоссе вхожу прямо в опустевший, безмолвный город. На улицах валяются

---

[48] Примечания: 48
Рассадники (*фр.*).

груды старого мусора, и две кошки — я впервые за это время вижу кошек — в них роются. Дверь какого-то дома распахнута настежь. На столе до сих пор стоят тарелки и бутылка оливкового масла, как будто семья собиралась поесть и вдруг была сметена прочь. Я замечаю шеренгу свечей на буфете и делаю вывод: люди еще были здесь, когда вырубилось электричество. Но это было два месяца назад. Я прохожу мимо разбитых и разграбленных лавок. Огромный плакат на витрине оптового магазина электроники пялится на меня ошметками бумаги и издевательски предлагает неограниченный доступ, если я подключусь к провайдеру *wanadoo.fr*. Демонстрационные образцы включены в бесполезные розетки, прикручены к полкам, их экраны навеки черны и немы. Кое-какие магазины аккуратно закрыты — зеленая сетка на витринах, тусклые металлические решетки на окнах. Везде стоят брошенные автомобили. Я крадусь по переулкам, надеясь увидеть какого-нибудь человека — живого или мертвого.

Но нет никого под деревьями на бульваре возле канала, и на главной площади никто не смотрит вниз на раскопки римской дороги — все, что осталось от погибшей империи. Никого нет в

ресторанах, никого на террасах кафе, где столы и стулья свалены в беспорядочные кучи среди мусора и перевернутых баков.

Я вхожу в галерею собора и сразу чувствую: что-то изменилось. В этой гулкой пустоте присутствие другого человека изумляет и пугает. Вот он — сгорбился в каменной тени надгробий. Священник в поношенной сутане молча сидит над гробницей средневекового архиепископа. Он внимательно смотрит на меня, но не двигается, не подает никакого знака. Я очень медленно протягиваю к нему руки, чтобы показать, что не вооружена. Он все равно не двигается. Я иду на цыпочках, чтобы мои шаги не отдавались эхом от каменных стен. Подхожу к молчаливому, неподвижному священнику. Мы долго смотрим друг на друга. В его лице я вижу собственное отражение: грязное, неприбранное, дикое. Но его глаза горят. Когда я открываю рот, мой голос сдавлен и надтреснут.

— Здесь кто-нибудь остался? — произношу я свистящим шепотом.

— *Dans la ville de Narbonne? Non. Je ne crois pas*[49]. — Его голос тверже моего, выговор местный, тон

---

[49] Примечания: 49
В Нарбонне? Нет, не думаю (*фр.*).

— деловой.

— Куда они делись?

Священник безразлично пожимает плечами.

— О часе же том никто не знает[50]. Я жду. Как вы ждали.

— Но что же случилось?

— *Vous n'etespas au courant?* Вы не в курсе? Где же вы были, *ma fille*[51]? Была забастовка. *Il y a eu une grew.*

[50] Примечания: 50
Матф. 24:36.

[51] Примечания: 51
Дочь моя (*фр.*).

6
Париж

Это был черный “мерседес” с цифрами 75 на номерных знаках. То есть они приехали из Парижа. Мы смотрели снизу, как автомобиль ползет по серпантину к деревне. Сколько там человек? Двое, оба в темных очках. Наверное, они сняли дом Бартеза. Летом он всегда сдает его парижанам. Для отпуска вообще-то рановато, правда? Наверное, у них нет детей. А мсье Бартез дает какие-то объявления? Да, в “Монд”, в туристическом приложении. К тому же его дом зарегистрирован в агентстве. Это стоит бешеных денег. Агентство берет комиссионные. Все равно получается выгодно. Он берет больше, чем Мими за свой домик с балконом. Никакого сравнения, правда? У Эмиля Бартеза есть бассейн. Но ведь там нет воды? Или он его все-таки наполнил? Разумеется, наполнил. Вчера приезжал его племянник. Возился с хлоркой.

— Я-то предпочитаю море, — говорит Оливье.

Это больной вопрос. Бассейн во всей деревне есть только у семейства Бартезов, и нас туда не

приглашают, даже если дом пустует, даже за умеренную плату. Бассейн — только для парижан. Так что мы вынуждены предпочитать море. У нас нет выбора.

Мы спускаемся к мосту и живописно прислоняемся к каменному парапету. Мы — комитет по встрече. Мы хотим хорошенько рассмотреть парижан.

Они въезжают в деревню очень медленно, с преувеличенной осторожностью преодолевают крутой поворот возле хижины Симоны. Приостанавливаются у мэрии — заброшенной и пустой; ставни, серые, как лес-плавник, стучат по стене на сильном ветру. Поворот налево на главную улицу, овощные ряды остаются позади. Бобы, картошка, горох, баклажаны, чили, паприка, кабачки, тыквы. Моя картошка, к примеру, уже выкопана. Одна из местных кошек шарахается от приближающегося “мерседеса”. Машина проносится мимо. Мы с каменными лицами пытаемся заглянуть внутрь. Оливье вежливо кивает. Ну? Что? Каково наше мнение?

Они выглядят так, как будто уже успели отдохнуть. Оба загорелые. Мужчина и женщина. Молодые, неулыбчивые, без детей. Они останавливаются перед домом Бартеза, вылезают

из “мерседеса” и начинают возиться с замком на внешней двери. Мы видим, что женщина предоставляет это занятие мужчине, а сама принимается рассматривать горшки с геранью, расставленные на ступеньках. Она обрывает мертвые цветы с хирургической аккуратностью. На ней кольца и браслеты из золота. Люди очень, очень, очень богатые. Как и любой, кто приезжает в отпуск из Парижа.

Для большинства из нас максимальное приближение к Парижу — это как раз ритуальный шпионаж за приезжими отпускниками. Некоторые из нас никогда и не были в Париже. Вообще. Этот город — символ из школьных учебников, картинка на телеэкране, источник новостей, зла, повышения налогов, формуляров НДС, а для меня — еще и ближайшее консульство.

Наша деревня — очень глухая. Мы в восьми милях от ближайшей почты, в тридцати — от ближайшего супермаркета. К нам каждый день по узким горным дорожкам приезжает *boulanger.* Мы всегда видим, как приближается его фургон. Сюда ведет только одна дорога, отсюда — тоже одна. Нас окружают горы, покрытые дубравами, *garrigue,* и бешено растущее поголовье диких кабанов. По ночам мы слышим, как они роют-

ся возле реки. Мы заламываем руки и грустно качаем головой: повытопчут виноградники, нехорошо. Потом, как только наступает август, мы начинаем охотиться за ними и убивать их.

Все, кроме меня, живут ожиданием охоты. Мой ближайший сосед, Папи — ему сильно за восемьдесят, и у него катаракта на обоих глазах — все еще бродит по горным склонам, вооруженный до зубов. Женщины, конечно, не ходят собственно стрелять. Они стоят на мосту, считают белые фургоны, направляющиеся к лесам. Потом они считают вепрей, которых привозят и раскладывают посередине главной площади. Мясо либо отправляют в морозильники, либо превращают в огромные дымящиеся блюда, приправленные душистыми травами и густым соусом из красного вина. Мы стреляем, чтобы убивать. Мы стреляем ради жарко́го. Мы — охотники. Это — настоящая жизнь, о которой и мечтать не смеют изнеженные жители Парижа.

Себастьян говорит мне, что дорога туда и обратно на скоростном поезде стоит 570 франков. Пересадка в Монпелье. Заказывать билеты надо за несколько недель: *reservation obligatoire*[52]. Но

---

[52] Примечания: 52
Бронирование обязательно (*фр.*).

я не хочу в Париж. Я терпеть не могу ездить в Париж. Я слишком много там трачу и слишком много курю. Я покупаю слишком много книг и возвращаюсь с похмельем.

Рядом со мной на зеленой скамейке сидит Симона. Она считает, что когда-то Париж был элегантной столицей *haute couture* и светских *soirees*[53], но теперь все полетело к чертовой бабушке, и город полон негров-нелегалов, которые живут в церквях или устраивают голодовки, приковывая себя к оградам в местах скопления народа. Когда-то давным-давно мы зарабатывали честные деньги усердным трудом, но теперь вокруг десятки молодых людей, которые не хотят работать, и злобные хозяева потогонных фабрик, которые платят по два франка в час. Как будто здесь легко свести концы с концами. А уж попробуй-ка поживи в Париже.

Восемнадцатилетний Оливье только что съездил с ребятами в Париж на уикэнд поразвлечься. Раньше они там никогда не были. Они спустили все свои деньги в кабаре “Крейзи Хорс” на Елисейских Полях. Все было в точности как по телевизору — абсолютно одинаковые девушки,

---

[53] Примечания: 53
Вечеринок (*фр.*).

высокие парики, овальные попки и безупречные сиськи. Все они весят 55 килограммов и ни граммом больше. Нельзя даже чуть-чуть потолстеть. Сразу же выгонят.

Я размышляю о своих колыхающихся, обширных телесах. Потом говорю Оливье, что вешу почти 85 кило.

— Тебя не возьмут в “Крейзи Хорс”, — авторитетно заявляет Оливье со всей непреклонностью юности. — Даже если ты похудеешь, все равно не возьмут. Возраст не тот.

Я постепенно превращаюсь в худший из своих кошмаров. Что за ужас — все эти стареющие эмигранты, с красным носом и заметным брюшком, что убивают время в барах, сидят на дряхлой зеленой скамье посреди деревенской площади и сплетничают с кем ни попадя. Меня привела сюда ненависть к Англии. Я живу на юге, потому что чахоточные англичане, приезжающие сюда спиваться, а потом — гнить на кладбище, подтвердят, что ничего более похожего на рай нам не увидать. Американцы тоже согласятся с этим — все до единого. И, прошу заметить, я живу не на Ривьере. Там теперь шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на “Макдоналдс”, на пошлых кинозвезд, на яхты Аги-Хана, на толпы

наркоманов и бродяг, которые бегло попрошайничают на нескольких языках. Нет, я живу в том закутке Франции, где прошлое — кровавая история католической резни, а настоящее — жара и виноградники. Я живу в Катаре.

В моей деревне двадцать шесть человек. Кроме меня — ни одного иностранца. У всех остальных своя земля, или работа на винограднике, или и то и другое. У меня — работа в городе; об этом говорят, мне завидуют, мне много платят. Я — диктор радиокурсов английского языка. Радиостанция вещает на весь регион. Я веду по три часовых занятия в неделю в течение учебного года и пять специализированных профессиональных уроков — каждый по восемнадцать минут — с дополнительными диалогами. В каникулы они выходят в эфир каждый вечер, в одиннадцать. К ним я тщательно готовлюсь, все записывается заранее. Если вы хотите получить от курсов реальную пользу, вам следует купить наши сопроводительные буклеты — они продаются отдельно.

Передачи в прямом эфире — это пытка. Все накладки, которые могут произойти, непременно происходят. Учителя, которые записывают мои занятия или используют их вживую во время уроков, говорят, что прямые передачи держат

всех в радостном напряжении. Чудовищнее всего оказалась одна из наших выездных сессий, когда мне в голову пришла светлая мысль проинтервьюировать английских отпускников на пляже в Карноне. Их привезли автобусом из Лутона и они, видимо, проводили время в расслабленной подготовке к вечернему погрому окрестных баров. Первая же загорающая туша сулила успех: огромный розовый волосатый живот и замусоленный белый носовой платок, завязанный узелками по краям, прикрывающий шесть блеклых волосков посреди скопления рыжих веснушек.

— Простите, сэр, мы — журналисты с “Радио Катар”. Вам тут нравится?

— Отвали, приятель! — добродушно прорычал он, и мне пришлось поспешно ретироваться в чащу пляжных зонтиков.

Вот какая у меня работа. Стоит ли говорить, что мне и в голову не приходило устроиться в Париже.

На следующее утро приехал *boulanger,* и мы все собрались вокруг него, чтобы обменяться сплетнями. Никто не хотел признаваться, но мы ждали парижан. Вот и они, в спортивных костюмах, собираются на пробежку. В такую жару? Ух ты, да она красотка — длинные темные волосы, завя-

занные в конский хвост, светло-зеленая футболка оттеняет оливковую кожу. Оба так и не сняли темные очки — такие, что огибают глаза, вроде лыжной маски. Оба элегантны, как преуспевающие гангстеры.

— *Bonjour.*

— *Bonjour.*

— *Bonjour, madame.*

— Четыре шестьдесят.

— *Merci, madame.*

Говорит она.

Он ничего не произносит. Оба улыбаются, но почти незаметно.

Они удаляются трусцой. Она размахивает багетом как винтовкой. У нее очень красивая фигура. Мы все восхищены.

— Ну?

— *Pas grande chose*[54].

Нам не удалось получить никакой конкретной информации. Давайте вернемся и еще раз посмотрим на “мерседес”.

С недавних пор черный “мерседес” приобрел мифический ореол. Мы заглядываем внутрь, на затемненных окнах остаются следы нашего

---

[54] Примечания: 54
Ничего особенного (*фр.*).

дыхания. Мы хотим увидеть гладкую обивку, приборную панель, которая ночью светится красным огнем, мобильный телефон в маленькой кожаной кобуре, покрытый ковром пол. Ни пакетиков с чипсами, ни карт. Яснее всего мы видим собственные лица, искаженные гримасами любопытства.

— Как тот, в котором она погибла. Год назад.

— Я там была, — шепчет Клодия, и мы все в изумлении выпрямляем спины. — Да, была. Неделю спустя. Я в тот день поехала в Париж на автобусную экскурсию с бабушкой. Я жила у двоюродных братьев в Оксере. А я же раньше не бывала в Париже, так что мы решили съездить. И водитель провез нас мимо моста Альма, где на траве возле вечного огня цветы, и мы даже проехали сквозь тоннель. И водитель ехал очень-очень медленно, и показал тот столб, в который врезался черный “мерседес”, и она умерла. Стоило ей только найти любовь и счастье.

— Ты все сочиняешь! — рявкает Оливье.

— Нет. Она же ездила в Оксер. В сентябре. На неделю. Не помнишь разве? — вмешивается Симона.

Симона — тетка Клодии. Это семейная ссора. Все ссоры в нашей деревне — семейные. Мы все

родственники, исключая меня. Клодия обижается и уходит. Ее правдивость поставили под сомнение. Оливье по-прежнему сомневается.

— Я не верю, что она ездила в Париж.

Но мы уже вспоминаем прошлогодние события и внутреннее устройство Парижа. Им надо было пересечь реку? Конечно, раз они ехали со стороны “Рица”. А где “Риц”, на площади Согласия? Нет, там отель “Крийон”. Риц на площади Вогезов. У кого-нибудь есть карта Парижа?

Мы заглядываем внутрь “мерседеса”. Бардачок закрыт и, возможно, заперт. Нам подмигивает красный глазок сигнализации. Парижане не держат на виду карту своего города.

На следующий день я читаю по радио школьный диктант. Это последняя передача перед *les grandes vacances*[55].

В нашу деревню приехали отпускники.

Они сняли дом с бассейном.

Они ездят на большом черном “мерседесе”.

Они приехали из Парижа.

Они занимаются спортом — ездят на велосипеде, плавают, совершают пробежки.

Они не любят загорать, а ужинают очень позд-

---

[55] Примечания: 55
Летними каникулами (*фр.*).

но вечером.

Они продолжают вести себя так, как будто живут в Париже.

Зеленая скамейка на площади проседает под тяжестью наших догадок. Мы слышим, но не видим, как они пользуются бассейном. При этом — никаких радостных воплей или заигрывания друг с другом. Никакого хихиканья, возмущения, угроз, никаких обычных для летнего бассейна звуков. Мы слышим почти одновременный всплеск — они ныряют — дважды в день, со зловещей регулярностью, очень рано утром и в самом начале седьмого, когда солнце начинает клониться за гору. Каждое утро и каждый вечер они по полчаса рассекают голубой хлорированный прямоугольник равномерными гребками, а затем вновь появляются в черных спортивных костюмах и мерной рысцой исчезают в долине.

Как будто тренируются, а не отдыхают.

Должно быть, в Париже очень дорого ходить в спортзал. Может, они поэтому сюда приехали.

— Я однажды ездила в Париж, — говорит Симона, — перед самым Рождеством. С сестрой. С той, которая в Озере. Мы покупали подарки в “Сама-

ритэне”[56]. Представляете, на улице продавали омелу по тринадцать франков за пучок!

Все завсегдатаи зеленой скамейки обращают к ней взоры. Омелу можно взять в саду кузенов из Озера. Можно поехать на моей машине. Это старый тарантас, но мы впятером там вполне разместимся. Мы потратим день на то, чтобы связать небольшие пучки красными ленточками. Можно продавать их по десять франков, забить всех конкурентов и потратить деньги в Париже. Мы начинаем планировать, как проведем уикэнд в сверкающем зимнем городе благодаря красным ленточкам и лживым поцелуям под омелой.

В первую неделю августа парижане берут напрокат два легких гоночных велосипеда, обтягиваются лайкрой и превращаются в гонщиков. У него такие часы, которые следят за пульсом и пищат, если сбавишь темп. Мы смотрим, как они разъезжают по краю пропасти. Они все так же говорят нам *bonjour* раз в день, когда приходят за хлебом. Больше никто не слышал от них ни единого слова. Их не видели в Сен-Шиньяне. Они когда-нибудь ездят за покупками в Сен-Пон? Мы небрежно спрашиваем в супермаркете, видел

---

[56] Примечания: 56
“Самаритэн” — один из крупнейших парижских магазинов.

ли кто-нибудь черный “мерседес” с парижскими номерами. Никто не видел.

Я звоню Эмилю Бартезу, чтобы одолжить электронасос, и по ходу неторопливой беседы интересуюсь парижанами, которые спят в его кровати и подсыпают хлорку в его бассейн.

— А, — удивленно говорит он. — Ну и что это за люди? Я даже не знаю, как их зовут. Их прислало агентство “Холидэй” из Парижа.

— На самом деле, — замечает Симона, — есть что-то очень странное в этой парочке из Парижа. Они никогда не пользуются мангалом и никогда не едят на улице.

Мы все соглашаемся. Да. Очень странно. Не пользуются мангалом. Быть беде.

Поскольку школьные радиопередачи закончились, до *Rentree*[57] я веду очередную серию “Профессионального английского для профессионалов”. К нам поступил запрос из центрального управления жандармерии в Монпелье. Нельзя ли подготовить мини-серию английского для полиции? Пока у школьников *les vacances*? Конечно, отвечает мой продюсер. С радостью. Я не понимаю, зачем французской полиции может

---

[57] Примечания: 57
Начала учебного года (*фр.*).

понадобиться английский язык. Но мой продюсер не принимает возражений.

— Многие международные преступники отказываются общаться на других языках, — объясняет она. — Для нас это возможность наконец сделать что-то общественно полезное. Не просто английский для работы с компьютером, английский в гостинице, английский в кафе, английский в турбюро, английский для заказа билетов на самолет, английский для прибытия в Лондон, английский для покупки оружия, английский для ресторанов, английский для проката машины.

— Ладно, ладно, все ясно.

Я начинаю представлять себе допросы в переводе. Методы изощренных угроз. На выходе получается язык кино. “Подпиши это признание, жалкий склизкий ублюдок, а то я размажу твои внутренности по столу”. Так никто на самом деле не говорит. Какие преступления больше всего распространены во Франции? Кража со взломом, воровство, побои и наркомания. Наркоманский английский мне неведом. Исследований по нему нет, жаргон меняется каждый день, справочников не выпускают. Я решаю выбрать английский для кражи автомобиля. Со мной такое случилось во Франции, и я в курсе лингвистических тон-

костей.

У меня украли мой черный “мерседес”.

Вы уверены, что его украли?

Пожалуйста, напишите регистрационный номер.

Была ли ваша машина оснащена сигнализацией?

Вы не оставили автомобиль незапертым?

Нет, сигнализация подсоединена к центральному замку.

Был ли у него стандартный номер безопасности?

Вы в этих краях отдыхаете?

Да, мы сняли дом в горах.

Мы в отпуске.

Мы живем в Париже.

Их отпуск бесконечен. Ко второй неделе августа мы приходим к выводу, что они — профессиональные атлеты. Заранее тренируются к играм двухтысячного года. Больше ничто не может объяснить неустанные занятия велогонками, плаванием, бегом, аэробикой и вообще весь их режим. Они продолжают говорить раз в день *bonjour* и больше ничего. Они никогда не снимают темные очки. У них идеальные фигуры. Они невозможно красивы. Мы никогда не видели

их глаза.

Погода внезапно меняется прямо перед *ouverture de la chasse*[58]. На деревню, как маска с наркозом, опускается белый капюшон жары. Я, чертыхаясь, езжу на работу два раза в неделю и устраиваю скандалы продюсеру и звукооператорам. В остальное время лежу в темной комнате с закрытыми окнами и тяжело дышу. Мы встречаемся на зеленой скамейке после одиннадцати вечера и обмениваемся банальностями про *canicule*[59]: хуже, чем в прошлом году, совершенно невыносимо, глобальное потепление, ручей высыхает, собаки едва дышат, когда это кончится? Парижане начинают свои утренние пробежки на заре, до того, как белый капюшон окутывает горы. Столбик термометра поднимается выше 38 градусов. Мы поливаем овощи дважды в день и радушно приветствуем *Pompiers-Forestiers*[60], которые проезжают мимо на своих желтых грузовиках и, задыхаясь, просят холодной воды. Они следят за пожарами с верхушек холмов. Пожа-

---

[58] Примечания: 58
Открытием охотничьего сезона (*фр.*).

[59] Примечания: 59
Жару (*фр.*).

[60] Примечания: 60
Лесных пожарников (*фр.*).

ров нет.

La chasse est ouverte! Сезон открыт. Мужчины надевают камуфляжные куртки, красные шапки и отправляются в леса в белых фургонах. Собаки в кузовах радостно подвывают.

Мадам Рубио сообщает мне, что ненавидит охоту. Раненый кабан искромсал ее любимого пса, что обошлось ей в 750 франков ветеринарных расходов. Она раздраженно хмыкает вслед фургонам. Иветта боится, что на нее нападет кабан, пока она возится в своем винограднике на красных склонах. Она надеется, что мужчины убьют их всех. Я слышу, что кабан сопит среди зарослей моей черники. Я запираю все двери.

Иногда я вижу их по ночам — задумчивых, волосатых, неторопливых. В свете моих фар, когда я медленно еду домой по холмам, они выглядят серыми.

Мужчины охотятся только ранним утром. К половине двенадцатого они возвращаются в деревню, делят добычу, кормят собак, правят свои длинные изогнутые ножи на точильных камнях. В такую жару после полудня уже никуда не выберешься. Собаки теряют след и не могут найти кабана в зарослях. Днем они лежат без движения, лениво отмахиваются от мух, их колокольчики

царапают гравий и тихо позвякивают.

Папи хватает меня за шиворот, пока я прохлаждаюсь на зеленой скамейке:

— Пойдем со мной на охоту. Тебе давно пора увидеть, что это такое.

Папи восемьдесят три года. Вот уже семь лет он грозится взять меня на одну из своих утренних вылазок. Теперь он всерьез настаивает. Я понимаю, почему: Папи боится, что его охотничьи деньки подходят к концу. И, к сожалению, ему нужно что-то кому-то доказать. В этом году он провел целый месяц в больнице в Перпиньяне: бронхит. Он прав. Мне надо пойти с ним. Я соглашаюсь. Мы бредем к его дому, и Папи наливает мне убийственный стакан домашней *eau de vie*[61], семьдесят пять процентов алкоголя. В магазине такого не купишь. Чин-чин, Папи. Вот. Мы улыбаемся друг другу, стоя в тусклом ореоле сорокаваттной лампочки — больше он ничего вешать над обеденным столом не соглашается, — и он снимает ружье с гвоздя над камином.

Мы решаем пойти в следующую среду, на заре.

Но во вторник вечером на съезде с шоссе (Безье-Запад) меня останавливает полиция. Другим

---

[61] Примечания: 61
Водка, дословно — вода жизни (*фр.*).

машинам они тоже машут. Кого-то ищут. Господи, они ищут меня. Машина попалась под радар. Я в панике. Меня окружают. Водитель пьян? Пока нет. Слишком рано. С налогом и страховкой все в порядке, но обе задние шины совершенно лысые. И чертов техосмотр надо было пройти еще два месяца назад. Предварительно поменяв шины. Если сейчас они меня прищучат, штраф будет под 5000 франков. Куда больше, чем шины и техосмотр вместе взятые. Черт, черт, черт, черт, блин, блин, блин, блин, суки, суки, суки, суки.

— *Vos papiers, Monsieur.* — Заминка. — *Excusez-moi, Madame*[62].

Мадам? Какая нафиг разница. Валяй, штрафуй меня.

— *Ou habitez-vouz?*[63]

Как где, да вот же перед тобой адрес, приятель. Вот, прямо на моей *carie grise*[64].

Он стоит, рассматривает мои документы — вид на жительство, паспорт, кредитные карточки,

---

[62] Примечания: 62

Ваши документы, мсье. Простите, мадам (*фр.*).

[63] Примечания: 63

Где вы живете? (*фр.*).

[64] Примечания: 64

Техпаспорт, документ со сведениями о транспортном средстве и его владельце (*фр.*).

страховой полис.

— *C'est vous qui faites les emissions en anglais pour Radio Cathar?*[65]

Да, да, это я. Наконец-то слава! Вы их слушаете? Передачи для полицейских? Правда? И как, от них есть польза? Да-да, это я. Важное общественное дело. *Vive l'entente cordiale*[66]. Теперь отпустите меня, мсье жандарм. Я поменяю шины немедленно, а может, даже раньше. Только пожалуйста, пожалуйста, отпустите.

Господи боже, он хочет поболтать. Попрактиковаться в английском.

— Нам очень нравятся ваши передачи. Очень интересные. И вы используете собственный опыт?

Всегда. Постоянно. Все с натуры. Каждая фраза. Меня отпустят? В виде исключения?

— Вы часто рассказываете о людях из вашей деревни?

Да, конечно. Не впрямую. Но я люблю достоверность. Все подробности про бродягу, который

---

[65] Примечания: 65

Это вы ведете английские передачи на "Радио Катар"?

[66] Примечания: 66

Да здравствует сердечное согласие. *(фр.)* "Согласие" ("Антанта") — название антигерманской коалиции в годы Первой мировой войны. Англия и Франция были союзниками по коалиции.

залез в домик Симоны и съел банку горошка, абсолютно точны. Так получается интереснее. Убедительнее. Я могу ехать?

— А история про кражу черного “мерседеса”?

А, здорово, правда? В нашей деревне отдыхают парижане, и у них черный “мерседес”. Но он, конечно, не краденый. Отпустите. Умоляю.

Он машет рукой: проезжайте.

К моменту возвращения домой моя встреча с полицией превращается в автомобильную погоню в духе Брюса Уиллиса, со сломанными шлагбаумами, скрежетом шин, быстрыми диалогами и наглым враньем. Зеленая скамейка в восторге. Все мы любим красивые истории.

Папи вытаскивает меня из кровати на заре. Я тащусь за ним и за сворой его собак. В долине красиво — виноградники окутаны тихим голубым светом. Мы недалеко от деревни. Отсюда еще можно различить черепичные крыши. Земля твердая, сухая. Мы перешагиваем через белые валуны в виноградниках. Я чувствую, что день зреет, вступает в свои права. Далеко впереди звенят колокольчики на собачьих ошейниках. У Папи есть старенький бинокль. Сквозь захватанные линзы я вижу красные шапки наших соседей — они высыпали на край тропинки, которая

идет по крутому склону в Виаланову. Время от времени мы друг другу машем. Наступающий день спокоен и тих. Нам запрещено начинать стрельбу, пока не станет совсем светло, иначе мы перебьем друг друга. Внезапно собаки начинают выть, их хор становится все сильнее. Они взяли след. Мы напрягаемся. Да, я слышу — далеко внизу, в русле реки, что-то тяжелое движется к нам сквозь заросли. Папи выбирается из виноградника, идет к дороге с ружьем наперевес, гибкий и напряженный. Я вижу, как его веснушчатые руки крепче сжимают лямки рюкзака. Нельзя стоять с уже заряженным ружьем. Если собираешься стрелять — заряжай его перед самым выстрелом. Папи заряжает ружье. Я отступаю в полной панике, прикрываю уши руками. О нет! Треск и вой в зарослях движется вверх, все ближе, ближе. Мы на дороге. Папи держит ружье наизготовку, крепко прижав его к плечу. Его руки не дрожат. Он знает, что кабан перебежит дорогу.

В следующие несколько мгновений все происходит так быстро, что я ничего не успеваю понять. Вот Папи, он стоит на дороге и целится. Я слышу, как несколько машин спускаются по серпантину за моей спиной. А из-за поворота с опущенными головами, привстав на сиденьях, появляются

парижане. Они мчатся вверх на своих гоночных велосипедах, темные очки приклеились к лицам, как черные маски ныряльщиков, рты раскрыты. Они видят, что Папи целится прямо в них. С воплями испуга и ярости они проносятся мимо. Они что-то кричат, но я не понимаю ни слова, потому что когда они задевают меня локтями, из леса выскакивает кабан, по пятам за ним мчатся собаки; кабан несется через дорогу. Папи дважды стреляет, и огромный фонтан теплой крови орошает нас обоих; кабан останавливается, шатается, оседает, падает. Мы слышим, что парижане все еще кричат. Они почти проехали следующий поворот дороги за нашими спинами. Я тоже кричу.

Я в полном ужасе. Раньше мне в голову не приходило, что бродящие по холмам кабаны — это страшно. Теперь я вижу: да, очень страшно. Зверь огромен, у него гигантские желтые клыки. Я больше никогда не пойду гулять в горы. Папи смотрит на кабана и на кровь, которая льется на дорогу. Видимо, он прострелил чудовищу сердце. Собаки кружатся рядом, тявкают, пускают слюну, принюхиваются к крови.

Потом вокруг возникают полицейские, везде, отовсюду; хватают ружье Папи, орут. Из дырок в капюшоне на меня таращатся глаза, и закры-

тый рот изрыгает очередь невразумительных криков.

Я поворачиваюсь.

Полицейские — везде, в темно-синей форме, в лыжных масках, будто штурмуют захваченный террористами самолет. У меня возникает странная мысль, что нас с Папи сейчас показывают по телевидению. Потом я вижу, что на дороге за нашей спиной грудой лежат гоночные велосипеды и два трупа. И я кричу —

— *Vous avez tué les Parisiens*![67]

— Заткнись! — рявкает один из убийц в маске. — Иди-ка домой, дедок! — орет он Папи. Старик отважно выхватывает у него свое ружье.

— Я не собираюсь оставлять этого кабана посреди дороги. Я его только что застрелил. И я иду домой за своим фургоном. Мой человек позаботится о том, чтобы вы его не тронули, пока меня нет.

Он в раздражении уходит, собаки бегут за ним следом. Ему наплевать на все, кроме мертвого кабана. Я вижу, что соседи семенят вниз по дороге от Виалановы к своим фургонам. Ситуация странно неопределенная. Я совершенно не понимаю,

---

[67] Примечания: 67
Вы убили парижан! (*фр.*).

что случилось. В недоумении смотрю на трупы.

— Зачем вы убили парижан?

— Послушайте меня, — рявкает жандарм, и только тут я понимаю, что это он останавливал меня на шоссе, — если у вас есть хоть капля разума, вы заткнетесь и перестанете задавать вопросы. Кто эти люди на самом деле, нам еще предстоит проверить. Как бы то ни было, вам повезло, что они вас не застрелили. И уж конечно, они приехали не из Парижа.

Он подвигает ногой один велосипед. Я вижу профиль женщины — как будто впервые. Гладкое, элегантное лицо, ровный красивый загар, нежная россыпь веснушек на переносице. Спокойное, мертвое лицо упрекает меня исчезающим шармом далеких городов.

— Вы уверены, что они приехали не из Парижа? А нам они сказали, что из Парижа.

7
Моя трактовка

Матильде

У меня конфликт с соседями. Этот конфликт носит абсолютно односторонний характер — они и не подозревают, что я с ними в ссоре. Во всем виновата я одна — нужно было все как следует проверить, прежде чем тратить тысячи фунтов на живописный обветшалый коттедж. Эта гремучая смесь вины, отвращения, самобичевания и дикой ярости — чувство, безусловно, извращенное, однако типично английское. Я не проявляю никаких внешних признаков неудовольствия — ну, может, бросила несколько сердитых взглядов украдкой да однажды хлопнула дверцей машины громче обычного. Ни о чем не подозревая, они весело машут мне руками всякий раз, как я прихожу и ухожу. Как-то они даже пригласили меня выпить по стаканчику перед обедом. Я подумываю немедленно выставить дом на продажу. Они говорят, как замечательно,

когда рядом есть *“quelqu’un qui médite a côté”*[68]. Сами они не размышляют ни о чем, кроме еды. Я привыкла работать целый день и испытываю почти религиозное чувство вины, если полчаса посижу на солнышке. Они, не краснея, проводят шесть часов за обедом, а потом приглашают всех своих друзей, чтобы со вкусом отдохнуть, то есть орать, хихикать и обмениваться сплетнями. А в пятницу вечером врубают музыку и устраивают полнокровную фиесту часов до трех утра, прямо у меня под дверьми. А я заражена своего рода фанатичным кальвинизмом. Они — не англичане, в отличие от меня. Они — французы.

Что это — конфликт интересов, конфликт мировоззрений, национальный конфликт? Не знаю. Может, просто разница темпераментов. Они, бесспорно, гораздо счастливее меня. Их много — несколько десятков, если считать постоянных визитеров, а меня не просто мало — я совершенно одна. Я разговариваю с компьютером, с радио, телевизором и магнитофоном. Я пишу пьесу. Они разговаривают друг с другом. Если бы я свободнее владела французским, то могла бы просто за ними записывать. Они все — звезды собственной

---

[68] Примечания: 68
Кто-то, кто размышляет в сторонке (*фр.*).

мыльной оперы: семейная мелодрама, эфирное время с восьми до десяти утра (перерыв на завтрак), с половины первого до трех (перерыв на *dejeuner*[69]), с шести тридцати до победного конца, всю ночь напролет. А фиеста! По воскресеньям представление идет без перерывов. Маман, разумеется, в главной роли — она отправляется на *lotissement*[70] в Капестан и торжественно возвращается в своем “рено-19”, набитом овощами и фруктами. Затем наша звезда устраивается у печки и принимается спорить с невестками и обсуждать семейные новости. Мелькают одни и те же имена. Похоже, никто из них не работает — я подсчитала, что все члены семьи ежегодно проводят пятнадцать недель в отпуске. Они не путешествуют и никуда не ходят. Нет-нет, они проводят свой бесконечный досуг в двух шагах от моих окон, смеясь и поглощая пищу. Они все безоблачно счастливы.

Я испробовала все. Покупала затычки в уши, и у меня от них начиналась икота. Закрывала все ставни и задыхалась. Слушала музыку в наушниках, и оказывалась прикована проводами

---

[69] Примечания: 69
Обед (*фр.*).

[70] Примечания: 70
Садовый участок (*фр.*).

к стереосистеме. Спала на полу в ванной, и все равно их слышала. Придется, наверное, приобрести автомат Калашникова — я уже принялась за изучение каталогов автоматического стрелкового оружия. Конфликт с соседями, о котором те даже не догадываются, вот-вот превратит меня в маньяка-убийцу. Мне придется провести остаток жизни в каком-нибудь французском эквиваленте тюрьмы Шпандау. И виноваты будут они.

Я — соучредитель и штатный драматург театральной труппы “Первоцвет”. Все в нашем театре обладают равным правом голоса, но голос соучредителя все-таки звучит более веско. В теории я весьма демократична и все мы здесь партнеры; на практике я считаю, что будет только справедливо, если они послушают человека с бóльшим жизненным опытом. В конце концов, кто заполняет бесконечные заявки на гранты и отсылает их в Совет по делам искусств? Кто сглаживает острые углы, когда худсовет приходит с инспекцией? Это я сижу в баре и поджидаю их, не выпуская из рук джин с тоником, пока вся труппа, сбившись в кучу, трясется от страха за кулисами. Нельзя сбрасывать со счетов и мою работу. Не забывайте, это мои диалоги они терзают на сцене. Так что пусть уж помалкивают и слушаются старших.

Что они, в общем, и делают.

Я пишу по одной пьесе в год. Иногда это что-нибудь компактное — полтора часа, три роли. А иногда, как в этот раз, приходится распинаться всем шестнадцати актерам, да еще убегать за кулисы и появляться вновь в плащах и шляпах, изображая толпу. Всегда кажется, что артистов больше, если нарядить их в плащи и шляпы. Мы гастролируем всю зиму — моя новая пьеса и что-нибудь из Шекспира (по школьной программе, как правило), а летом ездим на фестивали. Вернее, они ездят. Я на этом этапе откалываюсь от коллектива, отправляюсь во Францию, запасаюсь вином и свежим сыром и пишу пьесу на следующий год. Летние турне я оставляю своему компаньону Джорджу. Он их ненавидит, но куда денешься. Правда, иногда бывают и нечаянные радости. Например, они давали “Пиратов Пензанса”[71] совместно с любительским театром (разумеется, с нашими в главных ролях), и Джорджу удалось подцепить очень хорошенького мальчика в Аберистуите.

Джордж теперь не тот, что был прежде. Ему уже пятьдесят, и у него отросло аккуратное круг-

[71] Примечания: 71

“Пираты Пензанса” — комическая опера У. Гилберта и А. Салливана (1880).

лое брюшко. Правда, все волосы остались при нем. Я думала, мальчик в темноте не разглядел Джорджа как следует, но оказалось, что встреча произошла при ярком солнечном свете и свежем ветре, на скамейке напротив индийского ресторана, прилепившегося на краешке пирса. Так что мальчик видел пузо Джорджа во всей красе. Бедный Джордж, кажется, еще вчера он играл молодого Генриха V. Теперь блистает в роли Фальстафа.

А ведь мальчик даже не попросил денег. Они сговорились на бесплатном ужине и двух билетах на “Пиратов”. Джордж был уверен, что мальчик явится со своим бойфрендом, и вечер закончится мучительным унижением и приступом язвы со рвотой. Но мальчик не привел с собой дружка. Он пришел с мамой. Джордж водил их в буфет в антракте, где произвел сенсацию, размахивая шпагой и выкрикивая “Посторонись!”. Но потом ему пришлось катиться обратно на сцену на второе действие, а вся труппа “Первоцвета” скандировала: “Как звать девочку, Джордж? Как звать девочку?” И они вовсе не имели в виду маму.

Ну да ладно, оставим Джорджа в покое. Наступает лето, и я отправляюсь во Францию. Многие годы я снимала домик через агентство, на це-

лых девять недель, с хорошими скидками. Но я устала от треснувших стаканов и разномастных тарелок, от капризных газовых плит и мышей в буфете. И вот после одной особенно ужасной ночи на диванном валике, из которого лезли жуткого вида отрепья, тут же рассыпавшиеся в пыль, я направилась в риэлторское агентство ближайшего городка и, не сходя с места, купила крошечный коттедж за восемнадцать тысяч фунтов. Это был один из их *invendables* — иначе говоря, мертвый груз, — и они были счастливы сбыть его с рук.

Существует множество причин, по которым дом может плохо продаваться, помимо таких эндемических катастроф, как плесень, термиты или прокладка автотрассы. Дом может быть слишком далеко от дороги, или слишком близко к ней, в нем может быть слишком большой сад или слишком маленькая терраса, вид на реку может оказаться слишком мрачным. Я всегда считала, что на любой дом в конце концов найдется покупатель, но, боюсь, этот мне не продать. Если он для кого и представляет интерес, то разве что для тех самых соседей, но трудно представить себе, чтобы жилище с единственной спальней и убогим стенным шкафчиком могло бы послужить хотя бы флигелем для их неисчислимых полчищ.

Когда я впервые увидала свою будущую собственность, она являла собой прелестную картину — коттедж затаился в углу романтичной средневековой площади, розовые кусты обвивали дверной проем. Прекрасно сохранившийся узкий кирпичный фасад, никакого сквозного проезда, два ряда стройных лаймовых деревьев и мраморный фонтан, упомянутый в путеводителе. Стояло воскресное утро, и тишину нарушали лишь церковные колокола. Дело было в феврале, и воздух был чист и пронзителен. Я сказала себе, что если дом так понравился мне зимой, насколько же прелестнее он окажется летом, когда я буду здесь жить. Для британских домов это золотое правило, верно? Не то на юге Франции. В летние месяцы в вашем уединенном убежище расположится практически все население Голландии, четыре миллиона немцев и более половины парижан.

Мое пристанище неловко приткнулось под мышкой у соседского дома. Два строения, несомненно, были когда-то единым целым. Отпочковавшаяся канализационная система сохранила живейшую связь с истоками: когда бы ни спускалась вода в соседском туалете (а происходит это примерно раз в двадцать секунд) бурный поток низвергается непосредственно по стене моей

гостиной. Кажется, что сидишь на самом краешке унитаза, и тебя вот-вот смоет мощной волной. Я буквально живу с соседями, я присутствую при самых интимных их отправлениях. Я слышу, как они моются, пукают, зевают, ворочаются в постели, тушат свет. Я слышу каждое их слово.

Впрочем, в доме они проводят не слишком много времени. Ведь это юг — здесь все живут на свежем воздухе. Средневековая площадь — общая, и теоретически каждый из нас имеет право установить с грохотом свой стул и стол и хлебать аперитив до тех пор, пока не сотрутся различия между черными маслинами и пряными мексиканскими чипсами. На деле благословенная тень вечно захвачена узурпаторами: там сидят соседи.

Они сидят там десятилетиями. Вполне возможно, их предки сидели там еще в средневековье. Это их тень. Они не отдадут ни пяди. Мне удалось их слегка взбудоражить, когда однажды утром, в самом начале, я прошествовала по площади с шезлонгом и книгой. Я только улыбалась и кивала приветливо, всячески давая понять, что не представляю никакой опасности. *Que la fete*

commence![72] И праздник начался — гремела музыка, подъезжали мотоциклы. Читать в таких условиях выше человеческих сил, но им на это глубоко плевать. Здесь счет идет не на книжки, а на задницы. А по количеству задниц у них — сокрушительное превосходство. Ежедневно за обеденный стол садится двенадцать человек. Я сдалась и ретировалась в дом, они же остались заливать “Рикар” в ненасытные утробы, бутылку за бутылкой. Нет, это не свободная страна. Это — их страна. *Vive la France!*

Я пытаюсь хотя бы отчасти сквитаться с ними при помощи телевизора. Но я смотрю “кино не для всех”: шепот, субтитры. Они же смотрят американские боевики, в которых все умирают под оглушительную пальбу, и безумный сериал под названием “Горец”, где мужики в клетчатых юбках, поклявшиеся отомстить Макдоналдам, летают на машине времени и машут волшебными мечами. Какой-нибудь “Вечер в Голливуде” постоянно заглушает моего Антониони. Я тщательно обдумала ответный удар и потратила целое состояние на тяжелую артиллерию: привезла

[72] Примечания: 72
Пусть начнется праздник! (*фр.*).

“*Götterdämmerung*”[73] и музыкальный центр с мощными динамиками. Но, увы, я — англичанка. Я не могу мешать их ежедневному празднику, как бы ни мешали мне они. Так что я поступаю в духе национальных традиций: сижу за занавесками, выглядываю в щелочку и ненавижу их всеми фибрами души.

Однако даже английскому терпению есть предел. Вспомните Азенкур и Ватерлоо[74] — это у нас в генах. Мое терпение закончилось на младенце четырех месяцев от роду. И я вышла на тропу войны. Вот как это случилось.

Жан-Ив и Луиза, обожаемый сын и неизбежная невестка, прибыли из Парижа на “ситроене-306” и поставили его на моем парковочном месте под *múrier*[75], на единственном тенистом пятачке, оставшемся на площади. Где он и простоял весь следующий месяц, в то время как моя машина поджаривалась возле фонтана. Будто бы мелочь, но мелочи тоже не сбросишь со счетов. Из утробы

---

[73] Примечания: 73

“Гибель богов” *(нем.)*, оперная тетралогия Р. Вагнера.

[74] Примечания: 74

Азенкур — место решающей победы англичан над французами в Столетней войне (1415); Ватерлоо — место победы английских войск под командованием герцога Веллингтона над армией Наполеона (1815).

[75] Примечания: 75

Шелковицей (*фр.*).

этого самого “ситроена” был извлечен багровый орущий младенец, который, по-видимому, не слишком хорошо перенес дорогу. Остальное семейство впало в состояние религиозного экстаза от его мощных легких и вонючих пеленок. Не знаю, как вы, а я детей терпеть не могу и никогда не допускаю их в свои пьесы. Ранние проявления преступных наклонностей родители часто принимают за гениальность. Переходный возраст — пытка для окружающих, а вовсе не для самих подростков. Почуяв потребительские инстинкты, они тут же начинают опустошать ваш кошелек и холодильник. Их бытовые привычки отвратительны. Однажды я мельком обзавелась падчерицей, которая выкрасила всю ванну в лиловый цвет, пытаясь придать пикантность своим мышиным космам. А уж младенцы — нет, у меня нет слов. Мне посчастливилось принадлежать к культуре, которая ненавидит детей еще больше, чем я. Однажды мы с Джорджем истоптали башмаки, разыскивая в Сохо какой-нибудь приличный ресторанчик, который бы при этом не опустошил мою кредитную карточку. В конце концов Джордж потерял терпение: “Ну этот-то чем плох, женщина?!” Я вынуждена была сознаться, что ищу благословенную надпись: “С

детьми и собаками вход воспрещен". Наверное, сейчас такие вывески запретили по каким-нибудь правилам Евросоюза. Я провела немало времени в сомнительных заведениях, беседуя у барной стойки с интересными трансвеститами различных полов, исключительно потому, что такие места считаются неподходящими для детей.

Но вернемся к нашему *divin enfant*[76], на которого немедленно сбежалась смотреть вся округа. Я начала узнавать эту интонацию изумления, восторга, "ути-пути, гули-гули, *comme tu es belle, ma petite chérie*"[77], непрерывно звеневшую в моем доме во время многочисленных визитов. Затем, к моему ужасу, вдруг улучшилась погода, бывшая до этого не по сезону холодной и дождливой. Температура в тени шелковицы достигла 35 градусов. У младенца начали резаться зубки, и его выставили на улицу в одном подгузнике и крошечной футболке, явно вменив ему в обязанность издавать истерические рулады до потери пульса. Орущее создание находилось теперь в каких-нибудь двух футах от моих белых тюлевых занавесок. По смене регистра и характерному

[76] Примечания: 76
Божественному младенцу (*фр.*).

[77] Примечания: 77
Какая же ты красавица, моя маленькая (*фр.*).

бульканью я безошибочно могла определить, когда оно набирает воздух в легкие, собираясь с силами, чтобы снова завопить во всю мощь. Из дома выбегает Маман, в роли опытной утешительницы, без малейшего эффекта. Ор становится оглушающим. По мере того как у *petite chérie* поднимается температура, уровень звука все прибывает. И так все утро, все мои лучшие рабочие часы. К одиннадцати побиты все рекорды громкости. Так продолжалось день за днем. Я хотела послать в Англию за чудо-таблеткой под названием “Калпол”, которую один из моих бывших испробовал на своей дочери. Я совершенно отчаялась. Да охладите же ее, черт вас возьми! Может, тогда она не будет вопить беспрерывно днем и ночью! Или, может, они считают, что страдание очищает душу? Я решила действовать.

Я кладу кубики льда в большой кувшин, жду, пока вся глиняная поверхность покроется капельками влаги, отодвигаю краешек белого тюля и проливаю немного ледяной воды — в некой имитации крещения — на это розовое вопящее мясо. Я беззаботно говорю себе, что хорошо бы ее утопить. Эффект потрясающий. Должно быть, это шок. Создание прекращает орать. Она выпучивает глаза и смотрит на руку и скрывающийся

из виду кувшин. Наступает ужасная, грозная пауза, райская тишина обволакивает площадь, и только звон посуды оповещает о том, что соседи готовятся обедать: да-да, лишь случайное звяканье кастрюль и сковородок нарушает это божественное молчание. Потом ощущение чего-то холодного, мокрого, чистого, как жидкий азот, охватывает крошечную тварь. О, пронзительность ледяной воды, оглушающая, мучительная ее сладость! Младенец издает взвизг, который посрамил бы иерихонскую трубу — единственная, пронзительная нота, мечта любого итальянского сопрано. Маман, Луиза, Жан-Ив, Лоретта, Сабина, Бернар и Филипп, который как раз гостит в доме, высыпают наружу, подобно Великолепной Семерке.

— *Mon Dieu*!

— Она вся мокрая и холодная!

— Вызовите доктора!

— Жан-Ив, как ты мог оставить ее одну?

Очень даже запросто, он отлучался по большой нужде. Я слышала каждый стон.

— *Merde.* Она больна.

Зажатая в тисках красных обветренных рук Маман, *petite chérie* меняет тактику. Плотно зажмурив глаза, она открывает рот как мож-

но шире, делает глубокий вдох и испускает пронзительный вой, в котором явно слышится агрессивная нота самой настоящей ярости. Вот бы мне так научиться. В полном сознании своей правоты, изо всей силы, без малейших сомнений. Плевать на всех! Я, мне, мое, еще! Вдох — вопль, вдох — вопль, вдох — вопль, вдох…

Вот вам театр Антонена Арто, антитеатр, театр ненависти. С меня хватит.

Быстро. Собрать рукописи. Все эти сумбурные диалоги, которые никогда не станут пьесой. Быстрее. Карандаши. Ты ведь всегда пишешь карандашами. Чистая бумага. Очки, кошелек, паспорт, ключи от машины. Назад в Англию, в чудесную, прохладную Англию, где дождь смывает соседей из поля зрения. Домой, в уродливую коробку, где тишину нарушает лишь нежное гудение газонокосилки или кошачья драка на заднем дворе. Благословенная средняя Англия. Средний класс, средний возраст, средний обыватель — славный, уютный мир, где мы все ненавидим друг друга на почтительном расстоянии.

Я плюхаюсь в машину и тут же выскакиваю обратно. От руля — ожог третьей степени, задница горит огнем. Быстро, быстро, открыть все окна. Вон уже соседи потянулись за стол, забыв про

младенца. Побрызгать сиденье водой из фонтана. Лицемерка до конца, я улыбаюсь и машу рукой. Затем срываюсь с места, трясясь от злости и ужасного сознания, что я способна убить человека, да что там — перебить их всех. Мне не просто хочется прервать одну едва начавшуюся хрупкую жизнь, придушить невинного младенца четырех месяцев от роду — мне хочется стереть с лица земли все проклятое племя. Так начинают серийные убийцы. Сначала сидят взаперти, почти никуда не выходят, а потом вдруг появляются, одетые как маньяки в фильмах, зверски расправляются с домашними и принимаются за соседей.

Я веду машину, как ветеран “Формулы-1”, закладывающий виражи на Гранд-Корниш. Маленький городок остается позади. Я остаюсь наедине с красной землей и белыми скалами, в стране, которую люблю. Вокруг — виноградники, зеленое, зеленое, целые моря зелени, сочащейся плодородием. Вон река, сжавшаяся от жара, водоросли сохнут на камнях, высунувших спины из холодного, бурлящего потока. И вот следующий крошечный городок виднеется вдали за трепещущими тополями.

CESSENON-SUR-ORB, son église du XIIIe siècle, ses remparts. Camping municipal troisième rue à

gauche. Fête locale 5/6 et 7 juillet. Marchés: mardi, vendredi et dimanche matin devant l'église. HÔTEL DU MIDI**, ses plats gastronomiques régionaux. Place de la Révolution[78]…

Все вокруг слегка дрожит в густом мареве. Я слышу, как шины чавкают о расплавленный асфальт. И тут открывается огромная зеленая пещера — это и есть площадь Революции, где люди мирно едят за маленькими столиками в тени деревьев.

Я забыла дома все, что только возможно. Чековую книжку, кредитные карточки, билет в тоннель под Каналом, зубную щетку, всю свою одежду. Я даже дверь не заперла. Я так голодна, что могла бы съесть злосчастного младенца. Визг тормозов — я останавливаюсь.

Мое появление в маленькой сумрачной столовой "Отеля дю Миди" производит небольшую сенсацию. Вставшие дыбом седые волосы, мешковатая фиолетовая футболка с огромным подсолнухом скрывает необъятную грудь, ниже полукругом надпись: "Первоцвет". Я выгляжу,

---

[78] Примечания: 78

Сессенон-сюр-Ор, церковь XIII в., крепостные стены. Муниципальная парковка — третья улица направо. Местный фестиваль 5, 6 и 7 июля. Рынок: вторник, пятница и суббота по утрам перед церковью. "Отель дю Миди"**, местная кухня, площадь Революции (*фр.*).

как ожившая мечта радиосадовода Перси Троуэра. В руках у меня зажаты исписанные листки, пяток карандашей, с десяток дискет и огромный растрепанный том Шекспира, который нетрудно принять за телефонный справочник. Разумеется, никакой сумочки. Ансамбль дополняют разномастные шлепанцы, один черный, другой красный. Я опоздала к обеду на полчаса. Все, кто сидит в столовой, едят здесь каждый день. У них свои столы и салфетки. Они уже почти прикончили *escalope de veau à la crème* с *pommes frites* или с *pommes de terre dauphine* и *salade verte*[79]. Они приходят сюда с мужем, с сестрой, с маман, с товарищами по работе или коллегами из Нанта, приехавшими на *"quatre jours"*[80]. И сейчас все они замолчали и уставились на меня. Стоп-кадр. Готова? Да. Мотор!

Мадам скользит мне навстречу, подняв брови.

— Надеюсь, я не слишком опоздала к обеду, — говорю я на своем потрясающем французском.

— Нет-нет.

Мадам — великолепная крашеная блондин-

---

[79] Примечания: 79

Телячий эскалоп в сливочном соусе с жареной картошкой или картофельным пюре во фритюре и зеленый салат (*фр.*).

[80] Примечания: 80

Несколько дней (*букв.:* четыре дня) (*фр.*).

ка, некогда — пожирательница сердец. У нее изумительные серые глаза. Когда-то она была первой красавицей деревни, теперь переходит в следующую стадию — становится неотразимой, могущественной, чувственной; замужней, но все еще страстно желанной. Каждый хочет стать ее любовником. Она — бессменная прима “Отеля дю Миди”. Из-за колонны выглядывает девочка лет десяти — должно быть, дочь. У них одинаковые глаза.

Меня ведут в глубину зала. Пока я иду по проходу, словно по сцене, все взгляды скрещиваются на мне, и я отчетливо припоминаю, почему бросила актерство. Но если я не смогу писать пьесы — а за все лето благодаря непрерывной соседской фиесте я еще не написала ни строчки, которая бы на что-то сгодилась, — я очень даже легко могу снова очутиться на подмостках, а “Первоцвет” будет представлять нечто невыразимое из Тома Стоппарда. К тому времени как мадам усаживает меня за столик, я почти в слезах. Весь ресторан видит, что сумасшедшая англичанка с всклокоченной шевелюрой в фиолетовой хламиде сейчас расплачется. Мадам разглаживает безупречную скатерть, ее голос опускается на октаву:

— *Voilà.* Здесь вы сможете разложить свои бу-

маги. — Ее интонации ласкают, успокаивают. Я стараюсь подавить нахлынувшие чувства — жалость к себе, отчаяние, облегчение…

— Спасибо, — осторожно всхлипываю я. Мадам излучает участие и симпатию. — Спасибо. Понимаете, я не могу писать дома. А я должна писать. Мне необходимо писать. А мне не дают. А я — писательница. Я не хотела ничего плохого… Но я не могу, не могу… — И тут у меня вырвалась фатальная фраза, вполне невинно, по ошибке — но именно она послужила причиной всего, что случилось тем летом: — *Enfin, j'ai dû partir de chez moi.* — Мне пришлось бежать из дому.

Весь ресторан всколыхнулся в порыве сочувствия и негодования. *"La pauvre dame… c'est intolerable. Heureusement elle est partie… Tiens, la même chose est arrivée chez ma cousine… La pauvre dame…"*[81]

Я окунаюсь в розовое свечение солидарности. Я наконец дома. Я киваю своим сотрапезникам. Прибывает *oeuf mayonnaise*[82] — майонез воздушный, желтый, безумно калорийный и вредный.

---

[81] Примечания: 81

Бедняжка, это просто возмутительно! Хорошо, что она вырвалась оттуда… да-да, с моей кузиной было то же самое… (*фр.*).

[82] Примечания: 82

Яйцо под майонезом (*фр.*).

Домашний. Я смотрю на юное загорелое лицо, длинные, темно-золотые волосы, серые глаза. Она улыбается, но ничего не говорит. Наконец-то совершенно безмолвное дитя! Я улыбаюсь ей в ответ.

— *Comment tu t'appelles, toi?*

— *Mathilde.*

— *Bonjour, Mathilde.*

— *Et vous?*

— *Henri.*

— *C'est un nom de garçon*[83].

— Это сокращенное от Генриэтты.

— Я буду звать вас Стило́, ведь вы писательница.

Stylo — это ручка. Не то чтобы мне пришлось по душе такое прозвище.

— Но я пишу карандашами! Может быть, ты будешь звать меня "*crayon*"?

— Вы не похожи на карандаш. *Tant pis*[84]. Дайте

---

[83] Примечания: 83

— Как тебя зовут?
— Матильда.
— Очень приятно. Матильда.
— А вас?
— Анри.
— Но это мужское имя! (*фр.*).

[84] Примечания: 84

Увы (*фр.*).

мне ваши карандаши, я их наточу. И вы сможете писать!

Мы стали друзьями.

Весь ресторан одобрял мой выбор: рыба, бутылка “*Rosé*”, вода со льдом. Все были довольны, когда я заказала местный сыр, слегка попахивающий козлом. Они разделяли мое удовольствие от *tarte aux prunes*[85], самолично испеченного бабушкой Матильды, которая тоже вышла посмотреть на вновь прибывшую. Я пью вторую чашку кофе и успешно продвигаюсь к концу первой сцены второго акта, когда мадам появляется, чтобы узнать, как я себя чувствую.

— Спасибо, мне гораздо лучше.

— Всякое бывает.

— Увы.

— Надеюсь, все еще можно поправить.

— Не думаю. Но я, по крайней мере, не устроила скандала.

Устраивать скандал — это очень по-французски, здесь это в порядке вещей. Мне никогда их не понять. Мы киваем головами в полном согласии.

— Значит, вы не сказали ничего непоправимого?

---

[85] Примечания: 85
Сливового пирога (*фр.*).

— Что вы, я бы никогда себе этого не позволила.

— Однако вам пришлось уйти из дому.

— Не знаю, как я не сломалась раньше. Это продолжалось несколько недель.

— Недель! — Мадам не верит своим ушам.

— Собственно, с тех пор, как я сюда приехала. Я ведь понятия не имела… Вот так веришь людям на слово, а потом…

Мадам понижает голос. Мы — две женщины, обсуждающие свои женские секреты:

— Может быть, вам нужна комната в отеле?

— О нет. — Я мрачно усмехаюсь. — До этого еще не дошло. Но может дойти.

— А *он* знает, где вы?

И вдруг, в ужасной вспышке озарения, я понимаю, почему весь ресторан так драматически мне сочувствовал. Я — *жертва домашнего насилия.* Весь сценарий немедленно развернулся перед моими глазами, как в книжке комиксов. Я — женщина в возрасте. Мою личную жизнь давно пора сдать в архив. Но не тут-то было! Амур натягивает тетиву, и я сломя голову бросаюсь в любовное гнездышко на Средиземноморье, где мне внезапно открывается истинное лицо Южного Мачо, когда это усатое чудовище хватается

за бутылку и кнут. Джордж родит от смеха, когда я ему расскажу. Но что, черт возьми, я должна сказать этой щедрой, сострадательной, цветущей блондинке? Она смотрит мне в глаза с таким неподдельным сочувствием, что я того и гляди забуду роль. Паника. Собраться. Моя реплика.

— Вы очень добры. Но, знаете, я сегодня вернусь домой. Я должна сделать еще попытку. В конце концов, это мой дом.

— *Vôtre maison. Ah, bien.* Я понимаю. *Mais écoutez*[86]… Если он не дает вам работать, а вам необходимо писать… приезжайте сюда. Я выделю вам стол, вы будете работать после обеда сколько захотите. Мы не используем столовую после ланча. И здесь очень прохладно.

У меня есть кабинет! Тихий, чудесный кабинет, со сводчатым потолком и глубокими каменными нишами, упомянутый в путеводителе и имеющий две мишленовские звезды, кабинет в уютной деревеньке Сессенон-сюр-Ор. Мы с мадам жмем друг другу руки и обмениваемся понимающими взглядами. Есть, есть на свете справедливость. Есть Бог. Возрадуемся.

Матильда появляется у моего локтя. Стоит и

---

[86] Примечания: 86
Но послушайте (*фр.*).

просто смотрит. Я думаю, что это одна из причин моей нелюбви к детям — в них есть что-то жутковатое. Их лица часто неподвижны, и трудно даже отдаленно вообразить, что творится в их головах. Им чужды этика и мораль — ведь это вещи не врожденные, а приобретаемые. Однако этот ребенок меня совершенно не раздражает. Она на моей стороне. Стоит рядом, дружелюбная, готовая помочь, и протягивает мне отточенные карандаши.

— Хотите чаю с лимоном? — спрашивает она. — Он вас лучше освежит, чем еще одна чашка кофе.

Боже мой, она говорит совсем как взрослая.

— Да, спасибо, Матильда, с удовольствием.

Она приносит высокий стакан в серебряном подстаканнике, на русский манер, и очень осторожно ставит его на стол передо мной. Теперь чай надежно доставлен, и она снова стоит неподвижно, глядя на меня, но не на мою рукопись.

— Хочешь посмотреть, что я написала?

— Я еще не учу английский.

Мы молчим. Она смотрит на меня. Мы обе чувствуем расположение к более доверительной беседе.

— Твой муж убьет тебя? — звонко спрашивает

Матильда. — Маман говорит, такое часто случается.

— Все может быть. Но он не муж. Так, приходящий любовник.

— Да, у маман тоже есть такой. Ее кузен. Папа не возражает.

Я слегка ошарашена этим сообщением, но охотно поддерживаю разговор:

— Надеюсь, он не бьет маман.

— О нет. И папа тоже никогда. Она им обоим нравится. А почему ты не нравишься твоему любовнику?

Хороший вопрос. Я пока не придумала эту часть сюжета, здесь я плаваю. Матильда с присущим ей благородством по-своему истолковывает выражение отчаянья на моем лице.

— Не огорчайся! Все еще исправится. Почему ты не пьешь чай?

Она похлопывает меня по руке, как профессиональная сиделка, и исчезает. Вскоре она возвращается с большой тетрадью в бледно-голубую клетку, садится напротив с цветными карандашами и начинает рисовать. Мы сосредоточенно работаем в дружеском молчании. К вечеру Матильда вручает мне мой портрет. Я пишу, подсолнух на моей футболке выкрашен

ярко-желтым, волосы стоят дыбом, дикими панковскими шипами. Надо взять в рамку и повесить на стену.

Чай с лимоном не упомянут в счете, но когда я заговариваю об этом, мадам непреклонна.

— О нет. Это подарок от Матильды. Она сама заваривала. Она сказала, что это для вас.

Я благодарно кланяюсь и оглядываюсь в поисках Матильды. Но она таинственным образом исчезла. Как оказалось, она ждет меня у машины, чтобы попрощаться.

— *A demain*? — говорит она с надеждой, глядя на кучу кассет и книг, наваленных в салоне.

— До завтра, — соглашаюсь я. — Непременно, в половине первого. Надеюсь, мой столик будет меня ждать.

В этот вечер я звоню Джорджу, в восторге от своих приключений и от того факта, что я теперь — жертва мужского произвола. У Джорджа на этот счет особое мнение. Он думает, что все женщины похожи на Гонерилью и Регану, только и делают, что замышляют всякие злодейства. Да и под личиной кроткой Корделии наверняка скрывается стерва не хуже ее бессердечных сестриц. Однако он охотно соглашается, что все мужчины — подлецы и обманщики, этому его учит весь его

любовный опыт. Тут я не судья. В мужчинах я не разбираюсь. А про женщин он прав.

Да, ниже пояса — они кентавры,

Хоть женщины вверху!

До пояса они — богов наследье,

А ниже — дьяволу принадлежат;

Там ад, там мрак, там серный дух, там бездна,

Жар, пламя, боль, зловонье, разрушенье…[87]

И так далее. Все правда, дорогие мои, чистая правда. Джордж надеется, что новая пьеса будет комедией, поскольку репетиции “Короля Лира” совершенно его измотали. Я обещаю подсластить свое воображение всеми мыслимыми способами.

Так это все и начинается. Я довольно успешно работаю во второй половине дня. Матильда напротив усердно корпит над своим *devoirs de vacances*[88]. Пьеса обретает форму.

---

[87] Примечания: 87

Здесь и далее цитаты из трагедии “Король Лир” У. Шекспира приведены в переводе Т. Щепкиной-Куперник.

[88] Примечания: 88

Заданием на каникулы (*фр.*).

Но в восьми километрах отсюда, на раскаленной площади, ежедневная фиеста набирает обороты. Отчасти виной тому жара. Наши дома заполонили мухи, целые вавилонские башни мошек вьются под большим абажуром. К одиннадцати утра стены раскаляются. Белье высыхает в одну минуту, нигде ни ветерка. Старухи в черном на другой стороне площади сидят, словно приклеенные к своим стульям в патриархальной тени, осторожно освободив ноги от клетчатых шерстяных шлепанцев. Вся земля вокруг задыхается. Река пересохла. Лишь несколько зловонных луж осталось в самых глубоких расщелинах русла. Соседи выставили свои пожитки на тротуар прямо перед моими окнами. Развели огонь для барбекю. Мою гостиную наполняет темное облако ароматного дыма. Из Марселя прибыли новые родственники — по их словам, квартиры уже не *vivable*[89]. Улицы городов плавятся под солнцем. Какое счастье, что можно укрыться здесь, на мирной средневековой площади, в гостеприимном лоне семьи. Телевизор водрузили на подоконник, чтобы продолжать наслаждаться “Горцем” и “Вечером в Голливуде”, вдыхая остатки свежего

[89] Примечания: 89
Пригодны для жизни (*фр.*).

воздуха, увлажненного брызгами фонтана. Все семейные разговоры свелись к жаре, как вынести этот кошмар и что же теперь готовить на обед, в такое-то пекло. Даже сыр нынче живет в холодильнике. Единственное разнообразие в беседу вносят рассуждения о неизбежной грозе.

Дети сделались капризными, вялыми, сомнамбулическими. Младенец стал невыносим. Мне выпала честь слушать протяжное, выматывающее хныканье и идиотские отговорки родителей в ответ на разумные предложения Маман. Их любимый бассейн высох. У *piscine*[90] слишком много народу. О машине даже подумать страшно.

— *Alors, la plage. C'est hors de question… Maman, Maman, Maman, j'en ai marre…*[91]

Родственники из Марселя жаждут узнать, что сумасшедшая англичанка сделала с домом, который некогда принадлежал дяде Жюлю и, конечно, должен был остаться в семье. Далее следуют долгие сетования на французские законы о наследстве. Все это мне уже приходилось слышать не раз. Как можно разлучать семьи…

---

[90] Примечания: 90

Пруда (*фр.*).

[91] Примечания: 91

На пляж? Об этом не может быть и речи… Маман, маман, маман, с меня хватит (*фр.*).

Да, разлучишь их, как же. Это племя прямо-таки слиплось — суперклей плюс объединяющая ненависть к дядюшке Жюлю, который оказался весьма удобным козлом отпущения. А что, *la voisine*[92] провела центральное отопление? Дом дядюшки Жюля всегда был сыроват. Они вглядываются в густой тюль на моих окнах. М-м-м? Меня обсуждают в общем и в частностях, не понижая голоса, как *la voisine anglaise.* Но когда Маман снисходительно замечает, что “мы ее почти не видим, она очень тихая”, я готова разбить телевизор об пол.

Конечно, я этого не делаю. Вместо этого я закрываюсь в ванной, единственной комнате, где окно не выходит на площадь, выкуриваю две сигареты, после чего выскальзываю через черный ход в узкий вонючий проулок, благоухающий расплодившимися котами. Как бы мне проникнуть в машину и смыться отсюда, чтоб не пришлось улыбаться и махать рукой этим эгоцентричным чудовищам?

Может, это звучит непоследовательно и нелогично, но теперь, когда я могу работать во второй половине дня, соседи раздражают меня пуще прежнего. Даже если мне удается встать порань-

---

[92] Примечания: 92
Соседка (*фр.*).

ше и успеть написать страничку-другую перед завтраком, потом я снова лишь беспомощно скрежещу зубами до самого обеда — это сводит меня с ума. Меня бесит даже скромная сумма в семьдесят франков, которую я ежедневно плачу в “Отеле дю Миди”. Почему я не могу поесть дома? Но больше всего я ненавижу ежевечерний кошмар пустопорожней болтовни и дурной музыки. Люди и представить себе не могут, как скучны для постороннего уха их семейные разговоры. Особенно для такого уха, которое не желает их слушать. Хорошо бы я не понимала ни слова по-французски. Тогда, по крайней мере, я была бы избавлена от бесконечных пересудов о покойном дядюшке Жюле, его ужасной кончине, крестинах *divin enfant*, грядущей свадьбе Софи и Жан-Пьера, кто бы они ни были, и о том, что же, боже мой, они все будут делать, если Лоран уедет в Канаду? Если бы я не знала языка, все это было бы для меня лишь нечленораздельной надоедливой трескотней, а не вопиющим нарушением моего личного пространства. К концу первой недели жары я готова на свои деньги купить билеты Лорану. Пусть хоть один из них уберется отсюда навеки.

Я не могу читать. Не могу спать. Не могу боль-

ше.

Джордж прислал мне видеозапись нашего “Короля Лира”. Он играет Кента. Они приняли дерзкое режиссерское решение играть в елизаветинских костюмах, в помпезном драматическом стиле, с реквизитом, декорациями, настоящими боями на шпагах; в камзолах и рейтузах с гульфиками. Мужчины в трико. Я судорожно сглатываю. Они ухнули весь костюмный бюджет на год вперед. Джордж явно готовил свое умопомрачительное представление с оглядкой на незабвенного “Макбета” в исполнении Питера О’Тула. Я-то знаю, как неоднозначно можно интерпретировать жест Глостера, когда он похлопывает Кента по яйцам в первой сцене. В первом акте все выходят и яростно орут друг на друга. Лир дает по зубам Корделии, громит реквизит и угрожает перерезать Кенту горло. Я сижу и смотрю с ужасом, не в силах пошевелиться, когда Корделия тянет к лицу сестры ярко-алые крашеные когти, а потом плюет, совершенно буквально, на своих злосчастных ухажеров и отбывает во Францию. “Король Лир” как семейная свара, прошу любить и жаловать.

На мгновение я снова дома, со своей труппой, всецело поглощенная зрелищем.

И тут соседи начинают петь.

Сегодня чей-то день рожденья, семейное празднество. И еще кто-то — кто-то из гостей — то ли женится, то ли крестится, то ли идет к первому причастию.

— Жан-Ив, спой! Жан-Ив, спой! *Jean-Yves, une chanson!*

Они скандируют и лупят кулаками по столу. У Жан-Ива есть гитара несказанного звука. Тра-ан-нг. Вот и первый аккорд, возвещающий электрическое нашествие.

Все. Мое терпенье лопнуло.

Я не могу разбить телевизор, потому что там, на экране, совсем близко, вопит Джордж, готовясь разрубить Освальда на кровавые куски. Поэтому я увеличиваю громкость до максимальной отметки, и Джордж взрывается ревом:

Мерзавец ты, фита, ненужная буква в азбуке! Разрешите мне, милорд, и я этого непросеянного подлеца разотру в порошок и выкрашу им стены отхожего места. Пощадил мою седую бороду! Ах ты трясогузка!

Я иду к посудомоечной машине, и все кастрюли, тарелки и чашки летят об стенку с жутким грохотом. Плевать! Все равно это дешевка из супер-

маркета. Джордж вторит мне с экрана новыми раскатами рева:

Язви тебя чума, кривой урод!

Гогочешь надо мной, как над шутом?

Попался б ты мне, гусь, в открытом поле,

Как ты подрал бы, гогоча, домой!

Я сметаю осколки со стола и визжу на пределе голоса, совершенно заглушая Освальда:

Старик, с ума ты спятил!

Чеснокодавилка падает в раковину и разбивает два стакана сразу. Схватив пустую винную бутылку, я атакую буфет, по дороге сметая телефон и “Минител”[93], затем на секунду приостанавливаю домашний погром и начинаю швырять всю аккуратно сложенную стопку дров в камин. Трах! Бам! Хрясь!

Будь я собакой вашего отца,

Со мною бы вы так не поступили!

---

[93] Примечания: 93

“Минител” — онлайновая потребительская система, позволяющая просматривать телефонные справочники, заказывать билеты, получать доступ к различным базам данных и т. д. Ранний аналог Интернета. Действует во Франции с 1982 г.; для доступа к “Минител” необходим небольшой и недорогой терминал.

— гремит Джордж из телевизора в полную силу драматического пафоса.

Моя гостиная лежит в руинах. Я хватаюсь за пульт. Джордж исчезает, и гробовое молчание воцаряется по обе стороны оконных ставней.

Ураган моей ярости бушевал ровно четыре минуты. Я лежу, затаившись. Из лагеря соседей доносится легкий шорох и перешептыванье. Интересно, они попрятались в дом или отступают к машинам? Не могу поверить. Не может быть. Это было бы слишком прекрасно. Они уходят в дом! Ура! Я триумфально восседаю посреди хаоса из разбитых тарелок и слабо вибрирующих кастрюль. Торжествуя, я наливаю себе стакан виски.

Однако минут через двадцать, когда я приканчиваю уже второй стакан, мирно наслаждаясь виолончельным концертом Баха — у меня хватило ума не расколотить диски, — раздается громкий стук в дверь. О боже, я, кажется, знаю, кто там. И — да, в самом деле, это она — руки скрещены на груди, лик суров. Маман!

Понятия не имею, как выгляжу я, но комната не оставляет сомнений в том, что здесь орудовала шайка полоумных бандитов. Жертва, раскрасневшаяся и дрожащая, сжимает в одной руке

бутылку виски, в другой — стакан внушительных размеров. Маман мрачно озирает поле брани. Здесь никого нет, но она не лыком шита. Все слышали мужской голос, скандаливший по-английски.

— Он ушел через черный ход? — восклицает она, обнимая меня за плечи. — С вами все в порядке? Вызвать “скорую”?

Тут я замечаю, что в руке у нее тяжелый оловянный ковш, а за спиной маячит Жан-Ив, на этот раз вооруженный не гитарой, а молотком.

— Позови детей, — говорит Маман. — Мы должны помочь соседке убрать все это.

Я так и не выяснила, что произошло с Папá, патриархальным партнером сей великолепной дамы, но полагаю, что он скончался от ее решимости. Теперь они уже не снаружи, а внутри моей гостиной — *la grande armée*[94], орудующая швабрами и совками. Я, трепеща, пристроилась на софе и беззвучно повторяю *“Merci, merci”*, как выброшенная на берег рыба. Маман наливает себе виски и похлопывает меня по руке своей внушительной, обветренной лапой.

— Все прошло, *c’est fini*, — утешает она меня,

---

[94] Примечания: 94
Великая армия (*фр.*).

словно обиженного ребенка. Никто, слава богу, не предлагает позвонить в полицию.

На следующий день Матильда ждет меня на террасе. Ее лицо светлеет от облегчения, когда моя машина въезжает на площадь. Она бежит ко мне вприпрыжку, мотая хвостом, словно золотистый ретривер.

— Стило! Стило! Как ты? — Она пригибает меня к себе за шею и целует в щеку. — Он вернулся, да? Не бойся! Здесь тебя никто не тронет. Я не дам тебя в обиду.

Матильда стоит передо мной — ни дать ни взять рыцарь-джедай со складным световым мечом. Я так поражена отвагой этого ребенка, готового защищать от неведомой опасности огромную пожилую тетку, что даже не спрашиваю, откуда ей известно о визите моего инфернального любовника. Но весь ресторан в курсе. Когда мы входим в зал, завсегдатаи разражаются аплодисментами, а обалдевшие голландские туристы пялятся во все глаза.

— *Ah, madame, bravo.*

— *Il est parti? Espérons…*

— *C'est incroyable.*

— *Il ne vous a pas fait mal?..*

— *Prenez votre aperitif avec nous*...[95]

Весь ресторан теперь обсуждает вечную проблему домашнего насилия. В примерах недостатка нет. Помните старого Пенсона? Да-да, того самого. Бил смертным боем своих несчастных домочадцев, пока мальчишка не сбежал из дому — и правильно сделал! А Жан-Жак из Риессака? В точности как его братец, тот жену пальцем не трогал, но за поясом-то носил топор и размахивал почем зря, чуть что не по нем. Случаи женской тирании более редки, зато они изощренней. Мадам Тюлло заставила сестру отписать ей землю, грозясь в противном случае напоить ее отравой. А эта старая ведьма, Камилла Деруа! Слава богу, померла. Хлестала сына по яйцам всякий раз, как он небрежно сложит дрова, бедняга от этого стал гомосексуалистом. Одна дама рассказывает удивительную историю о том, как молодой человек поднял ее в воздух прямо посреди Северного вокзала в Париже и принялся бить об стену, но тут к ним подошел какой-то пожилой господин и велел ему поставить даму на место,

---

[95] Примечания: 95

— Браво, мадам!
— Он сбежал? Слава богу...
— Невероятно!
— Он вас не тронул?..
— Выпейте с нами... (*фр.*).

потому что невежливо бить женщин об стенки. И этот молодой человек, который был солдат в штатском, опомнился, бросил ее прямо на землю и отдал честь. В самый критический момент сказалась военная выучка. А у Николь — это мать Матильды, мы теперь на ты и фамильярничаем вовсю — была соседка, намного моложе мужа, ему пятьдесят, а ей двадцать пять, и они оба пили без просыху, не уступая друг другу, и в конце концов она сняла со стены двустволку и направила на него оба ствола. Ружье было заряжено, так что он не спорил. Ему удалось как-то выбраться из дому, и он прибежал к Николь, чтобы позвонить. А женщина принялась палить из окна, и когда прибыла полиция, у нее еще не кончились боеприпасы, так что полицейские осадили дом и вели переговоры через мегафон, но она была не в себе и несла бог знает что, так что им пришлось подождать, пока она не отключилась. Тогда они стали штурмовать здание в бронежилетах и на следующее утро про это писали в “Миди Либр”[96], прямо на первой странице: “ДОМАШНЯЯ ОСАДА ЗАКОНЧИЛАСЬ БЕЗ КРОВОПРОЛИТИЯ”, у Николь до сих пор хранится вырезка.

---

[96] Примечания: 96
“Свободный Юг” (*фр.*).

Конечно, ничего страшного, если муж отвесит жене оплеуху-другую. Милые бранятся — только тешатся.

Все сошлись на том, что мой любовник ревнует меня к моему творчеству, вот в чем все дело. Посетители ресторана ни о чем не расспрашивают. Они высказывают свое мнение. Так что мне оставалось только кивать и улыбаться. Я решила, что основным источником информации была булочница — она колесила по всем деревням, где не было своей пекарни. Она ужасная *bavarde*[97] и никогда не упустит хорошую сплетню.

Мы с Матильдой немного отвлеклись от дела со всей этой суетой. Однако она уже иллюстрирует историю о мадам Тюлло и ее сестре, изображая старую каргу в черных кружевах со зловещим зеленым варевом в руке. Я же занята тем, что продумываю новый поворот сюжета, из-за которого придется переписать предыдущую сцену. Я никогда не сочиняю свои пьесы сразу от начала до конца. У меня есть лишь общая идея и полная свобода маневра. И я люблю, когда мои персонажи меня удивляют. Так интереснее.

— Как ты думаешь, ее сестра лежит в посте-

---

[97] Примечания: 97
Болтушка (*фр.*).

ли? — спрашивает Матильда после часа молчаливого рисования.

— Чья сестра?

— Сестра мадам Тюлло, конечно.

— О да, от нее осталась лишь тень прежней женщины, — мирно сообщаю я, и мы вместе припоминаем все истории, их оттенки и нюансы.

Тот же “Король Лир”, в конце концов, — всего лишь семейная драма космического значения. В нем можно услышать эхо каждой домашней катастрофы Сессенон-сюр-Ор: размахивание топором, конфликт отца и сына, отравления и стрельба. Больше всего ненавидишь именно тех, с кем живешь бок о бок. Но семью нельзя уволить. Они могут уходить, порывать отношения, не разговаривать с тобой, вычеркивать тебя из завещаний, не здороваться на улице, но всегда, сталкиваясь с ними лицом к лицу, бледный от ярости, ты будешь видеть этот ее острый подбородок, его фамильный животик, и боже мой, она — копия тети Сюзи, когда та была в ее возрасте… И все эти мелкие черточки, запечатленные в плоти и крови, будут упрекать тебя за разлад. И Матильда откуда-то знает это. Когда она передает мне через стол законченную иллюстрацию к преступлению мадам Тюлло, я замечаю, что у сестер

одинаковые лица.

Но что такое семья? Кого считать семьей? Вот я, к примеру. У меня нет родных. Где-то в Америке, вероятно, есть Джерри, но он никогда не пишет. Я узнаю о нем что-нибудь раз в год, когда его жена посылает несколько строк на рождественской открытке. Она всегда спрашивает, когда же "Первоцвет" переплывет через пруд и будет гастролировать по Штатам. По Штатам! Нам очень повезет, если нас пригласят на гастроли в Лидс, Брэдфорд или Шеффилд. Мы и в Вест-Энде-то никогда не выступали. Но если есть у меня семья, то это мой театр. Мы все говорим о том, чтобы *обзавестись семьей*, верно? Я вот обзавелась этой.

Не то чтобы у нас не бывало срывов. Прекрасно помню тот вечер в Эксетере, когда Джеймс столкнул Валерию со ступенек трактира "У старой овцы", и та сломала колено. Пришлось играть на костылях. И публика хлопала ей стоя. Но она не разговаривала с Джеймсом целых три недели, если не считать диалогов на сцене. И это было непросто, учитывая, что он ее постоянный партнер. Потом была ужасная свара, которую мы с Джорджем затеяли из-за мюзиклов. Если что-то способно собрать толпу, так это мюзикл. Особенно такой, который уже знаком публике.

Я просто не могу понять его упрямства. Он даже из-за пантомимы так не кипятился. Я была твердо настроена ставить “Южную Пасифику”[98]. Для летнего сезона. В конце концов, говорила я, ты ведь привык навешивать сиськи из кокосов, когда изображаешь на рождество одну из сестер Золушки. А уж песни! “Ничего нет лучше дамы…” Джордж! Это написано для тебя! Я не отставала от него. Как-то мы сцепились прямо на виду у всей труппы. Двое из актеров расплакались. Так плачут дети, когда их родители ссорятся. Нам пришлось там же помириться и поцеловаться, чтобы все успокоились. “Южная Пасифика” имела бурный успех и даже Джордж не смог дуться при таком аншлаге.

Да, если и есть у меня семья — это мой театр. И если есть у меня партнер, то это Джордж. Мы вместе уже тридцать лет, и не было у меня более нежной дружбы, и не могла я мечтать ни о чем лучше этого. В наших отношениях никогда не было ничего сексуального, Джордж — голубой, и точка. Со мной сложнее, я — ни то ни другое. Пожалуй, я и влюблена-то никогда не была, если не считать нескольких увлечений женщинами

---

[98] Примечания: 98

“Южная Пасифика” — мюзикл Р. Роджерса и О. Хаммерстайна (1949).

вдвое старше меня. Наш театр — отличная компания в обоих смыслах этого слова.

Но я начинаю привязываться к фигуристой крашеной блондинке и ее сероглазой дочери. Матильда теперь приносит свой обед ко мне за столик и ест со мной. Еда — социальное действо. Мы в театре всегда едим вместе. Есть нужно со своей семьей.

Примерно с недельку после Большого Тарарама соседи вели себя тихо. Видимо, им нужно было время, чтобы прийти в себя. Было так жарко, что Лоран прямо с утра увозил всю молодежь на пляж, и потом они сидели дома, стеная и зализывая ожоги. Я записала целую пленку орущего Джорджа. Несколько отрывков из первого и второго актов, плюс немножко Джеймса в роли Лира, призывающего потопы и ураганы. Он очень хорошо это играл, с топаньем ногами и скрежетом зубовным. Если аккуратно смонтировать “Короля Лира”, получается одна сплошная семейная сцена на полную катушку. Я решила, что запущу пленку, если соседский шум станет уж совсем невыносимым. Я оставила несколько пауз для себя, чтобы визжать: “Что говорить! Когда нечего говорить!!!” Конечно, довольно трудно устроить настоящий шум в одиночестве,

но при небольшой технической поддержке “Первоцвета” и Вильяма нашего Шекспира семейный скандал библейского масштаба был у меня всегда наготове.

А потом случилось непредвиденное. Соседи разругались между собой. Это началось перед самым ланчем. Я не уловила, в чем было дело, но интонация диалога между Маман и Луизой явственно изменилась. Старшая дама сказала что-то язвительное, и Луиза опрометью метнулась в дом. Наступила зловещая пауза. Я проплыла мимо них на пути в Сессенон, стараясь не злорадствовать слишком явно. Мое веселое и ехидное *“Bon appétit”* было встречено мрачными кивками.

Видимо, ссора закипала весь вечер, пока мы с Матильдой заполняли лист за листом в темной пещере нашего уединенного ресторана, поскольку к половине десятого, когда я вернулась, они все готовы были вцепиться друг другу в глотки. Значит, так: Лоран сидит в сторонке с белым от ярости лицом и вертит в руках две вилки. На кухне все двери распахнуты, там бушует Маман — тяжелая артиллерия. Луиза и Сабина, невестки, ведут непрерывный автоматный огонь из укрытия. Мужчины то и дело бабахают ядром из допотопной пушки — больше дыма, чем огня: их

скромный вклад почти не заметен на фоне современного вооружения прекрасной половины. Война ведется между женщинами. Из-за чего, мне совершенно непонятно. Впрочем, так всегда бывает, когда воюет кто-то другой.

Никто из наблюдавших наши с Джорджем баталии по поводу мюзикла не понял всей глубины конфликта. Джордж хочет, чтобы у “Первоцвета” была репутация серьезного театра, чтобы мы прославились новаторскими постановками классической драмы. Я хочу, чтоб на каждом сиденье было по заднице. Он хочет, чтобы мы были неоднозначны и интеллектуальны. Я хочу, чтобы мы развлекали публику. Ему подавай монологи Короля Лира, а мне — песенку “Вечером волшебным”. В конце концов, мы оба добиваемся своего. Просто ставим разные вещи для разных зрителей. А критики, если вообще удосуживаются заметить наше существование, хвалят нас за “широкий диапазон”. То, что они восхваляют, на деле — нелегкий семейный компромисс.

По соседству, однако, компромисса не предвидится. Маман не намерена отступать на собственной территории. Черта с два. Вся площадь сидит и зачарованно слушает скандал. Вот Луиза прогрохотала вверх по лестнице. Младенец разбужен и

орет во всю глотку. Мне слышно все. Из шкафа выброшены чемоданы. Она возвращается в Париж! Жан-Ив тоже кидается наверх. Он старается ее отговорить. Сабина канючит по-французски что-то вроде “я-же-говорила”. Лоран тоже поднимается наверх. Он орет что-то прямо в кухонное окно. Я тщательно закрываю свое и распахиваю дверь черного хода. Однако от соседей нет спасенья. Это будет продолжаться всю ночь.

Пришла пора и мне вставить словечко. Я реву во весь голос:

— Довольно! Я сказала — довольно!

И включаю запись.

Кент будет дерзким, если

Безумен Лир. Что хочешь делать, старец?

Ты думаешь, что долг умолкнет в страхе,

Коль власть послушна лести?

Текст, кстати, вполне подходящий. Луиза — младшая невестка — наглоталась незаслуженных оскорблений от Маман. Маман думает, что не родилась еще женщина, достойная ее драгоценного сыночка. А проклятый младенец сводит всех с ума. Маман поучает обеих невесток, словно они

несмышленые дети. Я сама слышала. Конечно, Луиза никогда прежде не имела дел с младенцами, а теперь вот у нее появился свой. Разумеется, она время от времени делает что-то не так. Материнские навыки не приходят сами собой, этому приходится учиться от соски к пеленке. Но Маман всегда права. Во всяком случае, сама она в этом уверена. И от этого не легче.

Я ору хором с Джорджем:

Дочь младшая тебя не меньше любит;
Не там пусты сердца, где речь тиха:
Шумит лишь тот, где пустота внутри.

Не то чтобы Луиза особенно робела. Она распахнула окно на втором этаже и выкрикивает оскорбления в адрес Маман так, чтобы слышала вся площадь. Я включаю подборку брани из второго акта на полную громкость. Затем, охваченная театральным азартом, я совершаю еще одну фатальную ошибку. Я стою посреди комнаты, размахивая руками и переругиваюсь с крутящейся кассетой. Нечаянно я задеваю локтем вазу с гвоздиками и та катится к краю стола… Все. При звуках бьющегося фарфора Жан-Ив, Лоран и Маман кидаются колотить в мою дверь. Я ки-

даюсь к магнитофону, поскальзываюсь в луже и лечу на пол. Когда врываются соседи, я лежу возле магнитофона — я все-таки успела его выключить — с порезанной об осколок окровавленной рукой. Кто-то обвивает рукой мои плечи и крепко меня обнимает. О, боже, да это Матильда!

— Стило! Ты не расшиблась? — Она очень мила и серьезна.

Маман командует спасательными операциями:

— Быстро! Он убежал через заднюю дверь!

К счастью, задняя дверь и впрямь распахнута.

Лоран и Жан-Ив бросаются в вонючий проулок. Я каждую секунду ожидаю услышать крики “Держите вора!”.

— У Стило идет кровь, — деловито сообщает Матильда.

Разумеется, у Маман припасены йод и бинты. В благословенном затишье, которое всегда наступает после катастрофы, я слышу, как вопли младенца становятся слабыми всхлипами. Гвоздики, рассыпанные по всему полу, придают сцене незаслуженный оттенок трагизма. Матильда собирает цветы — ее розовые сандалии опасно скользят по мокрым плитам. Я сажусь на диван и пытаюсь отдышаться.

— Матильда! А ты что здесь делаешь?

— Навещаю кузенов. Но мне сегодня не повезло, они все друг на друга злятся.

Так я и знала. Маман и Николь — сестры. Этого следовало ожидать. Эти вырожденцы все друг другу родственники. Хорошо еще, я никогда не высказывала своего мнения о соседях в ресторане. Они бы им донесли! Вокруг одни враги — я прячу лицо в ладони. Но Матильда на моей стороне, она садится рядом и говорит:

— Не грусти. Он ушел.

Мы смотрим друг на друга. Мы обе испытываем большое облегчение, хоть и по разным причинам. Матильда оглядывает мою гостиную, задерживаясь взглядом на каждом предмете.

— Мне нравится твой дом, — говорит она. — Гораздо лучше, чем когда здесь жил дядя Жюль.

В тот момент я была рада это услышать, однако впоследствии мне пришлось убедиться на собственном горьком опыте, что Матильда из тех детей, которые замечают решительно все. И ничего не забывают.

Маман и Луиза заключили перемирие на время ликвидации последствий катастрофы. Они вместе осматривают мой порез. Оказывается, Луиза работает медсестрой в больнице Вильжюиф.

— Обычно у моих пациентов рак, а не порезы, — говорит она. — Но я вижу, что швы здесь не нужны. Рана чистая. Смотрите, Маман, я наклею две полоски пластыря, они стянут края раны, и все само заживет. *Voilà.*

Наконец-то! У Луизы обнаруживаются навыки и уменья, которых нельзя не признать. Маман с невольной гордостью произносит:

— Моя невестка — квалифицированная медсестра, вам повезло.

О да. Боже, боже.

Маман усаживается напротив. Сейчас она будет *faire la morale*[99]. Я это ясно вижу.

— *Ecoutez*[100],— начинает она, — конечно, это не мое дело, но по-моему, этот человек вам не пара. Он не может сделать вас счастливой, наоборот, от него одни неприятности. Скажите только слово, и мои мальчики его на порог не пустят. Он обычно является по вечерам, так?

Лоран и Жан-Ив разыскали Бернара, который сидел в кафе и дулся. Все трое столпились у входной двери. Они видели, как он убегал. Меня это заявление застает врасплох.

---

[99] Примечания: 99
Читать мораль (*фр.*).

[100] Примечания: 100
Послушайте (*фр.*).

— У него “ситроен”, да?
— М-м… Да, как будто бы.
— Зеленый?
— Ну-у… Зеленоватый.
— Черт. Мы не успели запомнить номер.
— Но теперь мы его не упустим.
— Какой он из себя?
— А?
— Вот же он! — восклицает Маман с непогрешимой проницательностью и хватает с телевизора заветный портрет. На фотографии мы с Джорджем стоим в обнимку на фоне декораций “Южной Пасифики”.

Может быть, однажды,
Вечером волшебным
Встретишь незнакомку
Ты посреди толпы…[101]

О господи, и вокруг кокосовые пальмы и вся наша труппа — все в костюмах американских матросов. Соседи с пристрастием изучают снимок. Джордж в гриме и в парике, обнаженный до пояса, в набедренной повязке. Гирлянда цветов обвивает накладной бюст из кокосовых орехов

[101] Примечания: 101
Перевод Н. Карповой.

и волосатые плечи. Я же выгляжу как обычно: фиолетовая футболка и волосы дыбом. Тут же и Джеймс, рядом с матросами — делает вид, что танцует хорнпайп[102]. *Merde.*

— Я — художественный директор театральной труппы, — блею я беспомощно.

— *Ah, c'est pour ca…*

— *C'est sur scene.*

— *Il est acteur*![103]

Да, господи-помоги, он актер.

— Мы найдем его, — говорит Жан-Ив решительно. — Мы его остановим.

Август обрушивается шквалом дождей. Мы все прячемся в домах, за постукивающими бамбуковыми занавесями, и наблюдаем оттуда, как потоки воды заливают площадь. Я уже подхожу к финалу третьего акта, пьеса летит на всех парусах. Мальчики, несмотря на погоду, не теряют бдительности. Они организовали патруль в вонючем проулке и прохаживаются там в плащах и глубоко надвинутых бейсбольных кепках. То и

---

[102] Примечания: 102
Английский матросский танец.

[103] Примечания: 103
— Ах, вот оно что…
— Они на сцене.
— Он актер! (*фр.*).

дело раздается стук в дверь:

— Все в порядке, мадам?

— Да-да, *merci,* Лоран (мерси, Жан-Ив, мерси, Бернар).

Они купили себе дубинки и лыжные маски для ночных дежурств и явно получают от всего этого большое удовольствие. Вся крошечная деревня гордится ими, тень их славы падает и на меня. Пару строк на эту тему появилось даже в колонке “местные новости” в “Миди Либр”. Я не чувствую за собой никакой вины. Наоборот, я стала частью местного сообщества.

Теперь, когда жара наконец спала, мы с Матильдой совершаем вечерние вылазки. Пока что она успела показать мне только Средиземноморские Сады и мемориальный музей катарских мучеников. Я познакомилась с мужем и с любовником Николь. Они оба поклялись изрубить в мелкие куски моего проклятого актеришку, и пусть он не смеет сюда и носа сунуть. На кухне сплетничают о том, что англичане совершенно не умеют обращаться с женщинами. Учитывая те ужасы, о которых они сами недавно рассказывали, я не думаю, что нас разделяет такая уж пропасть — если не считать Ла-Манша.

Представление продолжается. Но Джорджу я не

говорю ни слова, и это при том, что мы звоним друг другу каждый день.

— Кажется, ты стала ладить с соседями, — добродушно говорит он во время одной из наших ночных бесед. — "Короля Лира" принимают прекрасно. Джеймс пошлет тебе по факсу пачку положительных рецензий. Мы все просто летаем. Ты должна гордится нами, дорогая.

Я разражаюсь приличествующим случаю воркованием.

Приходит факс с километрами хвалебных отзывов. Я читаю их по мере того, как они вылезают из аппарата, и испытываю законную гордость. Но в конце меня ждет ложка дегтя. Веселая приписка от Джорджа:

Привет, старушка!

Отличные новости. Нарбоннский фестиваль театров под открытым небом пригласил нас срочно заменить труппу "Гаррис Экторс". Те, кажется, объявили забастовку. А у них в этом году шекспировская тема. Как тебе это нравится: *L'Homme, ses pièces, sa signification universelle!*[104] И они хотят нашего "Лира".

Фестиваль проводится с 17 по 28 августа, мы

---

[104] Примечания: 104
Великий автор, его пьесы, его всемирное значение! (*фр.*).

заняты в нем вторую неделю, все расходы оплачены. Нас поселят в гостинице “Золотой лев”, детали я сообщу. Я приеду пораньше, чтобы все устроить. Встретишь меня в Монпелье?

Целую, обнимаю,

Джордж.

Оплатили расходы! У комитета фестиваля деньги, видимо, лезут из ушей. Любой ценой я должна не допустить Джорджа в деревню! Нарбонна всего в тридцати километрах отсюда. Ладно. Будем надеяться, он будет слишком занят — ему придется бегать по амфитеатру, или где они там играют, проверяя, хорошо ли слышно. Я выпиваю три порции виски и только после этого сажусь писать ответ.

Мой дорогой Джордж,

Браво! Вы молодцы — рецензии просто отличные! Сообщи, когда ты прибываешь в Монпелье. Я так понимаю, “Первоцвет” приедет в шарабане.

С любовью,

Генри.

Без паники. Никто не узнает. Еще виски. Включить телевизор. Успокоиться.

В конце концов, главное — это семья, так ведь? Меня ждет воссоединение с семьей — в вести-

бюле “Золотого льва”, среди зеркал, фальшивой позолоты и пальм в кадках. Мы упадем друг другу в объятия с воплями:

— Генри! Дай на тебя посмотреть, дорогая!

— Как пьеса?

— Да ты поправилась!

— Для меня есть хорошая роль?

— Ты видела рецензии на Лира?

— Совсем не загорела.

— Здесь всегда так жарко?

— Как новый дом?

— У Валерии болит голова. Здесь продают “нурофен”?

— В “Санди Телеграф” написали, что Джеймс играет “внушительно”.

— Я съела их сыра и меня теперь тошнит.

— О господи, как я по всем вам соскучилась!

— Так ты ведь сама смылась и бросила нас на все лето, изменщица!

Амфитеатр под открытым небом устроили в пустой скорлупе старого собора. Обычно это парковка. Собор так и не достроили, поскольку для того, чтобы возвести неф, пришлось бы раз-

рушить городские стены. А Черный Принц[105] с армией, видно, только того и ждал. И вот — парящие готические башни и колонны, безупречные стрельчатые окна, все устремлено вверх, вверх, к сводам, не увенчанным крышей. И над ними лишь пустая палящая голубизна. Сцена устроена у западного фасада существующего собора. На левую часть сцены мы можем входить через дверь, ведущую в крытые галереи, но справа нам потребуется какой-нибудь задник или занавес. И надо хорошенько заизолировать провода, чтобы никого не шарахнуло током, когда мы будем пробираться за сценой. Я спрашиваю Джорджа: ты проверил, наша страховка включает континентальную Европу? А то ведь с нашим везеньем кто-нибудь из зрителей возьмет-таки и обуглится.

Акустика здесь суровая. Звук не поднимается вверх, а теряется где-то в приделах. Слышен шум машин, хотя оргкомитет фестиваля и обещал “обеспечить тишину на прилегающей к собору территории”. По мере возможности. Конечно, паровозы и самолеты полностью заглушить

[105] Примечания: 105

Эдуард “Черный Принц” — сын короля Эдуарда III, один из крупнейших военачальников времен Столетней войны, выигравший битву с французами при Пуатье (1346).

невозможно. Но главная проблема — язык. Фестиваль международный. Идеология фестиваля предполагает демонстрацию разных интерпретаций Шекспира, что должно подчеркнуть его вселенский масштаб и непреходящую актуальность. Непосредственно перед нами японский театр кабуки будет представлять “Макбета” — играют одни мужчины, в черно-белых масках и на котурнах. Румынская цирковая труппа поставила “Сон в летнюю ночь” — с трапециями и клоунами. Аргентинцы станцуют “Кориолана” в ритме танго. Джордж говорит, что Кориолан и Авфидий, танцующие танго с кинжалами в руках, вызывают у него эрекцию. Он волнуется, что мы будем выглядеть слишком банально.

— В елизаветинских костюмах? Не забивай этим свою хорошенькую головку. Мы тут будем круче всех. Для французской публики чулки и камзолы — такая же экзотика, как если б мы переоделись зулусами.

Все это так. Но как удержать их внимание, если они не поймут ни слова в диалогах? Придумала!

СУБТИТРЫ!

Не слово в слово, конечно, а как в немом кино. Общее содержание эпизода на широкой желтой полосе, которая разворачивается перед сценой,

под ногами актеров. Убегает слева направо, как новостная лента в телевизоре. Быстрее! Пусть Валерия поговорит с Дельфиной, фестивальным менеджером, и к пятнице все будет готово. Мы все равно не можем пока здесь репетировать, поскольку под сводами скачут исполнители “Сна в летнюю ночь”, без сетки и страховки.

Другая проблема — как всем не охрипнуть, выкрикивая свои реплики в этой влажной духоте. Мы должны начинать в девять, как раз когда смеркается, а закончится все далеко за полночь. Один антракт. Мы даем три представления. Джордж грызет ногти. “Танго” все распродано, мы пока нет. Валерию искусали комары, и ее левая щека похожа на большую шишковатую морковь. Субтитры, подсвеченные снизу, напоминают растяжки, рекламирующие летние распродажи “рено”. А теперь слово нашим спонсорам. Задним рядам понадобятся бинокли, чтобы разобрать написанное. Я из кожи вон лезу, пытаясь добиться, чтобы субтитры разворачивались вовремя и согласовывались с действием. В конце концов я додумываюсь до радиосвязи. Я смотрю спектакль с заднего ряда и шепотом отдаю команды прямо в маленькое ушко Дельфины. Теперь субтитры безошибочно ползут в нужное время, огромные

строчки на безупречном французском движутся справа налево (весь текст проверен одним аборигеном). Все это похоже на готический телевизор чудовищных размеров, где зрителю заботливо объясняется суть действия. Ура! Получилось! У нас есть субтитры. А я снова со своим “Первоцветом”, выслушиваю все сплетни, сглаживаю все углы. Мы нашли лучшую в округе богемную пивнушку и Валерия закрутила безумный роман с японским актером. Под смытым гримом обнаружился смешливый круглолицый паренек, говорящий по-английски не хуже нас. Когда они занимаются сексом, Валерия заставляет его снова надевать маску, но говорит, что он все время хихикает под этой чертовой штукой и все портит — она слышит его смех и не может кончить. Он дразнит ее, говорит, она влюбилась не в него, а в непостижимого, бесстрастного азиата. Джеймс пробует силы на румынской трапеции. Джорджу приходится выпить три порции виски, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами — о ужас, потерять ведущего актера за два дня до премьеры! Я, как всегда, рассуждаю философски:

— Если он разобьется, дорогуша, тебе придется играть Лира, а я возьму на себя Кента.

— Заметано, — слабо стонет Джордж.

Все это похоже на веселый сумасшедший дом. Закрутившись среди коллективных истерик труппы и желтых субтитров, я какое-то время не видела ни соседей, ни Матильду с Николь. В ресторане я не появлялась уже дней десять. Както забежала домой — переодеться и постирать в машинке трусы всей труппе. Не успела я вставить ключ в замок, как из соседнего дома выскочила Матильда:

— Стило! Стило!

Я немного напугала их своим исчезновением. Мальчики были уверены, что мой бешеный актеришка в конце концов разделался со мной — еще немного и они осушили бы пруд и стали искать меня в *garrigue* с палками и собаками. Бернар хотел подать заявление в жандармерию. Маман все больше мрачнела и готовилась принять решительные меры. Так что мне пришлось долго их успокаивать, и даже сознаться в том, что я участвую в шекспировском фестивале. Конечно, следовало бы придумать что-нибудь другое, но правда так проста и правдоподобна. Они все слыхали о Шекспире. Худшее приближалось. Они хотят посмотреть спектакль и поддержать Стило,

jusqu'au bout[106]. На этой стадии я перестала воспринимать мораль пьесы. Пока говоришь себе: "случилось худшее" — это неправда. Худшее еще впереди.

Ведя машину по длинной дороге в Нарбонну, через Од и болотистые низины, мимо тополей, чья листва сверкает на солнце и серебрится на теплом ветру, я обдумываю ситуацию. Они видели Джорджа всего однажды, в сутолоке, на старой фотографии. В набедренной повязке и с сиськами из кокосов он выглядит несколько необычно. Завтра он будет увешан оружием, а лицо скроется под мятой бархатной шляпой. Да, голос у него характерный, но что они слышали? Приглушенную брань эпохи Возрождения! И потом, — это моя козырная карта, — они ведь уверены, что он уехал. Они не ожидают его встретить. А человек видит только то, что предполагает увидеть. Вот почему замужним женщинам так легко сходят с рук адюльтеры. Их мужья в жизни не поверят, что кому-то может понравиться эта старая вешалка. Нет, все в порядке. Просто нужно проследить, чтобы контрамарки были не в первые ряды.

Ур-ра! Первое представление распродано!

---

[106] Примечания: 106
До конца (*фр.*).

Нас рекламировали как “Королевскую шекспировскую труппу”, классическую постановку и т. д. и т. п. с цитатами, переведенными из “Файнэншл Таймс”. Я была совершенно права. Радикальные эксперименты, клянусь Аполлоном! Дайте нам чулки и камзол, да настоящую шпагу в руки — и никаких фокусов! Когда Джордж стоит на освещенной сцене в бархатной шляпе, с вышивкой на гульфике, а рядом Глостер и Эдмунд, мое сердце громко колотится. Не от страха, а от гордости. Не отвлекайся от субтитров, женщина, — говорю я себе. — Это твоя работа!

Мне казалось, что король больше благоволит к герцогу Альбанскому, чем к Корнуольскому.

Поехали.

Публика смотрит как завороженная. Они сразу поняли, что это семейная ссора. Милорды Бургундский и Французский купаются в патриотических овациях. Эдмунд выглядит излишне сексуально в обтягивающе-зеленом, с чем-то расшитым блестками вокруг причинного места. Наша постановка вполне может задавать тон зимней коллекции. Субтитры гипнотизируют. Идея оказалась гениальной. Я раздумываю, не применить ли эту технологию в Англии на утрен-

них спектаклях для школьников. Язык Шекспира для них — как иностранный, если сказать, что это латынь, наверняка поверят.

Первый акт имеет шумный успех. Девочки великолепны. Сама злоба и мстительность. Валерия в роли Гонерильи превзошла себя. Но тут я слышу первый раскат грома — пока еще вдалеке, как раз когда Эдмунд выкрикивает в полный голос, на всю эту завороженную готическую парковку:

На помощь незаконным, боги!

Непристойный жест, которым сопровождается реплика (наверняка идея Джорджа) приводит зал в состояние экстаза.

Я начинаю молиться.

Услышь меня, Природа! О богиня! Услышь! Останови свое решенье. Пожалуйста, задержи грозу хотя бы до третьего акта. О, всемогущая, если ты прольешь свои воды сейчас, все пропало. Я разрываюсь между субтитрами и ожиданьем грозы. Черт побери, какой реализм! У нас записаны звуковые эффекты, этот веризм совершенно ни к чему! Джордж тем временем вдохновенно честит Освальда. Я прослушала эту его речь десятки раз, пока составляла из нее сцену домашнего насилия.

Плут, мошенник, лизоблюд, подлый, наглый, пустой нищий, оборванный, грязный негодяй; трус, жалобщик, каналья, ломака, подхалим, франт.

Нет, Джордж, тут должен быть другой акцент. И темп. Быстрее, как автоматная очередь. Шекспировские инвективы должны звучать так, как будто Маман орет на Луизу. Еще быстрее, и побольше яду:

...а на самом деле — смесь из жулика, труса, нищего и сводника, сын и наследник дворовой суки.

Да, да, отлично. Так-то лучше. О, господи, какая молния сверкнула на юго-западе!

ТРАХ! Яркий желтый зигзаг, после которого перед глазами плавают световые пятна, и потом жуткий грохот и треск, как будто валят лес, эхо отдается в небесах. Публика зашевелилась, в тревоге смотрит вверх. Электрический заряд аж покалывает в кончиках пальцев. Джордж прибавил звук, пытаясь перекричать гром. Такое впечатление, что в небе рушатся колонны. Я беспокойно разглядываю нависающую над нами недостроенную готику. Во влажном воздухе духота усиливается, раскаты словно гоняются

друг за другом. Снова и снова сумрак озаряют желтые вспышки. Гроза приближается, отступает, снова подходит. Я велю Дельфине развернуть следующие субтитры. Быстрее, пока нас всех не пронзило молнией и не унесло потопом.

Вообще-то приближающаяся буря только усиливает эффект представления. До конца, правда, далеко, но смотрится потрясающе. Давай, Джордж, давай!

Я, государь, привык правдивым быть:
Видал я в жизни и получше лица,
Чем на любых плечах сейчас я вижу
Перед собой.

Он обводит взглядом зрителей, включает их в реплику. И тут, перекрывая гром, раздается пронзительный крик из восьмого ряда.

— *C'est lui!* Это он! Это он бьет Стило!

Только не это. Хуже уже некуда.

Матильда, верная до конца, забыв обо всем, вскакивает на ноги.

— Который? Где? Этот? Держи его!

Лоран, Бернар, Жан-Ив и Маман все еще работают в патрульном режиме. Они опрокинули стулья. Они приближаются к сцене.

— Останови их субтитрами! — ору я Дельфине

по рации.

Соседи преодолевают субтитры и набрасываются на Джорджа.

Небеса разверзаются и с глухим треском отрубается электричество. Кто-то визжит. Амфитеатр погружается в хаос. Я так и не смогла решить, что это было: бедствие или благословение. Проталкиваясь к сцене, я слышу, как Альбани и Корнуол пытаются отодрать от Джорджа моих соседей, которые в сознании своей правоты пытаются произвести гражданский арест.

— Слушай, старик, ты там полегче. — Освальд ловкой подножкой сбивает с ног Бернара. Но от кого Джорджу достается на орехи, так это от Маман. Зрители устремились к выходам, все еще мерцающим в темноте зеленым светом, стараясь прикрыться от потопа программками. Господи благослови главного пожарника и его запасной генератор. Никто и не заметил драки на сцене. Я рысцой бегу в галерею. Оттуда можно наблюдать потасовку, какой позавидовали бы режиссеры спагетти-вестернов.

— Джордж! Джордж! Беги! Они убьют тебя!

Он, все еще в бархатной шляпе, выкатывается со сцены в галерею. Мы врываемся в епископский дворец и через заднюю дверь выбегаем на

главную улицу. Джордж трусит впереди в своем трико, поддерживая гульфик. Меня того и гляди хватит удар. В висках стучит.

“Кафе дю Балькон”. Скорее! Подальше, в уголок. Это местное кафе. Никаких туристов. Только старики и фанатики видеоигр, которые ошиваются в таких барах по всей Франции. Деревянные стулья расшатаны. Мы падаем на них, глотая воздух. Мои брюки намокли вокруг колен. По лицу Джорджа струится грим. В бархате и перьях он похож на бродягу. Официант подошел принять заказ и теперь в изумлении пялится на расшитый гульфик.

— Два пива, — истерически выкрикиваю я по-английски.

— Успокойся, девочка моя, — говорит мне Джордж, — и скажи мне, что это было. Какого дьявола публика на меня накинулась?

— Они думали, что ты меня избиваешь, — устало признаюсь я.

Джордж уставился на меня, раскрыв рот.

— Генри, — говорит он, — колись. Что ты натворила? Что ты им сказала?

— Уж конечно, не правду.

Четыре пива спустя Джордж уже хохочет, сгибаясь пополам, его изумительная пелерина а-ля

Уолтер Рэйли ходит ходуном от смеха. Посетители кафе таращатся на нас. Мы явно пьяны и не в своем уме, к тому же англичане.

— Что мне теперь делать? — жалобно скулю я. Спектакль отменили. Буря стихает.

— Какие у тебя варианты, моя радость? План Б. Ты сегодня за ночь выучиваешь роль Кента. Если потребуется, будем вместе сидеть до утра. В девять репетируем все твои сцены полным составом. Я не могу показаться на сцене, они снова на меня бросятся. Ты знаешь, что в Нарбонне есть мужской нудистский пляж? Я читал о нем в "Розовом путеводителе для голубых". Так что если я тебе понадоблюсь, ты знаешь, где меня искать. Я буду там загорать и лечить свой глаз. Хватит с меня Лира. Ухожу в отпуск.

Он наклоняется через стол и обнимает меня, пачкая мою щеку липким гримом. Так мы и сидим в обнимку, и наши телеса колыхаются от смеха.

Все, кто не хотел досматривать спектакль, получили обратно свои деньги, а для остальных мы дали дополнительное представление в воскресенье. Учитывая все события, передовица в местной газете была очень сдержанной — там писали в основном про погоду. Длинное рассуждение об

универсальном значении бури как метафоры оказалось настолько интригующим, что те, кто не был на спектакле, тут же кинулись за билетами, поэтому на трех следующих представлениях у нас был аншлаг. Должно быть, помог леденящий душу снимок — Корнуол выдавливает глаза Глостеру своими шпорами. Кроме того, в качестве заголовка красовался весьма своеобразный перевод реплики “Вон, гнусный студень!” Наш бизнес-менеджер с ухмылкой расхаживал вдоль очередей. Дельфина подлатала субтитры, а наша реквизиторша заняла мое место у рации. Ее французский оставлял желать лучшего, так что между субтитрами и действием наблюдалась некоторая несогласованность. Никто не заметил. Маман прочитала мне суровую нотацию о женщинах, которые возвращаются к злодеям и мерзавцам. Я поняла, что мне предстоит головомойка, как только услышала “Это, конечно, не мое дело, но…” и тут же пристыженно поджала хвост.

Я имела успех в роли Кента. Матильда и Маман ходили на все спектакли и хлопали как сумасшедшие. На сцену я возвращаться не собираюсь, но мне приятно, что я создала яркий образ. Разумеется, с помощью Джорджа. Но в собственной трактовке.

Послесловие переводчиков

Как это ни удивительно, Патрисию Данкер до сих пор не переводили на русский язык. В Англии и Америке ее книги давно уже пользуются широкой известностью и завоевывают престижные литературные премии.

Патрисия Данкер родилась в 1951 году на Ямайке, получила хорошее образование — курс английской литературы в Кембридже, аспирантура в Оксфорде. Как критик и рецензент, много писала о феминистской и лесбийской прозе. Однако ее собственный дебютный роман “Бред о Фуко” *(Hallucinating Foucault)* был опубликован только в 1996 году — и сразу же произвел фурор. Казалось бы, такая насквозь литературная история — главный герой пишет диссертацию о творчестве писателя Поля Мишеля (вымышленного), который, в свою очередь, попал в психушку после смерти философа Мишеля Фуко (реально существовавшего). Мы в ответе за тех, кого читаем. Мы в ответе за тех, кто читает нас. Роман разошелся огромным тиражом, несмотря на название.

Потом был сборник рассказов “Лимонные деревья мсье Шушаны” *(Monsieur Shoushana’s Lemon Trees,* 1997). Темы оказались довольно шокирующими: жестокость, сумасшествие, преступление. Данкер часто пишет о пограничных состояниях, исследует темное, неведомое пространство сознания и жизни. Игра на половой амбивалентности героев — один из любимых литературных приемов писательницы. Так, роман “Джеймс Миранда Барри” (*James Miranda Barry,* 1999), впоследствии выходивший под более кратким заглавием “Доктор”, основан на биографии реального лица, женщины викторианской эпохи, которая прожила жизнь под мужской личиной и сделала блестящую карьеру в качестве военного хирурга. Разумеется, в книге от реальной истории осталось немного. “У биографа должна быть ответственность перед фактами. У писателя должна быть ответственность перед читателями”, — объясняет автор. Следующий роман, “Смертельный промежуток” (*The Deadly Space Between*, 2002), с некоторой натяжкой можно назвать мистическим триллером.

И, наконец, — книга, которую вы держите в руках, вышедшая в 2003 году: “Семь сказок о сексе и смерти”. В этой книге Данкер осталась верна

себе. Она по-прежнему делает ставку на массовые жанры, не боясь при этом жонглировать сложными литературными аллюзиями.

Особенно это заметно в двух первых новеллах сборника. “Преследователь” на первый взгляд кажется вариацией на ультрасовременную тему про маньяков, не дающих прохода знаменитостям — недаром в тексте упомянута принцесса Диана. Но на самом деле история про таинственного убийцу построена на греческой мифологии, пересказанной римским поэтом Овидием в поэме “Метаморфозы”, одной из любимых книг Данкер. Преследователь — бог Зевс, а жертвы — его любовницы. Роскошная лесбиянка Линдси де ла Тур — Европа (вспомните, какую телевизионную программу она ведет); Зевс соблазнил Европу, приняв образ быка, украшенного цветочными гирляндами. Елена Свонн — Леда, к которой бог явился в образе лебедя (вспомните мозаику на античной вилле и распоротую подушку с перьями в момент гибели Елены Свонн; кстати, фамилия этой героини созвучна английскому слову “лебедь”). Дайана Харрисон — это Даная; к ней Зевс явился в виде золотого дождя. И, наконец, сама героиня-рассказчица по имени Сем — это нимфа Семела, которая по наущению ревнивой Геры,

жены громовержца, умолила Зевса явиться ей в своем настоящем, божественном обличье. От молний бога она сгорела, но Зевс в последний момент сумел выхватить из ее чрева их общего ребенка и выносить в своем бедре (“если можно верить такому рассказу”, замечает скептический Овидий). Этот ребенок — бог виноделия и веселья Дионис. Вспомните фигурную рукоятку ножа, которую находят на раскопках храма Зевса.

В рассказе “София Уолтерс Шоу” прослеживаются мотивы мифа о похищении Персефоны. Властитель царства мертвых Аид (он же Гадес, в римской мифологии — Плутон) похитил юную нимфу Персефону (у римлян — Прозерпина); сицилийская нимфа Кианея (кодовое имя героини) пыталась ему помешать, но не справилась и от горя превратилась в фонтан, вечно оплакивающий Персефону. Мать похищенной девушки, богиня земледелия Деметра, опечалилась так сильно, что земля перестала приносить плоды. Чтобы избежать гибели человеческого рода, боги договорились, что часть года Персефона будет проводить на земле с матерью (и это наши весна и лето), а часть — с мужем под землей (и это — время умирания природы).

В “Семи сказках” Данкер снова исследует зыб-

кость границ пола, сложную игра мужского и женского мира. Недаром ее героини так часто отказываются принимать правила игры, недаром София, олицетворяющая женское начало, не мыслит себя отдельно от Уолтерса и Шоу. Или взять, например, новеллу “Париж” — мужчина или женщина рассказывает историю про таинственных отпускников в черном “мерседесе”?

Патрисия Данкер училась в Англии и Германии, теперь живет в Уэльсе, в приморском городке со сложным названием Аберистуит. Преподает в Университете Уэльса и в Университете Восточной Англии, что не мешает ей проводить часть года на юге Франции. Мы с вами только что побывали в этих милых ее сердцу местах: прокатились на мотоцикле по немецким живописным дорогам, ощутили суровую красоту валлийских гор, попробовали изысканные французские блюда в деревенской гостинице. Ее сказки должны были поведать нам о сексе и смерти, а оказались о любви и о жизни. Но мы не жалуемся.

Александра Борисенко,
Виктор Сонькин

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.